АЛЕКСАНДР ВЕТРОВ

ВОЛОНТЕРЫ СВОБОДЫ

АЛЕКСАНДР ВЕТРОВ

ВОЛОНТЕРЫ СВОБОДЫ

Воспоминания участника
национально-революционной
войны в Испании

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1973

9(М)71
В39

Ветров А. А.

В39 Волонтеры свободы. Воспоминания участника национально-революционной войны в Испании. М., Политиздат, 1973.

216 с. с илл.

Автор этой книги — генерал-лейтенант А. А. Ветров, участник боев в Испании 1936—1939 гг. Тогда он, майор бронетанковых войск Красной Армии, был заместителем командира Интернационального танкового полка республиканской армии. В своих воспоминаниях он пишет о мужестве, отваге однополчан добровольцев-антифашистов из 16 стран Европы и Америки, об их жестоких схватках с фашистами под Сарагосой, при штурме неприступной теруэльской цитадели и в изнурительных сражениях у реки Эбро.

Отзывы и пожелания о книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., 7, Политиздат, редакция литературы по истории советского общества.

$\mathbf{B}\ \dfrac{0163-347}{079(02)-73}\ 284-72$ **9(М)71**

16 февраля 1936 года на парламентских выборах в Испании победил Народный фронт. Но международный империализм не примирился с победой испанской демократии. И внутренняя реакция во главе с генералом Франко, активно поддерживаемая Гитлером и Муссолини, подняла 18 июля 1936 года военный мятеж. Уже на третий день мятежа фашистские заправилы Италии и Германии начали открытую военную интервенцию против испанского народа. Через португальскую границу и марокканские порты мятежникам поступали немецкие и итальянские самолеты, танки и орудия, подразделения и части отборных марокканских войск.

Вскоре в распоряжение главаря мятежников Франсиско Франко прибыли подразделения гитлеровского легиона «Кондор» и соединения экспедиционного итало-фашистского корпуса. Более 300 тысяч солдат и офицеров фашистских государств вместе с мятежниками участвовали в подавлении защитников народной республики. Большую помощь испанской реакции оказывали империалисты Англии, Франции и США. Под видом «политики невмешательства» в испанские дела они осуществляли блокаду республики и тем самым развязывали руки интервентам.

С большой тревогой следили миллионы людей во всем мире за неравной борьбой испанского народа против объединенных сил внутренней реакции и германо-итальянских интервентов. В августе 1936 года, когда фашистские войска захватили юго-западную часть Испании, в Советском Союзе прошли многолюдные митинги и демонстрации протеста против агрессивных действий фашистов и солидарности с испанским народом. В Москве на Красной площади 3 августа собра-

лись 120 тысяч трудящихся. Они выразили свою братскую солидарность с испанским народом и обратились к народам Советского Союза с призывом организовать сбор средств в фонд помощи бойцам республиканской Испании. Многолюдные митинги солидарности с испанским народом состоялись в Ленинграде, Киеве, Минске и в других городах и селах.

На предприятиях, в учреждениях и колхозах советские люди отчисляли четверть дневного заработка, собирали посылки для отправки в Испанию. К концу октября 1936 года трудящиеся нашей страны внесли более 59 миллионов рублей в фонд помощи Испании.

Во многих странах выражение солидарности с испанским народом приобрело такие масштабы, каких мир не видел после Великой Октябрьской социалистической революции. По призыву Коминтерна в Испанию со всех концов света устремились антифашисты, полные решимости до конца сражаться за свободу народа Испании.

Правительство Испанской республики обратилось за помощью к Советскому Союзу. И советский народ, движимый священным чувством интернациональной пролетарской солидарности, преодолевая неимоверные трудности, посылает испанским братьям оружие и военное снаряжение. По велению сердца в охваченную огнем войны Испанию на помощь испанским патриотам отправились и советские добровольцы. В самое грозное для республики время, когда многим казалось, что дни Мадрида сочтены, туда прибыли советские танкисты на своих Т-26, а в мадридском небе появились первые советские самолеты И-15, И-16.

Вместе со своими братьями по оружию — испанцами и бойцами интернациональных бригад советские добровольцы отразили ожесточенные атаки во много раз превосходящего их в силах противника и сорвали планы фашистов, рассчитывавших на быструю победу.

В яростных боях под Мадридом из разрозненных, необученных отрядов народной милиции сложилась регулярная республиканская армия Испании. Она не только отстояла столицу республики, но при поддержке танков и авиации разгромила в марте 1937 года моторизованный экспедиционный корпус фашистской Италии под Гвадалахарой.

В создании и быстром росте боеспособности молодой республиканской армии большая заслуга Коммунистической партии Испании. Американский историк Кеттель пишет: «Все обозреватели сходятся на том, что под воздействием коммунистов правительству удалось создать из общего хаоса современную армию, которая оказалась в силах противостоять в течение трех лет объединенным силам Франко, марокканцев, Иностранного легиона, нескольких итальянских и немецких дивизий. Можно с полной уверенностью сказать, что без коммунистов как объединяющего и руководящего фактора республиканские войска были бы разгромлены значительно раньше 1939 года».

После гвадалахарской битвы фашистские державы увеличили поставку Франко военного снаряжения, в Испанию направляются все новые части интервентов.

Для того чтобы сорвать большое наступление врага на Мадрид, республиканская армия в декабре 1937 года нанесла внезапный удар по фашистским войскам, расположенным в горах под городом-крепостью Теруэлем. Никогда не забыть студеной декабрьской ночи, когда наши мощные пулеметно-пушечные танки БТ-5 вместе с героическими бойцами испанских коммунистических дивизий, многие из которых были одеты по-летнему, преодолели заснеженный перевал и пошли на штурм укреплений врага.

Проявляя доблесть и отвагу, пехотинцы и танкисты прорвали мощную оборону противника и после ожесточенных боев заняли город.

За свободу и независимость Испании сражались многие советские добровольцы из военных летчиков, танкистов, общевойсковых командиров, моряков, артиллеристов, саперов, связистов, военных инженеров и техников, а также других военных специальностей.

Где бы ни воевали советские добровольцы: под Мадридом, Гвадалахарой, у стен Теруэля и Брунете или на Хараме и Эбро,— всюду они проявили себя верными идеям пролетарского интернационализма, бесстрашными и самоотверженными воинами. Ратные подвиги советских волонтеров завоевали нашей Родине горячую любовь и признательность испанского народа. В «Истории Коммунистической партии Испании» записано: «Из этой обширной моральной и материальной

помощи, которую оказывала испанскому народу страна социализма, особо выделяется как неувядаемое и волнующее воспоминание деятельность героических советских добровольцев, прибывших в Испанию, чтобы обучить наших солдат и молодых командиров Народной армии обращению с новейшим военным снаряжением и современному военному искусству. Проявляя мужество и скромность, они показали, как следует сражаться в воздухе и на современных танках, как следует бороться с самолетами и танками противника. Советские добровольцы заслужили право занять почетное место в истории нашей войны».

Международная солидарность помогла выстоять испанскому народу против сил фашистской реакции в течение почти трех лет. Вместе с тем эта солидарность расширила ряды антифашистов во всем мире. Испания явилась великой школой сопротивления и антифашистского единства. На стороне республиканской Испании сражалось более 35 тысяч воинов-интернационалистов, преимущественно коммунистов, из 54 стран мира. Среди бойцов интернациональных бригад, покрывших себя неувядаемой славой, были Пальмиро Тольятти, Викторио Кодовилья, Жак Дюкло, Мате Залка, Луиджи Лонго, Карло Луканов, Дмитрий Павлов, Франсуа Бийу, Ганс Баймлер, Манфред Штерн, Кароль Сверчевский, Роберт Томпсон, Альваро Куньял, Ральф Фокс, Роль Танги, Родион Малиновский, Давид Альфаро Сикейрос, Валемир Чопич, Павел Батов и другие интернационалисты.

Многие советские добровольцы и бойцы интернациональных бригад не вернулись на Родину, покоятся в испанской земле. Память о них будет вечно жить в наших сердцах.

Два года и восемь месяцев длилась национально-революционная война в Испании. В истории человечества навсегда останутся изумительный героизм, мужество и отвага испанских патриотов и добровольцев-интернационалистов в этой первой вооруженной схватке демократии с фашизмом.

Благородному подвигу интернациональных добровольцев, живым и павшим на испанской земле, посвящен этот скромный труд.

Автор

ОТ НАРО-ФОМИНСКА ДО КАРТАХЕНЫ

АДРЕС — ПОЧТА ПОЛЕВАЯ

Жаркое лето выдалось в Наро-Фоминском военном городке механизированного корпуса имени Калиновского. Шел десятый день июля 1937 года. После майского парада в столице и тактического учения с показательными прыжками танков прошли недели, а работы по ремонту ходовой части и по регулировке машин были в самом разгаре.

Парк 5-го отдельного танкового разведывательного батальона напоминал муравейник. У машин копошились одетые в синие замасленные комбинезоны танкисты, занимаясь хорошо знакомым и привычным делом.

«На целые сутки запаздываем с окончанием работ, а еще передовая в соединении часть» — с такими невеселыми мыслями подошел я к танку лейтенанта Петра Часовина.

— Батальон, смирно! — послышалась команда дежурного по части воентехника 2-го ранга[1] Константина Гурьянова. Оглянувшись, я увидел медленно приближающуюся группу незнакомых командиров в сопровождении комбата майора А. Д. Штевнева.

«Чего в нашем положении не хватало, так это проверочной комиссии»,— с досадой подумал я и подбежал для доклада к высокому седому комкору[2].

После беглого осмотра парковых помещений комкор подошел к блестевшему свежей краской новому танку, который мы недавно получили с танкового завода.

— Расскажите о боевой и технической характеристике этой машины,— обратился он ко мне.

---

[1] Соответствует воинскому званию техника-лейтенанта.
[2] Соответствует воинскому званию генерал-полковника.

— Этот легкий быстроходный колесно-гусеничный танк БТ-5 весом 11,5 тонны вооружен 45-миллиметровой пушкой, спаренной с пулеметом ДТ. Боекомплект — 115 снарядов и 3 тысячи патронов. На командирских машинах установлены танковые радиостанции. Бронезащита противопульная, толщиной 16 миллиметров. Экипаж — три человека. 400-сильный бензиновый двигатель позволяет развивать скорость 70 километров в час на гусеницах и около 100 километров в час на колесном ходу. Возимого запаса горючего хватает на 200—300 километров пути,— доложил я и стал приводить ряд других данных.

— Товарищ Штевнев говорит, что вы на этой машине прыгали с трамплина на расстояние десяти метров? — перебил меня командир с двумя ромбами[1] на петлицах.

— Делал попытку на пятнадцать, а прыгнул только на восемь,— ответил я.

— А чем закончилась ваша попытка подводного вождения танка? — спросил комдив.

— К сожалению, неудачей. Плохая герметизация бронекорпуса привела к затоплению опытной машины в Наре,— ответил я, с неудовольствием вспоминая, с каким трудом выбирался из затопленного танка.

Поблагодарив за информацию, комкор и его группа удалились.

— Впервые встречаю больших начальников, которые бы не распекали нашего брата за «непорядок»,— удивленно сказал Гурьянов.

Не прошло и часа, как в парк возвратился майор Штевнев. Андрей Дмитриевич недавно, к большому удивлению сослуживцев, отпросился с высокой должности начальника политотдела 14-й механизированной бригады, где хорошо вел дела, на должность командира отдельного танкового разведывательного батальона.

Это был энергичный, умный и заботливый командир. У нас с ним сложились хорошие деловые отношения, основанные на взаимном уважении и доверии.

— Александр Александрович, тобой почему-то интересуются москвичи. К чему бы это? — спросил он.

[1] Знаки различия комдива, соответствует воинскому званию генерал-лейтенанта.

— Не имею понятия. А что это за люди? — в свою очередь спросил я.

— Это большие начальники из Генштаба, Политуправления и отдела кадров наркомата,— ответил Штевнев и продолжал: — Давай договоримся: если тебя будут куда-либо «сватать», не соглашайся. Ладно?

Меня тронули его слова, и я ответил:

— Согласен, но думаю, что мне ничего серьезного «не угрожает».

— Как знать? — как-то неопределенно ответил он.

Поздно вечером этого же дня я был вызван в штаб мехкорпуса. В большом кабинете начальника штаба за широким столом, покрытым зеленой скатертью, сидели командиры с ромбами на петлицах, с которыми я днем говорил в парке. Предложив мне сесть, седой комкор продолжал просматривать бумаги. Найдя нужный лист, он стал вслух читать:

— Помощник командира 5-го отдельного танкового разведывательного батальона Ветров Александр Александрович, 1907 года рождения, из рабочих. Русский. В партии с 1926 года. Военную академию механизации и моторизации окончил в 1934 году. На иждивении жена и двое детей. Сведения правильны?

— Все правильно,— ответил я, не понимая к чему клонит комкор.

— Вы обращались к народному комиссару обороны с рапортом?

— Да. В ноябре прошлого года я послал маршалу Ворошилову письмо с просьбой направить меня в Испанию, но ответа еще не получил,— ответил я.

— Вот для этого мы и пригласили вас,— улыбаясь, сказал комкор,— но сначала давайте посоветуемся по кандидатурам других калиновцев, пожелавших сражаться в рядах республиканской армии Испании.

После подробного рассмотрения большого списка танкистов, изъявивших желание поехать в Испанию, и отбора небольшой группы мастеров танкового вождения и меткого огня я, взволнованный оказанным мне доверием, вышел из штаба и до поздней ночи бродил по берегу тихой Нары и дорожкам спортивного городка.

Вспомнилась дождливая весенняя ночь 1923 года, когда мы, одесские портовые комсомольцы-чоновцы,

до чертиков усталые от 20-километрового ночного марша с «максимом», удобно устроившись на отдых в сырых кельях бывшего женского монастыря, мечтали о грядущей мировой революции и о счастливой жизни при коммунизме. С каким вниманием и хорошей завистью слушали мы старого большевика — участника боев на баррикадах Красной Пресни и штурма Зимнего. «Повезло же людям быть участниками таких великих событий! — думали мы тогда об отцах и старших братьях.— Доведется ли нам когда-нибудь послужить своей Родине так, как служили ей старые большевики?»

Нет, не прошло романтическое время революционных подвигов, как утверждали некоторые скептически настроенные сверстники. Пришел и наш час принять участие в освободительной народной войне...

О чем только не передумал я в ту долгую лунную ночь. Утром любопытные сослуживцы засыпали меня вопросами о причинах вызова в штаб. Пришлось, как советовал комкор, рассказать им о якобы предполагаемой секретной командировке в Забайкалье на испытание новых танков, и разговор перешел на злободневную тему о проводившемся в широком масштабе переоснащении Красной Армии современными образцами боевой техники и вооружения.

12 июля 1937 года я был вызан в Москву и явился в шоколадного цвета домик в Большом Знаменском переулке, где размещалось управление Наркомата обороны СССР. Здесь меня принял ответственный работник наркомата.

— Народная армия Испании имеет достаточно патриотов, готовых сражаться за свободу и независимость своей родины. Но она не имеет современной боевой техники и соответствующих военных специалистов, чем в избытке располагают франкисты. По просьбе правительства республиканской Испании туда направляется советская военная техника, вооружение и советские добровольцы, главным образом из авиационных, танковых, артиллерийских специалистов. Ваша задача — в сохранности доставить испанским друзьям советские танки и помочь им в короткий срок сформировать и обучить республиканские танковые подразделения,— сказал он и пожелал успеха.

Выйдя из кабинета, я сдал на хранение свои документы и оружие и отправился в отведенное мне жилище. Предъявив стоящему у входа в Хамовнические казармы часовому пропуск, я оказался в длинном коридоре светленького двухэтажного домика. Навстречу с развальцей шел младший командир сверхсрочной службы, отличный механик-водитель танка Павел Демкин.

— Товарищ помкомбат! Сколько лет, сколько зим! Значит, и вы с нами? — спросил он.

— А собственно, что вы здесь делаете? — приветствуя старого знакомого, задал я вопрос.

— Как будто вы не знаете? Жду разрешения на поездку в Испанию. Вчера сюда приехали товарищи из Калуги и Кубинки. Устроились в большом зале.

Мы вошли в огромную, с черными колоннообразными печами и большими окнами спальню, вдоль стен которой стояли аккуратно застланные кровати.

— Смотрите, как прихорашивается Леша Разгуляев, — улыбаясь, сказал Демкин.

У окна стоял стройный, кареглазый красавец с орденом Ленина на широкой груди. Продолжая расчесывать свои каштановые кудри, он посмотрел в нашу сторону, затем бросил на кровать гребенку и, подняв вверх сжатую в кулак правую руку, задорно крикнул:

— Салуд, камарада!

— Салют! Салют! — подмигивая Разгуляеву, ответил я.

Мне нравился этот беспокойный, всегда что-то ищущий и волевой лейтенант. Мы жили с ним по соседству и в свободное от работы время, лежа на травке вблизи дома, нередко говорили о том, как лучше использовать высокие технические возможности новых танков, о большом их значении в предстоящей войне, а в том, что война с немецким фашизмом неизбежна, у нас сомнения не было.

От Разгуляева я узнал, что он уже на втором году срочной службы в качестве механика-водителя танка был без экзамена удостоен звания среднего командира и назначен командиром танкового взвода. За успехи в боевой и политической подготовке командир лучшего в Московском военном округе танкового взвода, сын паровозного машиниста, старого большевика Алексей

Васильевич Разгуляев в августе 1936 года был награжден орденом Ленина и назначен командиром танковой разведывательной роты мехбригады.

Присмотревшись к находящимся в зале товарищам, я увидел много знакомых танкистов — передовиков боевой и политической подготовки Московского военного округа. Здесь были участники Всеармейского совещания танкистов-стахановцев, обладатели первых почетных значков «За отличное вождение танка», командиры передовых танковых подразделений и орденоносцы.

У окна пристроился на табуретке с открытой книгой румянолицый степенный блондин лейтенант Сергей Лапутин, а рядом с ним на диване, положив ноги на спинку стула, дремал старший лейтенант Николай Шатров.

В конце зала у печи порывистый крепыш лейтенант Евграф Аристов, жестикулируя, горячо доказывал что-то иронически улыбающемуся старшему лейтенанту Петру Сиротинину.

От группы оживленно беседующих младших командиров сверхсрочной службы, среди которых я узнал комсомольцев Павла Семенова, Владимира Кручинина, Петра Коловатова и Сергея Силаева, отошел выше среднего роста, атлетически сложенный, с волевым лицом мой старый товарищ Степан Шевцов и направился к нам.

— Поздравляю с посвящением в волонтеры,— поздоровавшись, сказал он.

За столом у раскрытой книги, перебивая друг друга, горячо спорили механики-водители танков Василий Гредасов, Виктор Новиков, Николай Бочарников и другие.

Открыв дверь одной из комнат, я увидел майора С. И. Кондратьева.

— Прибыл для дальнейшего прохождения службы,— доложил я вставшему навстречу Степану Ивановичу.

— Зачем так официально? Прошу располагаться,— приветливо сказал он и сразу же стал вводить меня в курс дел.

Это был среднего роста блондин, лет сорока. Его белое, с редкими веснушками лицо русского крестья-

нина, прожившего нелегкую ратную жизнь, было в ранних морщинах.

Степана Ивановича я знал как пользующегося доброй славой, рассудительного, требовательного и заботливого командира учебного танкового батальона 13-й механизированной бригады.

Говорили, что он в гражданскую войну командовал стрелковым полком.

— Нас здесь собирается двадцать командиров, пятьдесят механиков-водителей и восемь радистов и ремонтников. Кроме вас моими помощниками едут Владимир Иванович Кольнов и Петр Семенович Фотченков. С Кольновым я знаком, а с Фотченковым нет. Не знаете ли вы его?

Как же мне было не знать своего первого академического ротного командира Петра Семеновича, которого мы, молодые слушатели военной академии, побаивались за высокую требовательность и уважали за коммунистическую убежденность, прямоту и принципиальность и с которого брали пример выполнения воинского долга?

— Это эрудированный, хорошо знающий танковое дело, требовательный и заботливый командир... А вот и он сам. Легок на помине,— сказал я, увидев в приоткрытую дверь Фотченкова.

В комнату неторопливой походкой вошел Петр Семенович.

— Капитан Фотченков! — щелкнув каблуками до блеска начищенных сапог, представился он Кондратьеву.

— Рад познакомиться,— вставая, ответил тот и продолжал: — Нам вместе придется работать в необычных условиях...

После непродолжительного разговора я вышел в коридор, где встретил белокурую миловидную девушку в окружении лейтенантов. Она что-то записывала в блокнот.

— Запишите и меня,— шутя обратился я к ней.

— Хорошо, а вы были у врачей? — в свою очередь спросила она и, увидев мое замешательство, повелительно сказала: — Нет? Тогда пойдемте.

Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ней.

— Вот чудак, сам напросился на уколы,— услышал я смеющийся голос старшего лейтенанта Ивана Губанова.

И действительно, после простукивания и прослушивания один из врачей сделал мне «профилактический» укол лошадиной дозы какой-то сыворотки, после чего у меня испортилось настроение и стала нетвердой походка. Выйдя от врача, я остановился у стола, за которым продолжался спор.

— Будь Павка Корчагин жив, он непременно поехал бы в Испанию,— подводя итог спору, безапелляционно заявил Виктор Новиков и захлопнул новенькую, недавно вышедшую из печати книгу Николая Островского «Как закалялась сталь».

«Парень совершенно прав»,— подумал я.

В связи с санитарной обработкой и другими неотложными делами наш коллектив перешел на казарменное положение. В домике, где мы разместились, была приличная столовая, буфет, библиотека и душевая, так что большой необходимости бывать в городе мы не испытывали. Главной темой разговоров была, конечно, Испания. Следует признаться, что до недавнего времени некоторые из нас об этой далекой стране имели смутное представление и главным образом по «Дон-Кихоту» Сервантеса и по опере «Кармен». Потом из газет и передач московского радио мы узнали, что после свержения помещичье-феодальной монархии в 1931 году Испания стала демократической республикой, а в феврале 1936 года на выборах в кортесы[1] победу одержал Народный фронт и к власти пришло левобуржуазное правительство.

Не примирившись с поражением на выборах, реакционная военщина 18 июля 1936 года начала войну против собственного народа, рассчитывая одним ударом покончить с демократией. На ее стороне была значительная часть офицерства, увлекшего за собой 80 процентов регулярной армии, Иностранный легион, гражданскую гвардию и марокканские части.

На защиту республиканского строя встали широкие народные массы, захватившие арсеналы и склады оружия. В Мадриде, Барселоне, Валенсии, Бильбао, Аль-

---

[1] Законодательное собрание.

басете, Ируне и во многих других городах фашистский мятеж был подавлен.

В критический для мятежников момент, когда неизбежность их разгрома была очевидна, в борьбу открыто вступили фашистские государства Германия и Италия. Они направили главарю фашистских мятежников генералу Франсиско Франко самолеты, танки, орудия, боевые припасы и свои отборные войсковые части и соединения.

Правители так называемых демократических держав, верные своей политике натравливания гитлеровской Германии на Советский Союз, всячески попустительствовали фашистской агрессии. Таким образом, окруженная недругами Испанская республика вела неравную борьбу не только против внутренней фашистской реакции, но и против главных капиталистических держав. «Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества» [1],— заявил И. В. Сталин в телеграмме Центральному Комитету Коммунистической партии Испании.

Это сделанное от имени Центрального Комитета нашей партии заявление поддержал весь советский народ. По всей стране прошли многотысячные митинги и демонстрации протеста под лозунгом «Руки прочь от революционной Испании!». Воины Красной Армии, как и все трудящиеся нашей страны, отчисляли часть дневного оклада и направляли посылки в Испанию.

В защиту испанского народа выступили все прогрессивные силы мира. Многие понимали, что война на Пиренеях — это шаг к развязыванию второй мировой войны. В числе сотен добровольцев, из многих стран поспешивших на помощь испанскому народу, были и советские люди.

Положение Испанской республики к июлю 1937 года оставалось напряженным. Более половины территории страны находилось в руках фашистов. Всех нас волновали вопросы: почему перед страшной угрозой

---

[1] «Правда», 16 октября 1936 года.

фашистского порабощения Испании там до сих пор разобщены силы различных антифашистских партий? Почему так называемое социалистическое правительство Франции в ущерб национальным интересам на деле способствует удушению Испанской республики? Несмотря на капиталистическое окружение и растущую опасность со стороны наглеющих фашистских держав, Советский Союз оказывает военную помощь республиканской Испании. Но достаточна ли она?

— Я достоверно знаю, что в октябре и ноябре прошлого года из Бобруйска и Старых Дорог в Испанию отправились две группы добровольцев-танкистов и повезли туда штук сто танков Т-26,— сказал нам разбитной лейтенант Василий Ободовский. А кому, как не Ободовскому, было знать такие секреты. Он до недавнего времени служил адъютантом у большого начальника и поэтому был в курсе многих событий.

— Вторую белорусскую группу в составе около ста танкистов возглавил комбриг [1] Павлов, а с ним поехали майоры Петров, Урбан и Коротков,— продолжал Ободовский.

— Комбриг Павлов, который командовал передовой в Белоруссии 4-й танковой бригадой? — спросил я.

— Так точно, это он,— ответил Ободовский.

С Дмитрием Григорьевичем Павловым меня познакомил комбриг Сурен Степанович Шаумян [2] на январском Всеармейском совещании танкистов-стахановцев в 1936 году, где мы были в президиуме и выступали с речами. Это был влюбленный в танковое дело волевой и энергичный военачальник, пользующийся большим уважением у сослуживцев. Тогдашняя встреча с этим опытным и умным командиром, интересным собеседником оставила хорошее впечатление. А теперь он с советскими машинами и танкистами оказывается уже в Испании.

Можно не сомневаться в том, что старые коммунисты Павлов, Петров и их молодые танкисты будут воевать с честью и окажут большую помощь испанским

---

[1] Воинское звание высшего комсостава, соответствует званию генерал-майора.

[2] Сын руководителя бакинских большевиков Степана Шаумяна в этот период служил начальником автобронетанковых войск Ленинградского военного округа.

патриотам в освоении танковой техники и в обучении военных специалистов.

С большим интересом следил наш коллектив за сообщениями московского радио и газет о военных действиях в Испании. Мы были огорчены тем, что так хорошо начатая республиканскими войсками наступательная операция с участием танковых батальонов под Брунете своего развития не получила. Тревожила и неблагоприятная для республиканских войск обстановка на севере Испании. «Поскорее бы в дело»,— подумал я. Эту же мысль высказывали и другие товарищи.

Однажды вечером меня с тремя танкистами пригласили на торговую базу «Мосодежды», где мы подобрали себе светло-серые шевиотовые костюмы, пальто и шляпы. С родной танковой формой пришлось временно расстаться. В хамовническом общежитии мы спороли ярлыки «Ленодежды» и «Москвошвея», а также заменили многочисленные пуговицы с фабричными знаками на только что полученной обновке.

За день до отъезда из Москвы ко мне неожиданно приехала жена Антонина Степановна. Она была встревожена моим внезапным отъездом и моей настоятельной просьбой не являться на вокзал для проводов и с беспокойством посматривала на меня. Испытавшая трудности неустроенной армейской жизни, она ни о чем не расспрашивала, только непослушная слезинка, скатившаяся по щеке, выдавала ее глубокое волнение. Несмотря на полное доверие к жене, я по понятным причинам не мог рассказать ей всей правды, к тому же она была беременна. Я был уверен, что она, умница, дочь старого большевика, все поняла бы и одобрила мое решение.

Допоздна в этот теплый летний вечер мы гуляли с ней по Зубовскому, Смоленскому и Тверскому бульварам. Говорили о сыновьях, о том, что дочь назовем Наташей, и о планах на будущее. Забрели в летний сад «Аквариум», где военный оркестр играл популярную «Катюшу»... В Хамовниках расстались, условившись переписываться по военно-полевой почте.

Перрон Курского вокзала. У вагонов скорого поезда Москва — Севастополь много курортников и провожающих. Все они в легких разноцветных летних платьях. Среди шумной толпы резко выделялись группы молодых людей с военной выправкой, подстриженных под «бокс», одетых в одинаковые светло-серые шевиотовые костюмы.

— Ну и маскировочка! Хуже придумать трудно,— недовольно говорит Степан Иванович Кондратьев. — Кто мог предугадать, что всем нашим товарищам понравятся одного и того же цвета и фасона костюмы, пальто и даже шляпы?

Я с трудом удержался от разбиравшего меня смеха. Ведь и мы с ним тоже были одеты во все светло-серое.

— Смотрите, вот идет еще один «конспиратор». Это Владимир Иванович Кольнов.

К нам подошел черноглазый и смуглолицый, с черными как смоль волосами, лет тридцати, стройный, похожий на цыгана молодой человек. На нем светло-серый костюм и такого же цвета «реглан» на руке.

— Владимир Иванович, с камуфляжем у нас полный конфуз,— с досадой сказал ему Кондратьев.— Посоветуйте некоторым товарищам хотя бы снять пиджаки, может быть, это внесет какое-то разнообразие.

Незаметно для публики переданная команда «снять пиджаки» не улучшила положения, так как верхние рубахи, галстуки и даже подтяжки у многих наших ребят оказались одинаковыми.

— Скажите, уважаемый, верно ли говорят, что к нам в Севастополь на гастроли едет джаз Утесова? — спросила у Степана Ивановича молодящаяся дама.

— Откуда мне это знать? — сказал тот удивленно.— Почему вы решили об этом спросить именно у меня?

— Да о вашем джазе весь поезд говорит. Не понимаю, почему вы только скрываете это? Ведь вас узнали по униформе!

С видом разоблачителя, лукаво улыбаясь, дама вошла в вагон.

Мысль о джазе нам понравилась, так как в какой-то степени позволяла исправить допущенную промаш-

ку с экипировкой. Поэтому мы не только не опровергали слуха о гастролях джаза, но даже поддерживали его.

Вот так под видом музыкантов мы без приключений доехали до самого Черного моря. С наступлением темноты небольшими группами добрались до указанного места сбора и очутились в уютном домике севастопольского порта.

Здесь нас ожидали вкусный ужин и мягкие постели.

Утром морской командир ознакомил нас с условиями предстоящего путешествия, которое мы должны были совершить на теплоходе в качестве членов судовой команды, и выдал каждому испанские мореходные документы.

В моей книжке моряка дальнего плавания значилось, что ее владелец, палубный матрос Валентин Малино Рубио, является уроженцем города Мадрида...

Мне, как и моим друзьям, следовало изучить жизнеописание испанского моряка, под видом которого предстояло странствовать, и в течение нескольких дней научиться по-испански отвечать на несложные вопросы биографического порядка.

Над освоением азов испанского языка мы в ожидании корабля трудились упорно, не зная устали. Малейший успех кого-нибудь из товарищей на этом трудном поприще вызывал бурную реакцию всего коллектива. На второй же день я, кроме ответа на несложные вопросы биографического порядка, мог свободно по-испански сказать: «Я хочу кушать», «Прошу стакан кофе с молоком», «Спасибо за обед» — и прочее в таком же духе. Этому в значительной степени способствовало то обстоятельство, что обслуживающий нас испанский официант Хенаро ни слова не знал по-русски. Ведь говорят же: «Проймет голод, появится и голос».

Вечерами мы слушали испанскую музыку и даже подпевали веселому официанту Хенаро.

— Товарищи! Приятная новость: я собственными ушами слышал, как Саша на чистейшем «кастельяно» попросил Хенаро накормить его обедом, правда, когда они стали выбирать блюда, то это напоминало разговор двух глухонемых. Но это уже частность. Главное же то, что камареро понял одаренного лингвиста и накор-

мил нас вкуснейшими макаронами по-итальянски. Лед тронулся!

Это шутливое высказывание в мой адрес балагура Кости Гурьянова вызвало веселое оживление и смех среди ребят и как бы подводило итог трехдневной зубрежке русско-испанского словаря.

«КАБО САН-АГУСТИН»

Как-то ночью мы были разбужены баском судового гудка. Выбежав из домика, увидали подходящее к причалу огромное грузо-пассажирское судно. На его корпусе большими белыми буквами было написано: «Кабо Сан-Агустин».

На приветственные возгласы испанских моряков: «Вива Русиа!» — мы дружно ответили:

— Салуд, камарадас! Вива Ла република!

Остаток ночи прошел в разговорах о предстоящем путешествии из Черного в Средиземное море.

Утром в наше жилище наведался советский шеф-капитан «Кабо Сан-Агустина» Семен Васильевич Славин. Это был небольшого роста, статный, с мягкими, но волевыми чертами лица военный моряк.

— Очень рад взаимодействию с танкистами,— улыбаясь, сказал он и добавил: — Мне доверено сопровождать вас к месту назначения.

Семен Васильевич рассказал о корабле, о сложности предстоящего рейса и о наших морских обязанностях.

В этот же день мы переселились на корабль и с большими удобствами устроились в его многочисленных комфортабельных каютах.

Судовая команда встретила нас очень тепло. Не прошло и часа, как ребята, жестикулируя и смешно искажая испанский язык, «рассказывали» своим новым друзьям о Советском Союзе и о Севастополе. Обед в общем салоне прошел непринужденно и весело.

Новые друзья старались предупредить наши желания. В знак расположения матрос Фелипо вынул из портмоне пачку фотоснимков и показал мне, приговаривая: «Эста миа еспоса, эсто мадре и падре» [1].

[1] Это моя жена, это мать и отец.

Я тоже достал из кармана пиджака фотокарточку жены и сыновей.

Первый день корабельной жизни прошел в заботах по загрузке трюмов орудиями, авиабомбами, снарядами, пулеметами, винтовками. А еще через день к лайнеру подошел первый эшелон с танками БТ-5. Несмотря на заверения представителя сдающей части о полной исправности и укомплектованности машин, мы настояли на их тщательной проверке до погрузки на корабль, и, как впоследствии оказалось, правильно сделали. На ряде машин из-за недосмотра сдатчиков отсутствовали инструменты и запасные части, а также были выявлены мелкие дефекты.

Чтобы не задержать отправление корабля, двое суток трудились мы над приведением машин в полный порядок и добились своего. Все танки стали словно новенькие. Но когда была подготовлена к погрузке первая партия машин, обнаружилось неожиданное. Замер входных трюмных проемов показал, что по высоте они почти на 10 сантиметров меньше высоты танков со снятыми перископами.

Для того чтобы танки смогли пройти в трюмные отсеки, нужно было в потолочных балках трюмов вырезать небольшие «окна». На мое предложение сделать эту несложную и совершенно безвредную для судна операцию испанский капитан с негодованием ответил:

— Портить корабль не разрешаю. Снимайте бронебашни и грузите их отдельно от бронекорпусов.

— Снятие башен с бронекорпусов сделает танки на какое-то время небоеспособными и потребует больших усилий, специального оборудования и квалифицированных рабочих на месте выгрузки. Позволит ли обстановка в порту выгрузки сделать все это? — убеждал я капитана, но безрезультатно.

Неизвестно, чем бы закончился спор, если бы не московская телеграмма, запретившая демонтаж танков. После того как портовой автогеносварщик расширил проемы в трюмах, началась погрузка машин.

Расставить и закрепить 50 танков в неприспособленных, с гладкими металлическими полами трюмах оказалось нелегким делом; потребовалась куча разных подпорок, клиньев, проволоки и многое другое. Но вот погрузочные работы закончены, и танкисты согласно

составленному Кондратьевым плану приступили к несению боевой службы.

На меня кроме ответственности за сохранность танков было возложено также и руководство аварийно-спасательной службой лайнера. В. И. Кольнов стал командующим корабельной артиллерией.

Дело в том, что на «Кабо Сан-Агустине» были установлены 4 тщательно замаскированные небольшие пушки и 2 пулемета, предназначенные для отражения возможного нападения на него пиратствующих в Средиземном море итало-германских друзей Франко. Боевые расчеты этих огневых средств были составлены из танковых артиллеристов и пулеметчиков.

Близкое общение с рядовыми членами судовой команды позволило нам лучше узнать и полюбить этих очень общительных, веселых и добрых людей.

Раз по какому-то делу я зашел в каюту С. И. Кондратьева и увидел там П. С. Фотченкова. Он был чем-то встревожен.

— На, посмотри, что говорят о нас враги,— обратился он ко мне и протянул небольшой, написанный от руки лист бумаги. Несколько таких же листков лежало на столе. Я стал читать. В листовке по-русски советским добровольцам предлагалось не вмешиваться в «чисто испанские дела» и давался совет отказаться от поездки в Испанию, «откуда очень немногие возвращаются».

— В судовой команде, находящейся под сильным влиянием каталонских анархистов, определенно имеются представители «пятой колонны», и это надо принимать в расчет при организации караульной службы,— сказал Петр Семенович и тут же предложил меры по усилению охраны корабля и груза. По понятным причинам мы не могли на испанском корабле заняться поисками авторов листовок.

Откровенно говоря, я не разделял волнения П. С. Фотченкова по поводу, как мне казалось, пустяковой писульки блудливого антиреспубликанца, но принятые меры по усилению охраны груза и важных объектов на корабле считал вполне разумными.

24 июля. На вечернем сборе в общем салоне шеф-капитан С. В. Славин громко объявил:

— Сегодня ночью снимаемся с якоря.

Севастопольская гавань в сиянии заходящего солнца. Взволнованное море покачивает стоящий у пирса катер-работягу.

Дни томительного ожидания и сборов позади. Все надежно закреплено, укрыто, запломбировано и готово к длительному рейсу. И вдруг экстренный вызов к Кондратьеву. В каюте Степана Ивановича уже были Славин, Фотченков и Кольнов.

— В связи с активизацией фашистских военных кораблей в Средиземном море,— начал свое сообщение Степан Иванович,— и возросшей опасностью для «Сан-Агустина» мне приказано оставить для сопровождения танков и остального груза группу из пяти наиболее опытных добровольцев во главе с товарищем Ветровым, а вместе с остальными танкистами следовать в Ленинград.

Вот так новость!

Кроме разлуки с друзьями, мы лишались опытных артиллеристов и пулеметчиков. Но ничего не поделаешь. Поговорив об этом, товарищи стали укладывать свои вещички. В помощники я отобрал Виталия Валуева, Василия Власова, Николая Бочарникова и Лонгвина Мещеркина. Пожелав нам счастливого плавания, группа Кондратьева в этот же вечер уехала из Севастополя.

Непредвиденный отъезд основной группы танкистов взвалил на оставшихся гору обязанностей. Наибольшей и непреодолимой трудностью было подобрать и как-то подготовить орудийные расчеты из молодых, в военном отношении неопытных испанцев.

Перед тем как отчалить от берега всей командой произвели косметическое преображение облика лайнера. Глубокой ночью наш транспорт под названием «Туркестан» и советским флагом без обычных гудков и провожаний, отшвартовался от пирса и, медленно развернувшись, взял курс на Босфор.

ПО МОРЯМ

Хороша летняя ночь на Черном море! Приятно после напряженной работы стоять на палубе. Любимое с детства море искрится бесчисленными серебряными

блестками. Разрезая фосфоресцирующие волны, корабль несся вперед. С грустью смотрели мы на удаляющиеся родные берега.

Где-то совсем близко справа по борту оставалась Одесса, славная своими революционными традициями, с никогда не унывающим, острым на язык, талантливым трудовым народом. В этом городе в подвале дома «на канаве» в семье портового грузчика я родился. Сызмальства работал в порту. В 20-х годах комсомолил, был бойцом Чон и в 18 лет стал коммунистом, там и теперь грузчиками трудились отец, брат Миша и дядя Ваня, с гордостью рассказывавший нам, молодым портовикам, о памятных встречах в 1898 году в портовом «баржане» [1] с Алексеем Пешковым, будущим писателем земли русской.

Мои размышления прервал Лонгвин Мещеркин.

— Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать! — продекламировал он.— В Наро-Фоминском Доме Красной Армии сегодня вечер самодеятельности, там моя солистка поет «Катюшу». Вспомнил я и дюже захотелось домой,— невесело сказал он.

Желая развеять грустные мысли товарища, я ответил тут же пришедшими на ум словами на мотив «Катюши»:

— Пусть Лонгвин танки бережет родные, а любовь Катюша сбережет. Вот так, камарада Хуан Перец.

Бочарников и Власов засмеялись. Дело в том, что Лонгвин свою новую фамилию — Хуан Перес — почему-то произносил Перец, подчеркивая окончание.

Утром, проходя по палубе мимо закамуфлированной пушки, я заметил сидевших на ящиках с артиллерийскими снарядами оживленно беседующих молодых испанских матросов. В зубах у них дымились сигареты. У меня волосы стали дыбом.

— Камарада, нельзя же так. Курить у снарядов опасно,— обратился я к ним, показывая жестом, что от огня сигареты можно взлететь на воздух.

— Не беспокойся, ничего не случится,— мило улыбаясь, ответили они.

---

[1] Ночлежка.

Только после очень настойчивого требования курильщики нехотя отправились в отведенное для курения место. Не прошло и часа, как они вновь курили на ящиках с боеприпасами. «Ну что ты с ними поделаешь? Откуда у них такая беспечность?» — недоумевали мы.

Несмотря на строгий приказ капитана, разрешавший курение только в приспособленных для этого местах, члены судовой команды беспрестанно курили у бочек с авиабензином, у трюмов с авиабомбами, словом, везде, где им заблагорассудится. Было совершенно непонятно, как это мы еще не провалились в тартарары?

В своих водах мы провели два практических занятия орудийных расчетов с боевой стрельбой. Это вызвало большой интерес у испанских друзей и в определенной степени благоприятно отразилось на повышении дисциплины на корабле.

Теплая лунная ночь, беспокойное, все в серебре, бескрайнее море. На палубе пусто. Еле слышное ритмичное дыхание судовых двигателей и небольшое покачивание действуют усыпляюще.

— Входим в турецкие воды. Начинается ваше первое заграничное плавание. Первое? Я угадал? — спрашивает Семен Васильевич Славин.

— Заграничное — первое, а вообще-то по Черному морю приходилось плавать матросом на паруснике и много раз в качестве пассажира,— тоном бывалого черноморца ответил я.

— Это хорошо, что плавали. Пригодится,— не без иронии ответил Славин.

— Турция! Турция! — крикнул кто-то из команды. И действительно, вдалеке показалось туманное очертание гористого берега.

Нам было известно, какое большое влияние имеет фашистская Германия на турецкие руководящие круги, поэтому мы ожидали повышенного интереса к «Туркестану» со стороны фашистских лазутчиков и приготовились к этому.

Вскоре мигание далекого маяка известило о приближении Босфора, а несколько позже к нам на небольшом катере прибыл низкого роста, непомерно толстый местный лоцман.

Замедленным ходом следуем вдоль узкого Босфорского пролива. Мимо проплывают устремленные к небесам, освещенные луной минареты мечетей, кипарисы, портальные краны Ускюдара и Стамбула. Затем пролив расширяется, и «Туркестан» выходит в Мраморное море.

Слева, в гавани, простирающейся до самого Измира, маневрирует большой турецкий военный корабль.

— Это бывший немецкий «Гебен»,— говорит Семен Васильевич, видя с каким интересом я рассматриваю крейсер.

Тут я вспомнил ноябрьскую ночь 1914 года, когда мы, портовики, как и все мирные жители Одессы, были разбужены варварским артиллерийским обстрелом германскими разбойниками «Гебеном» и «Бреслау» беззащитного города. В результате этой бессмысленной и жестокой бомбардировки было убито и искалечено много жителей. В разрушенном доме на Пушкинской улице, у вокзала, погиб мой восьмилетний друг Саша Богданов. Разбросав около порта плавающие мины, от которых впоследствии пострадало много рыбаков, крейсеры ретировались.

«Вот где пришлось встретиться с ночным пиратом»,— подумал я. Из Мраморного моря мы вновь втянулись в длинный, около 70 километров, Дарданельский пролив и очутились в Эгейском море с его многочисленными островками.

Миновав древнюю Элладу, транспорт вышел на широкие просторы Средиземного моря.

На третьи сутки путешествия Семен Васильевич Славин получил из Москвы шифротелеграмму, прочитав которую он сказал:

— Впереди неспокойно. Во французских водах фашистские военные корабли напали на испанские нефтеналивные суда и на торговое судно «Андусменди». Нам предложено принять особые меры предосторожности. Через час приступаем к новой маскировке корабля.

Лайнер отошел в сторону от главного морского пути, и команда приступила к работам по заранее разработанному плану. Из припасенных, окрашенных в нужные цвета щитов, патрубков, дверей и других деталей были смонтированы и установлены различные надпалубные

пристройки, вторая фальштруба с дымовым приспособлением и заделаны трюмные проемы. Вдоль корпуса протянулась узкая белая полоса.

ПОД ЧУЖИМ ФЛАГОМ

Не прошло и трех часов, как грузо-пассажирский, однотрубный теплоход «Туркестан» был преображен в двухтрубный щеголеватый пассажирский пароход под названием «Гавана». Соответствующие изменения претерпели и наши личные документы.

Так, вместо испанской мореходной книжки я получил так называемый «нансеновский паспорт» на имя русского эмигранта Павлова Ивана Парфеновича, который разрешал его владельцу проживать и работать в стране, подписавшей «конвенцию», без права подданства.

Пришлось приниматься за изучение своей новой «биографии».

Много хлопот и волнений доставила нам капризная дымовая аппаратура в фальштрубе, с помощью которой должна была создаваться видимость сгорания в топках парохода «Гавана» дымного угля, а не нефти, как это имело место на самом деле.

Как-то ко мне в каюту прибегает возбужденный Василий Власов и жалуется, что дымовая установка в передней фальштрубе «барахлит».

— Положите пучок пакли в корыто на дне трубы и поворотом рычага форсунки добейтесь подачи на нее нужной струи мазута, затем подожгите все это,— посоветовал я ему.

— Да я все это уже делал, но не получается. Попробую еще раз,— и он взбирается по вертикальной металлической лестнице и исчезает в трубе, из которой вьется слабенькой струей дымок, совсем не похожий на черно-бурый дым соседней трубы.

Такая асинхронность дымов может вызвать излишнее внимание к нам встречных кораблей, что совсем нежелательно.

Не проходит и двух минут, как из трубы пулей вылетает Власов. Одежда на нем дымится, голова и лицо измазаны мазутом. Жалобным голосом он бормочет:

— Ну что ты с ней, проклятой, поделаешь? Горит! Страшно жжет, но не дымит!

И действительно, из власовской трубы идет еле видный дымок.

Я сочувствую товарищу, но не могу удержаться от улыбки, все это выглядит как-то комично. А тут, как назло, сигнальщик оповещает, что на горизонте появился встречный корабль. Ну, теперь совсем не до смеха!

Не раздумывая, я подбегаю к матросу, моющему палубу, и опрокидываю на себя ведро с водой. Затем быстро влезаю в злополучную трубу. Жара в ней страшная. Нечем дышать. Лицо и руки прямо-таки горят. Первая мысль — бежать из этого адского пекла! «А что подумают товарищи? С других требовать мастак, а у самого гайка слаба? — с горечью подумал я.— Нельзя допустить демаскирования «Гаваны»».

Преодолевая острую боль в руке, нетерпеливо прыгаю от жары. В каком-то тумане проделываю манипуляции с рычагом форсунки и паклей. От возникающего густого дыма стало совсем темно и нестерпимо душно. Еще мгновение — и сознание оставит меня. Нащупываю обжигающую руки лесенку и с трудом карабкаюсь вверх. Здесь дымно, но не жарко. По наружной лестнице медленно спускаюсь, жадно глотая прохладный воздух, постепенно прихожу в себя.

Откуда-то издалека слышу радостный голос Власова:

— Дымит проклятая!

«Значит, все в порядке»,— с облегчением думаю я.

Подбегает матрос и окатывает меня водой. Ну, теперь совсем хорошо!

Спустя некоторое время, когда мы с Власовым отошли в сторону и наблюдали за приближавшимся пассажирским судном с английским флагом на корме, а также за солидным дымом, который валил из обеих наших труб, он виновато спросил:

— Ну как там? Ведь в трубе сильно жгло. Правда? Да?

— Терпимо,— не спеша ответил я, поглаживая ладонью опаленные брови.

После этого случая у меня на всю жизнь осталось пятно на левой руке, а волосы долгое время вились.

Войдя в каюту, чтобы привести себя в порядок, я заметил на полу у двери письмо. И уже лежа, вскрыл конверт. С трудом разобрал написанные по-русски слова: «Твои дружки в Севастополе, как крысы, бежали в предчувствии беды. Пока не поздно, на спасательной лодке покидай судно. Иначе вас всех ждет суровая кара. Доброжелатель».

Этот трусливый недоумок хотел, чтобы мы поверили в его силу, но не на таких напал. Я решил быть осторожным и о письме пока никому не говорить. Смазав оливковым маслом обожженные места, я тотчас же уснул.

Как-то свободный от дежурства Лонгвин Мещеркин в бинокль рассматривал изумрудное море. Ему, донскому казаку, все было в диковинку: и огромный корабль, и безбрежное море. И вдруг он замер, что-то увидев, а затем закричал:

— Полундра! Подводная лодка!

Подбежав к нему, я спросил:

— Где?

— Вот в том направлении,— ответил взволнованный Лонгвин и протянул бинокль.

Меня охватило беспокойство. Вооружившись биноклем, я увидел вдалеке группу вынырнувших, а затем вновь погрузившихся в воду играющих дельфинов. У берегов Одессы мне не раз приходилось наблюдать это интересное зрелище. Не желая обидеть Лонгвина, говорю:

— Действительно очень похоже на подводные лодки, но это дельфины. В хорошую погоду они группами играют. Их совсем нетрудно перепутать с подводными лодками.

Мещеркин недоверчиво посмотрел на меня, а затем вновь взял бинокль и еще долго следил за игрой впервые встретившихся дельфинов. Рассекая волны, корабль шел вдоль африканского берега. Не проходило дня, чтобы на нем не было происшествий. Вот и сегодня с закрытого брезентом трюмного люка исчезли свинцовые пломбы. Войдя в трюм, мы обнаружили у танков рассыпанный сахарный песок.

— Что это значит? Кто мог здесь чаевничать?— удивился Власов.

Меня же находка сахара в танковом трюме не на шутку обеспокоила. Я знал, что сахар, введенный в бензосистему танкового двигателя, способен надолго закупорить ее. Это могло вывести танки из строя.

Неужели наши недруги перешли от угроз к действиям? Когда же Власов в дальнем трюмном углу нашел тщательно спрятанный под машиной мешочек сахарного песка, все сомнения на этот счет развеялись.

Что, если врагу удалось сделать свое черное дело? С волнением приступили мы к осмотру машин. Проверка показала, что неизвестные злоумышленники успели вскрыть бензобаки только трех танков и всыпать в них сахарный песок. Такая же участь, по-видимому, ожидала и остальные машины, если бы своевременно не был разгадан коварный замысел врага. Пришлось установить круглосуточное дежурство доверенных лиц во всех трюмах, а также приняться за трудоемкую работу по промывке топливных систем трех машин.

Предпринятые вместе с испанскими товарищами попытки поймать участников «пятой колонны», несмотря на все старания, результатов не дали.

На четвертые сутки наш корабль проходил через самый узкий и небезопасный Тунисский пролив, близко прижавшись к берегу. Справа был остров Пантеллерия, где расположилась крупная военно-морская база фашистской Италии. Слева — тунисский городок Эль-Удяны.

На залитом солнцем африканском берегу виднелись светленькие, европейской архитектуры домики. Они были окружены стройными пальмами, кипарисами и другой экзотической растительностью. Вдоль побережья раскинулись оливковые и апельсиновые плантации. Мимо «Гаваны» прошмыгнуло небольшое французское суденышко с нарядными туристами на борту и направилось к берегу.

Палило вовсю. Прибрежные воды заполнили студенистые медузы. Не хотелось уходить с теневой стороны палубы, где шалун-ветерок лохматил волосы и через открытый ворот забирался под рубашку, но судовые склянки настойчиво приглашали на обед.

Надеваю пиджак и нехотя направляюсь в кают-компанию.

Вслед за капитаном за стол сели его помощники, главный механик, судовой врач. За ними и мы со Славиным заняли свои места. Обед прошел в неторопливой беседе об искусстве, о винах и, конечно, о женщинах, а о положении в Испании — ни слова, как будто в их стране было все тихо, мирно и не происходило там никакой борьбы между народом и черными силами реакции. Так и хотелось спросить: «С кем вы, синьоры интеллигенты?».

Вечером в районе Бизерты поднялся штормовой ветер, и океанский корабль стал раскачиваться, словно крошечный ялик. Вначале мы держались стойко и не показывали вида, что такая качка нам не по нутру, но по мере усиления шторма самочувствие ухудшалось. Первыми морские испытания не выдержали Валуев и Власов, а затем «захворал» и Бочарников.

Мне с Мещеркиным удалось долгое время не терять самообладания. Несмотря на подступающую тошноту, мы продолжали нести дежурство. Видя, как мы крепимся, Славин одобрительно улыбался. Наконец и я почувствовал, что вот-вот начнется рвота, и медленно побрел в каюту.

Лежанье в постели с мокрым полотенцем на голове и лимон не помогли, головокружение усиливалось. При попытке встать тошнило. Вдруг дверь каюты отворилась, и вошел Мещеркин. Он сразу же плюхнулся на диван. Лицо его было серым.

— Что-нибудь случилось? — не узнавая своего голоса, спросил я.

— Из танкового трюма слышны металлические стуки. Наверно, нарушено крепление машины,— озабоченно ответил Мещеркин.

Это известие словно током обожгло меня и заставило подняться. Напялив брезентовую робу, я вслед за Лонгвином вышел на ускользающую из-под ног, обдаваемую брызгами палубу.

С большим трудом открыли мы трюмный люк и по мокрому узенькому металлическому вертикальному трапу, еле удерживаясь, чтобы не сорваться, сползли на дно глубокого трюма.

Перед нами открылась жуткая картина. Один танк сошел с подложенных под его гусеницы деревянных клиньев и скользил по гладкому металлическому полу,

нанося удары по корпусу соседней машины, грозя в любую минуту повредить другие машины и даже протаранить корпус судна.

Что только мы не делали, чтобы вновь закрепить машину, но наших сил не хватало. 11-тонный танк бросало из стороны в сторону. Словно акробаты, завертелись мы вокруг точно взбесившейся машины, бросали под ее гусеницы бревна и доски. И вот наша взяла. Нам удалось все-таки закрепить танк на месте. Обессиленные тяжелой борьбой со стихией и морской болезнью, мы были не в силах подняться на палубу и завалились на куче танковых брезентов.

ПРОВОКАЦИЯ ФАШИСТСКИХ ЭСМИНЦЕВ

К утру море успокоилось. В кают-компании, как и обычно после завтрака, свободные от дежурства офицеры вели оживленный разговор, на этот раз о преимуществах ароматной «мансанильи» перед другими винами. В разгар спора к капитану подошел второй помощник и доложил, что на горизонте появились неизвестные военные корабли.

Вслед за капитаном все вышли на палубу, а еще через три минуты была объявлена общая тревога. Палуба опустела, судовая команда заняла места согласно боевому расписанию. Боевые расчеты скрыто расположились неподалеку от своих орудий и пулеметов. Виталий Валуев привел в порядок кое-где нарушенную маскировку.

Через некоторое время мы в бинокль увидели несущиеся навстречу два миноносца с расчехленными пушками и торпедными аппаратами, около которых суетились люди. Корабли быстро приближались. Передний миноносец мчался прямо на нас.

— Почему он идет на нас, а не сворачивает? — с беспокойством спросил я у Славина, но не получил ответа. Только бледность лица выдавала волнение шеф-капитана.

В тот миг, когда я уже считал столкновение неотвратимым, юркий эсминец, круто повернув вправо, вихрем пронесся мимо «Гаваны», чуть не задев ее.

— Ну и подлец же этот провокатор! — вырвалось у меня.

Только сейчас я почувствовал, как учащенно колотилось сердце, а руки впились в перила борта. Когда второй эсминец проходил мимо нас, мы увидели на его корме итальянский флаг и бортовую надпись «Турбина». Столпившиеся на борту офицеры и матросы чему-то смеялись, с интересом разглядывали наш лайнер.

Затем миноносцы развернулись и пошли за нами, все время манипулируя торпедными аппаратами и пушками,— то ли просто хотели напугать нас, то ли с учебной целью. У меня создалось впечатление, что итальянцы кого-то ищут.

Не прошло и четверти часа, как эсминцы снова «атаковали» наш транспорт, на этот раз со стороны кормы. Некоторое время они следовали один справа, другой слева «Гаваны», точно жандармы, «расстреливая» ее окулярами офицерских биноклей. В это время я успел прочитать название другого миноносца. Это была «Саэтта».

Дуэль нервов продолжалась более часа, в течение которого мы внимательно следили за кознями итальянцев, а они что-то выискивали у нас. «Если бы они знали, кто мы такие, то давно применили бы силу. По всему видно, что фашисты не совсем уверены в кубинской принадлежности нашего корабля»,— подумал я.

Совсем неинтересная игра в «кошки-мышки», в которой печальная роль бедной мышки выпала на нашу долю, на этот раз окончилась благополучно. Фашистским хищникам не удалось обнаружить что-либо изобличающее нас, и они вскоре ушли в сторону и скрылись из виду.

Трудно сказать, чем бы закончилась эта встреча, если бы не выдержка капитана и его русского советника, отличная маскировка корабля, а также самообладание судовой команды.

Нет сомнения в том, что орудийные расчеты и многие другие члены экипажа лайнера оказали бы должное сопротивление эсминцам при попытке захватить «Гавану». Окажись враг сильнее нас, мы готовы были открыть кингстоны и пустить корабль на дно.

Не успели мы как следует прийти в себя от встречи с эсминцами, как в небе над нами показались два гидросамолета с итальянскими опознавательными зна-

ками. На бреющем полете, чуть не задевая за мачты, они много раз пролетали над «Гаваной». Открыть по самолетам огонь — значило пойти навстречу фашистской провокации. «Гавана» как ни в чем не бывало продолжала путь.

Наконец фашистские летчики поняли, что их провокация не удалась, и оставили нас в покое.

На исходе шестых суток беспокойного путешествия наш лайнер во избежание нежелательных встреч следовал вдоль побережья Алжира, подальше от острова Мальорки, где базировались авиация и морской флот фашистов. Этот район Средиземного моря изобиловал франкистскими и немецко-итальянскими пиратами, поэтому все службы нашего корабля были приведены в боевую готовность.

Через три-четыре часа должны были показаться желанные берега Испании, а вместо радости на лицах моряков лежала настороженность.

— На горизонте снова корабли! — одновременно с впередсмотрящим взволнованно крикнул Николай Бочарников и протянул мне бинокль.

— Неужели вернулись «Саэтта» и «Турбина»? — спросил он.

— Не только вернулись, но и привели с собой других хищников,— ответил я, когда увидел множество дымных столбиков на горизонте.

Вскоре стали видны и очертания шести-семи военных кораблей. По нахмуренным лицам матросов было видно, что и они встревожены увиденным.

Только я направился к капитанскому мостику, чтобы выяснить, почему не объявляется боевая тревога, как услышал веселый голос Семена Васильевича Славина:

— Камарада Рубио! Смотрите, с каким почетом нас встречает республиканская эскадра.

— Вот оно что! А я, грешным делом, думал о худшем,— с облегчением ответил я.

Весть о близкой встрече с республиканским флотом молнией распространилась по кораблю и вызвала радостные разговоры.

Всем захотелось своими глазами посмотреть на республиканские крейсеры, миноносцы и другие ко-

рабли. Усталость напряженного похода как рукой сняло. Палуба заполнилась ликующими людьми.

Между тем военные корабли подходили все ближе и ближе. Уже был виден мощный корпус с мачтами и башенными орудиями крейсера «Либертад» в окружении эскадренных миноносцев «Антекера», «Эсканьо», «Вальдес», «Лепанто», тральщики и подводная лодка. Строй эскадры из 12 кораблей замыкал крейсер «Мендес Нуньес».

— Вот это встреча! — восхищался Бочарников.

Военные корабли окружили наш лайнер плотным кольцом, и под их конвоем мы продолжали свой путь.

На огненно-красном горизонте показались берега юга Испании с выделяющейся заснеженной горной цепью Сиерра-Невада. «Где-то недалеко от нас Гренада»,— подумал я, всматриваясь вдаль.

САЛУД, ЭСПАНЬА!

Смеркалось, когда лайнер подошел к Картахене и, миновав искусственный мол, втянулся в ее внешнюю гавань. Справа по ходу из воды возвышались накренившиеся орудийные башни недавно затопленного «пятой колонной» республиканского линкора «Хаиме I». В сумеречном свете вырисовывались силуэты кораблей, кранов и зданий судоремонтного завода, дока и арсенала. Совсем рядом высились обнявшие порт горы, защищая его от ветров и непогоды.

Из прочитанной в свое время брошюры об Испании я знал, что город-крепость Картахена основана в III веке до нашей эры и в настоящее время является основной военно-морской базой и главным торговым портом республики, откуда экспортировалась добываемая в соседних шахтах руда цветных металлов.

— Это лучшая на средиземноморском побережье Испании естественная гавань,— словно подслушав мои мысли, сказал Славин.

У причала собралось много бойцов, с нетерпением ожидавших так необходимые им боеприпасы и вооружение.

— Салуд, эрманос! Вива Русиа! [1] — слышались возгласы приветствия.

[1] Привет братьям! Да здравствует Россия!

— Вива Ла република! — дружно ответили мы.

Не успел корабль пришвартоваться к причалу, как на его палубу поднялся главный военный советник при республиканском правительстве комдив Григорий Михайлович Штерн. Он радостно и сердечно поздравил нас с благополучным завершением рейса.

— Мы здесь да и москвичи очень беспокоились за вас. Вы себе представить не можете, как сейчас важны для республики доставленные вами танки, вооружение и боеприпасы. Ведь в настоящее время на трех республиканских солдат приходится только одна винтовка и десять патронов, а о танках и самолетах и говорить не приходится, их очень мало,— блестя черными глазами, возбужденно говорил он.

После того как Славин и я доложили ему обо всем, что произошло с нами во время семидневного путешествия, Григорий Михайлович сообщил, что группа Кондратьева еще не приехала, но ожидается со дня на день. Затем он спросил меня о состоянии танков и в какой срок они могут быть готовы к боевым действиям.

— Если бы мы располагали подготовленными танковыми экипажами, то через три—пять дней были бы готовы,— уверенно ответил я.— В другом же случае подготовка и сколачивание экипажей и подразделений, даже при наличии советских механиков-водителей и командиров танковых подразделений, потребует недели.

Штерн согласно кивнул и стал рассказывать о положении на фронтах.

В конце беседы Григорий Михайлович приказал мне сосредоточить танки на учебной базе в небольшом курортном городке Арчене, расположенном в 90 километрах северо-западнее Картахены. Захватив советские газеты и письма, он уехал.

В скором времени в порту началась сопровождаемая гулом лебедок и говором людей разгрузка вооружения и боеприпасов, которые тотчас же увозились на фронт.

Выгружать же 11-тонные танки из трюмов не представлялось возможным, так как здесь не оказалось кранов соответствующей грузоподъемности. Пока портовые власти искали кран, мы решили прикорнуть.

Трудно сказать, долго ли продолжался наш сон.

Однако грохот и трескотня вынудили меня оторваться от теплой постели и выйти на сырую палубу. В высоком, освещенном десятками прожекторов темно-синем небе кружилась стая самолетов, вокруг которых вспыхивали белые ватные тучки разрывов зенитных снарядов.

— Авион фасиста! —воскликнул знакомый матрос.

«Сам вижу, что не свои»,— с досадой подумал я, и в это время послышалось близкое завывание и глухие шлепки. Через мгновение потоки воды обрушились на корабль, попадая в открытые трюмы, на ящики с оружием и танки. От неожиданности мы растерялись и забились под спасательные лодки.

Несколько бомб упало на расположенные в порту жилые дома и склады. В городе и на территории судостроительного завода возникли пожары. Налет вражеской авиации продолжался минут десять — пятнадцать. Наконец зенитчики вынудили самолеты противника в беспорядке побросать бомбы, уйти в сторону Малаги. В порту стало совсем тихо, только дымные факелы напоминали о недавней бомбежке. Из укрытий группами возвращались солдаты, почем свет ругая фашистских стервятников. Разгрузка трюмов продолжалась.

Вскоре катер притащил огромный плавучий кран, и началась выгрузка танков. Не обошлось и здесь без курьеза. Несмотря на требование выгрузку первых машин производить в моем присутствии, местные «такелажники» решили проявить самостоятельность.

Подойдя к трюму, я с ужасом увидел висящий над палубой, перехваченный стальными тросами за колеса, скособоченный танк. Мне до сих пор не понятно, как он не сорвался вниз, ибо его вес значительно превышал допустимую нагрузку на детали, на которых он держался. Осторожно опустив машину обратно в трюм, мы показали «такелажникам», как надо за корпус крепить танк перед выгрузкой, после чего работа пошла без особых приключений.

Когда разгрузка танков подходила к концу, ко мне подошел капитан «Кабо Сан-Агустина» Родригес Балагер и, смущенно улыбаясь, сказал:

— Признаю, что был неправ, когда в Севастополе потребовал от вас грузить на корабль танки со

снятыми бронебашнями. В каком трудном положении вы бы сейчас оказались!

«Действительно, каких больших усилий потребовала бы раздельная выгрузка бронекорпусов и башен с пушками! А установка башен на бронекорпуса, наладка, регулировка и пристрелка оружия? Сколько недель потребовалось бы квалифицированным рабочим для этой работы в ущерб ремонту кораблей?» — подумал я.

Не желая обидеть старого честного моряка, я примирительно ответил:

— К счастью, в Севастополе было принято правильное решение, и поэтому сегодня танки могут прямо с корабля идти в бой.

— Клараменте! [1] — хитровато подмигнув, ответил капитан.

К рассвету все танки были выгружены на берег, рассредоточены по всей портовой территории и взяты под охрану. Настало время прощаться с гостеприимными моряками. Под приветственные их возгласы мы сошли с «Кабо Сан-Агустина» и тотчас же приступили к подготовке первых пяти машин.

Перед нашей группой стояла нелегкая задача в течение каких-нибудь двух-трех дней подготовить и перегнать пятьдесят танков в незнакомую Арчену.

Вскоре мы тронулись в путь. Вслед за головным танком, которым управлял я, следовал Николай Бочарников. Колонну замыкал Виталий Валуев.

По неширокой и довольно-таки крутой улочке мы поднялись на городскую площадь района Эль-Молинете, где увидели дымящиеся развалины жилых домов.

Танки загрохотали по булыжной мостовой. Услышав лязг гусениц, с разных сторон, приветственно размахивая игрушечными саблями и пистолетами, высыпала шумная, чумазая ребятня. Один за другим из домов торопливо выходили взрослые, бросив свои дела. Подняв сжатые в кулак руки, они кричали:

— Виван нуэстрос эрманос! [2]

— Виван Лос танкистас русос! [3]

Я обратил внимание на то, что большинство испан-

[1] Ясно!
[2] Привет нашим братьям!
[3] Привет русским танкистам!

цев было одето в комбинезоны с застежками «молния», головы их покрыты черными беретами или кепками, а вместо ботинок тапочки на веревочной подошве. Несмотря на солнечную жаркую погоду, в одежде женщин преобладали черные тона.

Езда по тесным и путаным улицам Картахены заняла много времени. Выйдя на шоссе Картахена — Мурсия, мы свободно вздохнули. Несмотря на извилистую и местами разбитую дорогу, танки развили скорость до 50 километров в час, однако у населенных пунктов приходилось ехать со скоростью пешехода, так как взбудораженные люди буквально лезли под гусеницы, чтобы остановить машины и угостить нас вином и фруктами, а также высказать свое глубокое уважение и благодарность советскому народу.

Населенные пункты здесь небольшие и, как правило, состоят из нескольких десятков одноэтажных глинобитных или сложенных из грубого камня белых домиков. Редкие пожелтевшие огороды и фруктовые деревья за каменными заборами у домов свидетельствовали о засушливом лете и вообще о нехватке воды в этом районе.

Вскоре на крутом повороте показались низкие белые домики, которые выстроились вдоль щебенчатой дороги, по обе стороны ее виднелись убогие улочки, изрытые канавами, в которых вместе с черными поросятами и утками шлепали по грязи босые ребятишки. Они с визгом и криком бросились к остановившимся машинам.

У колодца с глиняными кувшинами на плечах стояли строгие крестьянки, похожие в своих черных платках на монахинь.

Выйдя из машин, мы попали в окружение неизвестно откуда появившейся большой толпы мужчин и женщин. Улыбаясь, они похлопывали нас по плечам, приговаривая:

— Амиго русо! Но пасаран! Салуд, танкистас русос! [1]

Когда Николай Бочарников попросил одну из стоявших у его танка молодиц принести ведро, чтобы дозаправить машину водой, стоявшие рядом молодые

---

[1] Русский друг! Они не пройдут! Привет русским танкистам!

люди побежали к домам, а спустя несколько минут к нам вперегонки бежали многие жители, неся в руках ведра, бачки, а также корзины с виноградом и порроны[1] с вином.

С большим удовольствием мы отведали сочных мандаринов, гранатов и ароматного винограда, всласть напились холодной родниковой водицы и, попрощавшись с новыми друзьями, двинулись в путь.

Двигаясь в окрестности города Мурсии, мы были приятно поражены обилием плодовых деревьев и виноградников. Как я позже узнал, этот когда-то засушливый район преобразился после того, как к нему от реки Сегуры была проведена система оросительных каналов.

В середине жаркого дня, преодолев крутой подъем и реку Сегуру, танки вошли в тихую, всю в зелени курортную Арчену. Здесь нас встретил старый испанский полковник Санчес Паредес, назвавшийся начальником местного учебного центра, и указал охраняемое место для стоянки танков.

Вскоре на легковой машине мы спешили обратно в Картахену. К концу дня в Арчену перекочевало десять БТ-5. Возбужденные волнующими встречами с испанскими друзьями и усталые от тряской дороги, мы кое-как устроились в гостинице местной водолечебницы и после сероводородной ванны и легкого ужина крепко заснули.

На рассвете юркий «рено» уже мчал нашу пятерку по пыльной дороге в Картахену, где высился освобожденный от груза «Кабо Сан-Агустин». На третьи сутки все танки были в Арчене.

---

[1] Глиняный кувшин с узким горлышком.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ТАНКОВЫЙ ПОЛК

УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР В АРЧЕНЕ

Рассредоточить и замаскировать 50 машин на небольшой территории со множеством виноградных лоз, апельсиновых, лимонных, мандариновых и оливковых деревьев, где обрабатывался каждый клочок драгоценной земли, оказалось совсем не простым делом. Пришлось проявить математические способности и находчивость, чтобы сколько-нибудь удовлетворительно решить эту «проблему».

Знакомясь с обширным хозяйством полковника Паредеса, я вспомнил свой разговор с комдивом Штерном об этой танковой базе. Тогда, грешным делом, я подумал, что речь идет о благоустроенном военном городке, с казармами, учебными классами, стрельбищем, танкодромом, парком для хранения, обслуживания и ремонта машин, но, к великому сожалению, все эти радужные предположения оказались ошибочными.

Если помещения гостиницы при водолечебнице были удобны для жилья и проведения классных занятий, то стрельбище и танкодром оказались крайне примитивными. Ремонтных же мастерских, бензохранилища и оборудованного парка-стоянки для танков здесь вовсе не было. Необходимо было, не теряя времени, заняться налаживанием всего хозяйства.

Большую помощь в этом помимо местной коммунистической организации оказали ожидавшие отправки на Родину советские добровольцы из первой танковой бригады. Многие из них прибыли из госпиталей, где залечивали раны, полученные в боях на Хараме, под Гвадалахарой и у Брунете.

За работой у машин, во время приема пищи и отдыха слушали мы их бесхитростные, пересыпанные

солеными словечками рассказы о недавних боях. Дополняя друг друга, горячась, воспроизводили они картины жестоких схваток, успешных и неудачных танковых атак. С горечью повествовали о гибели боевых товарищей.

От них мы услышали теплые слова о бесстрашном командире танкового батальона Михаиле Петровиче Петрове[1], который с винтовкой в руках повел в наступление дрогнувшую было республиканскую пехотную бригаду на высоту Пингаррон, переходившую из рук в руки, и добился успеха. С гордостью говорили о требовательном, по-отцовски заботливом и храбром командире танковой бригады Дмитрии Григорьевиче Павлове, так много сделавшем для гвадалахарской победы, об умелых и решительных действиях танковых рот под командованием Поля Армана, Михаила Короткова, Павла Цаплина и Константина Дидека, о самоотверженности, храбрости и стойкости Ивана Зуева, Дмитрия Погодина, Михаила Юдина, Кузьмы Билибина, Андрея Лаврова, Анатолия Войновского.

С помощью земляков мы в короткий срок освоились с обстановкой, много сделали по улучшению учебно-материальной базы и даже успели установить контакт с местными органами власти.

В первый же воскресный день нас пригласили на квартиру полковника Паредеса. В качестве переводчика была советская журналистка Елизавета Николаевна Кольцова. Во время обеда, длившегося около часа, гостеприимный хозяин ознакомил нас с организацией испанской армии. Любопытно было слышать от него о танках:

---

[1] М. П. Петров родился в 1898 году в семье петербургского рабочего. Работал слесарем патронного завода. В ночь на 7 ноября 1917 года штурмовал Зимний дворец. Участвовал в разгроме войск Колчака под Белорецкой. В Средней Азии боролся с басмачами, а в Закавказье — с меньшевистскими бандами. Член КПСС с 1919 года. За мужество и отвагу, проявленные в боях с итало-немецкими интервентами в Испании, удостоен звания Героя Советского Союза. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва. В Великой Отечественной войне генерал-майор М. П. Петров командовал сначала механизированным корпусом, а затем 50-й армией. Погиб в ноябре 1941 года под Карачевом Брянской области.

— Испания более ста лет не воевала (Марокко не в счет) и своих танков не производила, а покупала за границей. Наша армия до мятежа располагала двумя полками, вооруженными устаревшими французскими танками «рено». После мятежа один танковый полк оказался на стороне фашистов, а другой у нас.

Из 40 республиканских тихоходов «рено» восемь были растащены по разным колоннам и перевозились на грузовиках для поднятия духа молодых солдат, а остальные больше простаивали в ремонте, чем воевали. Для отпора врагу мадридские и барселонские рабочие смастерили и пустили в дело с десяток бронемашин и три бронепоезда.

С появлением у итало-немецких фашистских интервентов пулеметных танков «ансальдо» и Т-1 и особенно когда к нам прибыли советские пулеметно-пушечные танки Т-26, влияние этого рода войск на ход боевых действий значительно возросло. Бой у деревни Сесеньи, под Мадридом, в котором 29 октября 1936 года впервые приняли участие советские добровольцы на танках Т-26, показал их большое значение в современном бою.

Полковник Паредес взял в руки тетрадь и стал читать:

— Тяжелое положение Мадрида заставило нас 26 октября 1936 года свернуть обучение и в спешном порядке сформировать из советских танковых инструкторов и малоопытных курсантов учебного центра танковую роту и на следующий же день перебросить ее по железной дороге под Мадрид. Командиром маршевой роты из 15 танков Т-26 стал ваш соотечественник капитан Поль Арман. Командирами взводов и машин, а также механиками-водителями танков были русские добровольцы. Места заряжающих заняли испанские курсанты.

Я слушал полковника и представлял: ночью 28 октября танковая рота сосредоточивалась под Мадридом, в районе Вольдеморо, имея задачей в 7 часов утра 29 октября совместно с бригадой Листера нанести контрудар по наступающему с запада на Вольдеморо противнику.

Из-за неопытности штабов действия республиканских частей в этот день протекали с крупными

упущениями. Разведка вовремя не установила, кто же занимает Сесенью. Пехотная бригада для наступления развернулась с большим опозданием.

Выдвигавшаяся в исходное для боя положение танковая рота с открытыми люками в походной колонне в условленное время направилась к Сесенье, полагая, что эта деревня в руках республиканцев.

Подъезжая к Сесенье на головной машине, Арман увидел на дороге группу солдат у орудия. Предполагая, что это свои, он подъехал к ним и на французском языке попросил офицера убрать с дороги пушку. В это время танкисты увидели выходящую из деревни группу марокканцев и поняли, что Сесенья занята фашистами. Мгновенно оценив создавшуюся обстановку, Арман подал водителю команду:

— Дави пушку! — а сам мигом опустился в танк.

Как только машина сошла с раздавленного орудия, танкисты открыли огонь по штабу и пехоте фашистов.

Расстроив боевые порядки мятежников в деревне, нанеся им большой урон, танки устремились вперед к селению Эскивиас. Войска противника в Сесенье вскоре пришли в себя и встретили подходящую республиканскую пехоту организованным огнем, заставив ее отойти на ранее занимаемые позиции.

Между тем, отрезанные от своей пехоты, танки продолжали действовать во вражеском тылу. В районе Эскивиас — Борокс ими были разгромлены разрозненные группы марокканской кавалерии и пехоты, уничтожены пулеметы и автомобили с военным имуществом.

На восточной окраине Эскивиаса танк лейтенанта Семена Осадчего таранил фашистский «ансальдо» и сбросил его в ущелье. Здесь же был уничтожен и второй неприятельский танк, а два других были повреждены. Во второй половине дня, потеряв три машины, рота прорвала кольцо вражеского окружения и вернулась в Вольдеморо.

— Появление советских танков вызвало замешательство среди фашистов, и самоуверенности у них как не бывало,— закончил свой рассказ полковник Паредес.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ

Вскоре к нам в Арчену приехала основная группа московских танкистов во главе с Кондратьевым. Все они были очень довольны интересным путешествием из Ленинграда в Париж, где успели побывать на Всемирной выставке. По сравнению с одетыми по последней моде «парижанами» мы выглядели неказисто: с обветренными лицами и в запятнанных, некогда светло-серых костюмах. Но были горды выполненным заданием, а также ролью гостеприимных квартирьеров.

Приезд группы Кондратьева совпал с днем отъезда на Родину группы советских бойцов, уже повоевавших с фашистами. Во время прощальной встречи Фотченков рассказал возвращавшимся домой о жизни и успехах нашей страны и поделился впечатлениями о Всемирной выставке в Париже. Моим соседом по столу оказался вихрастый паренек со следами ожога на лице. Это был Василий Новиков. Из разговора с ним я узнал, что он из Калуги. В качестве командира танка Т-26 участвовал в боях за Мадрид и недавно вернулся из госпиталя, где залечивал тяжелые раны, полученные в бою.

Во время республиканской контратаки под Мадридом танк Василия Новикова вплотную подошел к окопам противника и стал расстреливать засевших в них фашистов. Вражеская артиллерия открыла ответный огонь. Не успел механик-водитель танка Владимир Степанов перевалить через окоп, как снарядом с машины была сорвана гусеница. Пули гулко застучали о броню танка, не позволяя экипажу выйти наружу и заняться ремонтом.

Несмотря на то что танк стал неподвижной мишенью, командир решил не оставлять его и до прихода помощи вести огонь по противнику. Вскоре контратака была отбита, и республиканцы отошли на старые позиции. Тогда противник принялся за подбитый танк Новикова. Несколько снарядов разорвалось вблизи машины, осыпая ее градом осколков и камней. Вдруг от сильного удара бронекорпус задрожал, а в моторном отделении вспыхнул пожар. Стало душно и жарко. Чтобы огонь не распространился в боевое отделение к снарядам, Василий с командиром башни Дмитрием

Алексеевым стал рвать в клочья шерстяные одеяла и закрывать ими щели моторной перегородки. Они обожгли руки, но огонь приутих.

Видя, что помощь не приходит, командир танка послал механика-водителя Степанова к своим, а сам с Алексеевым продолжал отстреливаться... Второй снаряд попал в боевое отделение. Алексеев был убит, а Василий ранен в живот и в ногу. На нем загорелась одежда. Захватив с собой пулемет с дисками, он с трудом выполз под днище танка и открыл по фашистам огонь.

Начало темнеть. Артиллерийско-пулеметный обстрел прекратился, но это продолжалось недолго. Ночью фашисты несколько раз атаковали смельчака, пытаясь взять его в плен. От потери крови и ожогов Новиков[1] ослабел и стал плохо видеть, но твердо решил отбиваться до последнего патрона. Очнулся уже в госпитале. Здесь он узнал, что механик-водитель Степанов был убит.

К концу встречи поднялся отличившийся в мадридских боях капитан Виктор Баранов. Обращаясь к нам, он сказал:

— Товарищи! Желаем вам успеха в благородном деле защиты свободы и независимости народа Испании! Разрешите считать боевую эстафету переданной в надежные руки интернационалистов из Подмосковья!

Прошло несколько дней. Из центра интернациональных бригад — города Альбасеты на формирование танковых подразделений начали прибывать иностранные добровольцы. Первыми приехали обстрелянные в мадридских боях болгарские, чехословацкие, австрийские и немецкие коммунисты: Христо Дамянов, Кирилл Савов, Ян Мрква, Ольдржих Хакен, Людвиг Пуркшталлер, Ганс Шрамм, Вилли Гофер, Карл Динстбах и другие. Затем прибыли волонтеры из Польши, Венгрии, Югославии, Франции, Румынии, Англии и других стран. Это были рабочие, крестьяне, ремесленники, студенты, инженеры, военнослужащие.

---

[1] Указом Президиума Верховного Совета СССР Василию Михайловичу Новикову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Преодолев враждебность многих людей и опасности, волонтеры приехали в Испанию, чтобы отдать свою жизнь в распоряжение республиканского командования. Среди них были социалисты, радикалы, беспартийные. Подавляющее же большинство являлись посланцами коммунистических партий, борцами за свободу и независимость своих народов. Болгарские, чехословацкие, немецкие и австрийские добровольцы прошли в свое время обучение в советских танковых училищах. Это были хорошо подготовленные командиры машин, тогда как остальные были в этом деле новичками.

Несколько позже в Арчену прибыла группа примерно из 300 молодых испанских патриотов.

Многие из них в недавнем прошлом были фабричными рабочими и батраками. Большинство состояли в Коммунистической партии Испании и ОСМ[1]. К сожалению, грамотностью они не отличались — редко кто имел семиклассное образование. Встречались и вовсе не умеющие ни читать, ни писать.

Перед нами стояла трудная задача: в месячный срок сформировать и подготовить из многонационального, различного по возрасту, образованию и жизненному опыту коллектива антифашистов слаженную и боеспособную войсковую часть, на создание которой в нормальных условиях требуются многие месяцы, если не годы.

Командирами трех танковых рот и их заместителями по технической части стали Петр Сиротинин, Николай Шатров, Иван Губанов, Константин Гурьянов, Моисей Ваксин и Аким Антропов; механиками-водителями танков, радистами, артмастером и электриком были назначены наши ребята. Командирами линейных танков стали интернациональные добровольцы и обстрелянные в боях испанские танкисты, а заряжающими — молодые испанцы. Таким образом, каждый танковый экипаж, как правило, состоял из представителей разных стран.

---

[1] Объединение социалистической молодежи — марксистско-ленинская молодежная организация.

В отличие от интернациональных добровольцев обучение неопытной испанской молодежи сложному танковому делу представляло немалую трудность и требовало времени и хорошо налаженной учебно-материальной базы, чем мы, к сожалению, не располагали.

Занятия начались после того, как личный состав был распределен по подразделениям и экипирован. Руководство учебной подготовкой командиров танков взял на себя С. И. Кондратьев, обучение же механиков-водителей танков и техническая подготовка всего личного состава были возложены на меня.

В. И. Кольнов возглавил занятия по огневому делу, а П. С. Фотченков — политзанятия.

К проведению занятий были привлечены все без исключения советские добровольцы, а также наиболее опытные испанские офицеры и прошедшие военное обучение в СССР антифашисты Бржетислав Шкарвада, Иозеф Грушка, Кирилл Ханичев, Ганс Цинке. Для обучения стрельбе и вождению, а также для овладения материальной частью каждой группе было выделено по три танка. Недостаток времени вынудил нас начать подготовку будущих механиков-водителей с практического вождения несколько раньше теоретического курса.

На первом же занятии всех групп мы ознакомили новичков с боевой характеристикой и общим устройством танка БТ-5. В последующем танковые техники Константин Гурьянов, Моисей Ваксин и механики-водители Виталий Валуев, Степан Шевцов, Василий Гредасов и Павел Демкин более подробно ознакомили своих подопечных с работой танковых механизмов и с приемами их обслуживания. Одновременно с боевой учебой в Арчене закипела работа по оборудованию танкодрома, стрельбища, полевого парка и технических классов, а также по формированию штабной, технической, медицинской и хозяйственной служб.

Учебников и наставлений у нас не было. Мне пришлось подготовить временную инструкцию по боевому использованию, уходу и сбережению танка БТ-5, которая впоследствии в нашем полку служила основным

С. И. Кондратьев

П. С. Фотченков

А. А. Ветров

В. И. Кольнов

С. В. Славин

В. М. Новиков

Н. К. Шатров

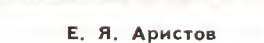
И. Л. Губанов

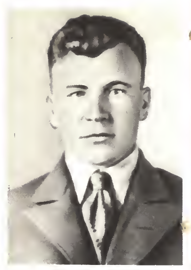
С. Я. Лапутин

Е. Я. Аристов

П. Ф. Часовин

Бой у Фуэнтэс-де-Эбро для многих из нас был первым в жизни боем

Снова на Родине. Слева направо:
В. А. Новинов, К. П. Гурьянов и А. В. Разгуляев

В. Ф. Кручинин

М. И. Сучков

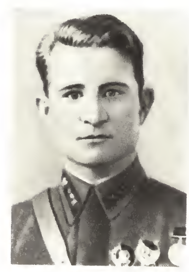

А. С. Евликов (слева) и В. А. Власов

С. В. Силаев

С. П. Шевцов

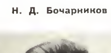

Л. И. Мещеркин

П. А. Семенов

Н. Д. Бочарников

А. Д. Гаврилин

На штурм Теруэля

пособием для изучающих устройство и правила эксплуатации этих машин.

Нашими умельцами — артиллерийским мастером Федором Камковым, электриком Александром Кирюхиным и механиками-водителями Михаилом Серегиным и Михаилом Коровиным в короткий срок была изготовлена серия учебных плакатов, схем и таблиц, а также оборудованы приличные технические классы.

Много выдумки и труда в оформление классов внес неутомимый работяга и отличный рисовальщик механик-водитель танка Виктор Новиков, которого за золотые кудри, голубые глаза, нежное, словно у девушки, румяное лицо и застенчивость бойкие испанские медсестры прозвали «сеньоритас танкистас».

В течение первых пяти дней новички научились самостоятельно заправлять машины водой и горючим, заводить двигатель, последовательно переключать передачи, пользоваться газом, тормозами и поворотными рычагами. Все это они сначала проделывали «на бочке» — на машине со снятыми гусеницами. И только когда инструкторы убеждались в том, что обучаемые умеют обслуживать машины и свободно ориентируются с механизмами и приборами управления, их допускали к практическому вождению танка.

Согласно установленному расписанию учебный день у нас начинался с семи часов утра и длился до восьми вечера. Строгий распорядок дня, высокая требовательность инструкторов и большая продолжительность занятий в первое время вызывали недовольство у некоторых молодых испанцев. Но, видя с каким напряжением трудятся волонтеры, они перестали роптать.

С большим интересом занимались испанские товарищи вождением танков и стрельбой из танкового оружия, однако теорию стрельбы, электрооборудование и сложные схемы работы механизмов недолюбливали.

Напряженная работа советских инструкторов Константина Гурьянова, Ивана Резванова, Николая Бочарникова начала приносить свои плоды. На пятнадцатый день усиленных занятий каждый из начинающих механиков-водителей получил приличную практику вождения танков по пересеченной местности, не говоря уже о приобретенных навыках по их техниче-

скому обслуживанию и ремонту. За это же время они выполнили запланированные упражнения по стрельбе из танкового и личного оружия, а также отработали задачи по тактике танковых подразделений.

Потеряв всякую надежду получить из интендантства подвижные танковые и автомобильные ремонтные мастерские, штабной и санитарный автобусы, мы приступили к их изготовлению собственными силами.

Предметом особых забот командования неожиданно стала служба продовольственного снабжения. Дело в том, что республиканское интендантство не обеспечивало войсковые части ни походными кухнями, ни хозяйственным инвентарем, а выдавало для закупки всего этого денежные средства. К каким только ухищрениям не прибегали наши хозяйственники, чтобы приобрести кухонную утварь, но безрезультатно. Самый старший из нас по возрасту немецкий коммунист Ганс Шрамм проклинал тот час, когда поддался на уговоры товарищей и сменил место командира танка на «непыльную» должность помпохоза.

После долгих мытарств лейтенанту Шрамму все же удалось закупить «на корню» небольшой барселонский ресторанчик, а демонтированные котлы и прочую хозяйственную утварь привезти к нам в Арчену. Таким образом танковые и транспортное подразделения получили собственные, перевозимые на грузовиках походные кухни.

Несмотря на проводившуюся у нас ускоренную подготовку танковых специалистов, среди молодых испанцев нашлись нетерпеливые, недовольные «затяжной учебой». Курьезный случай произошел с одним из таких нетерпеливых. Это был курсант Хуан Гомес. Как-то, находясь в ночном наряде по парку, он решил поправить свои далеко не блестящие дела по вождению машины и впервые самостоятельно попрактиковаться на соседнем танкодроме. Дождавшись, когда все крепко уснут, Хуан завел двигатель и вывел из парка учебный танк. К великой его радости, послушная машина не спеша покатилась по разбитой дороге танкодрома. Гордость распирала грудь курсанта. Сделав два круга, Хуан решил дальше не искушать судьбу и остановиться у въезда в парк. Переключил передачу,

и, к своему ужасу, почувствовал, что машина пошла еще быстрее.

«Что-то напутал»,— с горечью подумал он и стал суетливо дергать рычаг кулисы. Что только ни делал наш горе-водитель, чтобы остановить машину, но она то замедляла, то убыстряла ход, двигаясь по замкнутому кругу дороги.

С трудом увильнув от надвигавшегося на него домика, повалив эвкалиптовое дерево, вконец растерявшийся Хуан едва поспевал управлять рычагами поворота. Он забыл обо всем на свете, мечтая лишь об одном: как бы остановиться. Но непослушная машина неслась вперед. Оставалось признать свое поражение и попросить о помощи. Хуан стал тревожно сигналить.

Только когда на машину вскочил дежурный по части лейтенант Николай Панкратов, промокший от пота Хуан сразу же успокоился и вдруг вспомнил, что надо делать для остановки машины, и самостоятельно затормозил машину.

— Мне очень хотелось поскорее научиться хорошо водить танк и отправиться на фронт,— без надежды на «амнистию» оправдывался он.

С трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, Панкратов пожурил провинившегося и в назидание другим снял его с дежурства, как не оправдавшего доверия.

Этот случай недисциплинированности был обсужден на собрании обучающихся и послужил делу более кропотливого и глубокого изучения боевой техники и дальнейшему укреплению воинской дисциплины.

Прошла еще неделя, и молодые испанские друзья приступили к вождению танков с преодолением сложных препятствий, к стрельбе с ходу и к изучению тактики танковых подразделений. При обучении командиров машин и башенных стрелков большое внимание уделялось меткой стрельбе из танкового оружия с коротких остановок, так как первоначальные успехи в этом отношении были более чем скромными.

В этот напряженный период формирования и боевой учебы регулярно проводились политические и инструктивные занятия с офицерским и политическим составом.

Когда одиночное обучение танковых и других специалистов было закончено, началось сколачивание

экипажей и подразделений. Тут дела пошли несколько лучше и веселей. Ротные тактические учения с боевой стрельбой, которые очень поучительно провел С. И. Кондратьев, показали удовлетворительные результаты и неплохую слаженность танковых экипажей и подразделений.

Взаимоотношения между бойцами и офицерами в нашем интернациональном боевом коллективе были самыми товарищескими, различия в языке, обычаях и привычках не мешали завязыванию братской дружбы. Особенно ярко это проявлялось в танковых экипажах, где командирами, как правило, были прошедшие суровую школу революционной борьбы пожилые коммунисты, механиками-водителями — советские комсомольцы, а заряжающими — молодые испанские патриоты. Находясь всегда вместе, они очень подружились и выработали понятный только им общий язык, вроде экипажного «эсперанто».

Удивительным было и то, с какой быстротой наши ребята без учебников и словарей овладевали основами испанского языка. Отличными педагогами в этом деле оказались их испанские соратники. Нашим же друзьям русский язык давался с огромным трудом. Поэтому любой их успех на этом поприще вызывал ликование.

С предупредительностью и любовью мы относились к испанским друзьям, вкладывая в их обучение сложному танковому делу свои знания и опыт. Интерес молодых испанских патриотов ко всему советскому, к изучению военного дела и особенно к освоению материальной части танка был огромный. С необыкновенным рвением возились они с механизмами машин, боясь пропустить хотя бы одно слово советского инструктора.

Большую работу среди интернационалистов проводили ротные политделегаты из коммунистов во главе с комиссаром Петром Семеновичем Фотченковым и его испанским помощником Хуаном Мартинесом. Добиваясь твердой воинской дисциплины и организованности в боевой учебе, они проявляли повседневную заботу о насущных нуждах воинов, росте их политической сознательности и общей грамотности.

Будучи сами солдатами и находясь в самой гуще бойцов, ротные политделегаты ежедневно знакомили своих друзей с текущими событиями, читали им газеты

и разъясняли политику и проводимые республиканским правительством мероприятия, были в курсе настроений личного состава. Являясь примером дисциплинированности и выполнения служебного долга, они того же добивались от своих товарищей по роте.

В воскресные дни мы побывали в исторических местах, в музеях и в картинной галерее города Мурсии, где ознакомились с достопримечательностями этого богатейшего края Испании и с шедеврами испанского искусства. Огромное впечатление на меня произвели картины Хосе Риберы «Святая Инесса», Диего Веласкеса «Портрет папы Иннокентия», Франсиско Гойи «Капричос» и творения других великих испанцев — Эль Греко, Сурбарана, Мурильо.

По субботам в местном клубе наши затейники устраивали вечера художественной самодеятельности. Тон в этом деле задавали Альфредо Ромеро, Алексей Разгуляев и Христо Дамянов. Следуя их примеру, в «артисты» подались и другие танкисты, а также местные любители пения и танца. Исполненные самодеятельными артистами народные испанские песни, и в частности андалузский «Фламенко», а также темпераментный старинный испанский танец «Фонданго» нам очень понравились. Прошло несколько дней, и «Фламенко», «Марию Саломе», «Орчатеру Валенсиану» и другие испанские песни распевали все танкисты. Особой же популярностью среди испанских друзей пользовались наши «Катюша» и «Каховка».

Дружеское отношение жителей Арчены к иностранным добровольцам, и в частности к русским танкистам, проявлялось на каждом шагу. Тесному и сердечному сближению воинов с жителями Арчены в значительной степени способствовали дети, которые держали наш гарнизон в постоянном «окружении». К каким только хитростям не прибегали они, чтобы забраться в танковый парк!

Несмотря на то что стоянка танков охранялась, в район парка зачастил непрошеный гость — смуглый, крутолобый, с печальными карими глазами мальчик лет десяти. Прячась в густых и колючих кустах граната, разросшегося на небольшой возвышенности, он с интересом наблюдал за работавшими у машин танкистами. То, что мальчишка ничего не выспрашивал, а

просто несколько дней подряд в одно и то же время приходил и высматривал из своего укрытия, настораживало. Дважды его заставали врасплох и не совсем вежливо выпроваживали из запретной зоны и даже обещали как следует поколотить за нарушение режима, но проходила ночь, а наутро паренек в коротеньких штанишках с оцарапанными коленками оказывался на старом месте.

«Что так заинтересовало паренька?» — подумал я.

Однажды дежурный по части настиг «нарушителя» на его наблюдательном пункте и привел ко мне. От мальчишки мы узнали, что его зовут Андресом Монтеро, что его отец на войне и что он с матерью и сестрой живут поблизости.

— Почему вы гоните меня? — спросил мальчик.— Я хочу помогать вам, тогда мой папа скорее разобьет фашистов и вернется домой.

Мое объяснение о строгих военных порядках, запрещающих посторонним находиться вблизи военных объектов, Андреса не убедило. Он стал слезно просить позволить ему изредка помогать танкистам в черновой работе. Паренек мне понравился. Он многим напоминал мне старшего сынишку Сашеньку, и я разрешил ему иногда приходить в ремонтную мастерскую и помогать слесарям. Мальчик обрадовался и стал трясти мою руку приговаривая:

— Мучас грасиас! Мучас грасиас! [1]

Прошло несколько дней, и мы с Андресом стали друзьями. Я угощал его сладостями и помог выучить десяток-другой русских слов, а он помогал мне овладевать испанским языком. Андрюшка Монтёров, как по-свойски окрестили мальчугана танкисты, стал в учебном центре своим человеком. Какие только поручения танкистов ему не приходилось выполнять, и все он делал быстро, весело и хорошо. К нему все привыкли, как к родному, и, чем могли, баловали.

Но больше всех мальчишка полюбился Петру Семеновичу Фотченкову. Этот строгий и суровый на вид офицер буквально преображался, когда разговаривал с Андресом. Его волевое лицо расплывалось в радостной улыбке, а глаза излучали отцовское тепло и ласку.

---

[1] Большое спасибо! Большое спасибо!

Мы заметили, что в последнее время наш комиссар все свободное от работы время проводит в обществе Андреса. То усадит того рядом с собой в танк и объясняет устройство механизмов, то прокатит его в автомобиле или, держа за руку, прогуливается то танкодрому.

— Понимаешь, я очень люблю своих детей и скучаю по ним,— как-то признался он мне.— До того как стать рабочим киевского «Арсенала», я бежал из деревни под Смоленском от отчима и около года беспризорничал. Хлебнул горя. В 1918 году, едва исполнилось 16 лет, пошел воевать против белых. Хотелось бы, чтобы у моих ребят и у Андреса детство было более спокойным и счастливым. Для этого я и приехал сюда.

Однажды Андрес передал мне и Фотченкову приглашение его больной матери навестить ее. Прихватив с собой немного продуктов из скромных пайковых запасов, мы вместе с Владимиром Кручининым и переводчицей Елизаветой Кольцовой двинулись в путь.

Пройдя по неровным и узким улицам Арчены, мы очутились у обвитого виноградом опрятного беленького одноэтажного домика, на пороге которого нас встретила похожая на Андреса стройная, как тополек, миловидная девушка, лет семнадцати.

— Эста эс ми эрмана [1],— с гордостью сказал мальчик.

— Карина! — представилась та, блеснув черными с поволокой глазами в сторону изумленно глядевшего на нее Кручинина, и, открыв дверь, пригласила в дом.

Нагнувшись, мы вошли в полутемную комнату с глиняным полом. Возле горевшего камина на широкой железной кровати лежала женщина, бледная, со впалыми щеками.

— Мамочка, к нам пришли гости,— тихо сказал Андрес, целуя ее руку.

Больная открыла глаза и, слабо улыбаясь, жестом пригласила нас сесть. Пока наша переводчица рассказывала больной о нас, а раскрасневшаяся Карина снимала с каминного крючка пышущий паром казанок с фасолью, я осмотрел жилище семьи Монтеро. Обста-

---

[1] Это моя сестра.

новка единственной комнаты, в которой она проживала, состояла из комода с гипсовым котом-копилкой и семейными фотографиями, грубо отесанного квадратного дубового стола, топчана, сундука и нескольких табуреток, а на стене в рамке большой портрет Михаила Бакунина.

Увидя мое недоумение, Фотченков тихо сказал:

— Не удивляйтесь. Влияние анархистов еще велико в этой стране, и портреты его вождей можно встретить повсюду. Но эта болезнь пройдет.

После того как Кольцова передала хозяйке дома нашу благодарность за приглашение в гости и за помощь, которую оказывает танкистам Андрес, больная ответила:

— Это вашей России и вам спасибо за помощь народу Испании в трудное для него время. Ведь настоящие друзья познаются в беде.

Такие слова признательности мы слышали от многих простых людей трудовой Испании.

Вдруг дверь отворилась, и вошел пожилой худощавый мужчина в черной вельветовой толстовке, а за ним маленькая женщина в черном платье с узелком в руках.

— Это брат мужа Павлито с женой Терезой,— познакомила нас хозяйка дома,— он у нас руководит крестьянским кооперативом.

После взаимных приветствий между нами завязался разговор о положении на фронтах. Затем наших собеседников заинтересовала жизнь советского колхозного крестьянства. Мы рассказали. За разговором мы не заметили, как проворная Карина и ее послушный помощник Володя Кручинин накрыли стол. Дядюшка Павлито очень неодобрительно отозвался о действиях своих соратников по партии — анархистах, насильственно насаждавших в деревнях коммуны. Он считал создание коллективных хозяйств на добровольных началах совершенно правильным.

— Надо брать пример с русских,— в заключение сказал он.

Не желая утомлять больную, мы вскоре удалились. Возвращались в приподнятом настроении, ведь у нас появились новые друзья!

На следующий день к больной был направлен пол-

ковой врач. С ним вместе пошел туда и Володя Кручинин.

Вскоре наладилась связь с местным сельхозкооперативом. Мы помогали крестьянам автотранспортом, в ремонте инвентаря, а они нам — в строительстве танкодрома и стрельбища.

В БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ

Наконец настал день, который многие из нас так долго ждали. В большом холле второго этажа гостиницы собралось все наше землячество. Из-за стола, покрытого плюшевой, малинового цвета скатерью, поднялся С. И. Кондратьев. Он был в новом мундире коронеля [1] республиканской армии. Постучав карандашом по звонкому стакану и выждав, когда прекратятся разговоры, Степан Иванович торжественно провозгласил:

— Дорогие однополчане, я собрал вас, чтобы ознакомить с приказом главного командования республиканской армии об организации и подчиненности нашего формирования. Начиная с этого дня наша войсковая часть получает наименование Интернационального танкового полка, командование которым возложено на меня. Моими заместителями назначены команданте [2] Петр Фотченков и команданте Александр Ветров, а начальником штаба — команданте Владимир Кольнов. В составе полка три танковые роты, автотранспортный батальон, медицинский, хозяйственный, саперный и мотоциклетно-комендантский взводы...

Командирами танковых рот стали капитаны Петр Сиротинин, Николай Шатров и Иван Губанов, командиром автотранспортного батальона — капитан Луис Сантес. В целях наилучшей и ускоренной подготовки танковых командиров из испанских друзей, которым в дальнейшем будет поручено командование полком и танковыми подразделениями, к каждому советскому добровольцу-офицеру, начиная с командира полка и кончая командиром танкового взвода, прикрепляются молодые испанские офицеры из народа. Наша зада-

---

[1] Полковник.
[2] Майор.

ча — подготовить из них танковых специалистов, способных возглавить боевые подразделения. Каждому из советских добровольцев установлен по нашей просьбе несколько сниженный оклад денежного содержания.

Степан Иванович, перечислив должностные оклады, продолжал:

— Вводится обязательная к ношению форма одежды для офицеров: френчи или кожаные коричневые куртки, брюки навыпуск цвета хаки. Форменная фуражка или черный берет...

После С. И. Кондратьева слово взял П. Демкин:

— Мы благодарны испанскому народу за предоставленное нам место в боевом строю против фашистов и за проявленную заботу,— сказал он.— Учитывая трудности, которые испытывает республика, предлагаю еще снизить установленные нам оклады, а все сэкономленные средства обратить на нужды испанских детишек.

Присутствующие стали переглядываться и вдруг все сразу заговорили.

— Демкин совершенно прав,— взволнованно сказал Петр Часовин.— Мы питаемся из общего котла, спрашивается: для чего же нам деньги? Мы приехали сюда, чтобы бороться с фашистами, а не за высокими окладами. Предлагаю совершенно отказаться от денег.

— А на какие деньги ты купишь обмундирование, белье и сигареты? Ведь все это интендантство не выдает. Не так ли? — задал вопрос Василий Ободовский.

— Не будем вдаваться в крайности,— вмешался в спор Петр Сиротинин.— Одно дело, когда республиканское правительство вынуждено платить огромные деньги иностранным летчикам, инженерам, другое дело — мы, советские добровольцы, прибывшие на помощь своим кровным братьям. Поддерживаю предложение товарища Демкина.

— Правильно! Голосовать! Правильное предложение! — раздалось с мест.

В единогласно принятом решении наше землячество настоятельно просило командование о повторном сокращении наполовину окладов советским добровольцам-танкистам.

Эта просьба командованием вскоре с благодарностью была принята.

Не прошло и месяца со дня прибытия в Арчену, как наш полк на итоговых тактических учениях показал неплохие результаты. Налаживалась штабная служба и служба тыла. Офицерский состав щеголял в новенькой форме. Во всем чувствовался воинский порядок.

В погожий воскресный день мы решили съездить в Мурсию, посмотреть кинофильм, пообедать в ресторане. Улицы этого города-сада со старинными дворцами грандов, фешенебельными отелями, кабаре, магазинами в центре и лачугами бедняков на грязных окраинах были запружены гуляющими.

Из открытых окон кафе и ресторанов лилась мелодичная танцевальная музыка. У витрин магазинов, фотоателье и кинотеатров толпились любопытные зеваки.

Здесь, как и в других городах, жизнь людей шла навиду. Прямо на улице у входа в дом женщины стирали и стряпали, а детишки шумно играли в войну. На увитой диким виноградом веранде ресторана с анархистским черно-красным полотнищем у входа, медленно попивая черный кофе с коньяком, играли в домино респектабельные пожилые мужчины. Здесь же на тротуаре парикмахер брил клиента, а его подручный усердно намыливал очередного.

Запах жареной рыбы на оливковом масле, вареной фасоли, чеснока чувствовался повсюду.

Побродив по городу, мы зашли в кинотеатр, где в это время показывали «Чапаева». Огромный зал был наполнен до отказа. Молодые люди вели себя очень непринужденно: шумели, курили, прямо из бутылок пили лимонад, а также грызли орехи и семечки, опорожненные бутылки, окурки, шелуху бросали на пол.

В начале сеанса был показан майский киножурнал о параде в Москве. Появление у Мавзолея В. И. Ленина строгих рядов слушателей военных академий и особенно бойцов стрелковой дивизии вызвало взрыв аплодисментов.

И вот со стороны Исторического музея на Красную площадь покатились танки...

— Ванюша! Ведь это же наши нарофоминские бетушки![1] Гляди, вон в первом от трибун танке катим

[1] Танки БТ-5.

мы с Ветровым! — услышал я радостно удивленный голос Михаила Данилина.

— А моя машина вторая слева! — воскликнул Иван Бирев.

Ребята, забыв где находятся, оживленно заговорили.

Действительно, на последнем военном параде я в башне данилинского танка «для порядка» двигался правофланговым первого ряда сводного полка быстроходных танков, которым командовал майор А. Д. Штевнев.

Мне и моим товарищам было интересно видеть парад, участниками которого мы были. Ведь тогда, на Красной площади, мы «держали равнение» и ничего не видели...

В зале зашикали, и разговоры стихли. На экране появился и как-то странно заговорил по-испански Василий Иванович.

Реакция аудитории на события, развертывающиеся на экране, была очень бурной. Восклицания и крики одобрения, возмущение, испуг, предупреждения об опасности не прекращались до конца сеанса.

Зал бушевал, подбадривал плывущего героя... и онемел, когда пучина поглотила его. Проклятия и ругань неслись по адресу белогвардейцев и франкистов.

По окончании сеанса кто-то узнал, что в зале находятся русские и присутствующие долго скандировали: «Ви-ва Русиа! Ви-ва эль пар-ти-до ко-му-ниста Сове-тика! Но па-са-ран!»

Взволнованные горячими проявлениями любви к нашей Родине, мы долгое время находились под впечатлением этой встречи.

В один из теплых солнечных дней начальник генерального штаба полковник Висенте Рохо решил провести смотр боевой готовности Интернационального танкового полка. На обрамленной оливковыми и мандариновыми деревьями большой поляне выстроились все подразделения.

Вытянув стволы пушек и поблескивая свежей краской, в полной готовности стояли танки БТ-5. Впереди машин выстроились их экипажи. Вдалеке на левом фланге маячили самодельные фургоны спецмашин, автоцистерны, мотоциклы и автомобили.

Вскоре на блестящем «крейслере» приехали полковник Висенте Рохо, комдив Г. М. Штерн и сопровождающие их офицеры.

Приняв рапорт, инспектирующий в сопровождении полковника С. И. Кондратьева направился к танковым экипажам.

С улыбкой одобрения остановился полковник Рохо возле лейтенанта Алексея Разгуляева, затем подошел с вопросом к невозмутимому чеху Яну Мркве, а от него к болгарину Георгину Тошеву. На минуту остановились генштабисты около огромного Лонгвина Мещеркина и его очень маленького друга командира башни Цезаре Прадо, который со знанием дела бойко ответил на заданные Висенте Рохо вопросы.

После общего ознакомления с личным составом гости осмотрели новые для них танки и со вниманием выслушали мой рассказ о боевых свойствах наших машин. Затем состоялся показ танков в действии. Всеобщее удивление и одобрение инспектирующих вызвала высокая скорость и маневренность шестерки танков БТ-5, а также мастерство механиков-водителей Кручинина, Власова, Демкина и Валуева, легко преодолевших широкий ров, метровую кирпичную стенку и колейный мост.

На прощание полковник Висенте Рохо сказал:

— Мы просили Советское правительство помочь нам современной техникой и опытными военными специалистами, но то, что мы увидели здесь, превзошло все наши ожидания.

Поблагодарив командование и личный состав за достигнутые успехи в боевой подготовке, В. Рохо и Г. М. Штерн уехали. Этим смотром были подведены итоги нелегкой работы по формированию и сколачиванию танкового полка.

НА АРАГОНСКИЙ ФРОНТ

В первых числах сентября был получен приказ о передислокации полка на Арагонский фронт. Танкам предстояло своим ходом за двое суток покрыть 500-километровое расстояние, отделяющее Арчену от расположенного в низовьях реки Эбро города Тортосы.

Надо сказать, что столь длительного перехода никому из нас совершать еще не приходилось. Поэтому подготовке к маршу было уделено большое внимание. Тщательная рекогносцировка маршрута показала, что большая часть дорог, по которым предстояло пройти танкам, состоит из неширокиx, но твердых и асфальтированных, правда загруженных автотранспортом шоссе, протянувшихся вдоль средиземноморского побережья Испании.

Вообще в Испании магистральные дороги очень хороши, но побочных дорог мало. Гористый характер местности и большие площади, занятые цитрусовыми, оливковыми, виноградными и другими плантациями, мешают этому. Было решено двигаться на большой скорости тремя танковыми и одной автомобильной колоннами.

Итак, завтра в поход! Все упаковано, уложено, надежно закреплено и проверено.

«Что нас ожидает впереди? Как лучше вести бой с противником? Всем полком в качестве группы дальнего действия (ДД) или же мелкими подразделениями в качестве групп непосредственной поддержки пехоты (НПП)? Какие у противника танки и что представляет собой его противотанковая артиллерия? Что за вояки немецкие, итальянские и марокканские наемники?» — думал я.

В 4 часа подразделения стали выходить в район сбора. В 5 часов утра со сборного пункта вышла первая колонна из 17 танков, «санитарки», бензоцистерны, авторемонтной мастерской и кухни. Через 30 минут в дальний путь двинулась вторая, а в 6 часов и третья танковые колонны.

Несмотря на такую рань, многие жители собрались вдоль дороги и с грустью провожали танкистов. В сторонке, обнявшись, стояли Андрес и опечаленная Карина.

До Мурсии танки, подымая тучи пыли, шли по узкой, местами разбитой щебенчатой дороге, вдоль которой мелькали одноэтажные каменные подслеповатые домики. Миновав утопающую в зелени красавицу Мурсию, первая колонна под командованием капитана Сиротинина, свернула налево и вышла на асфальтированное шоссе Мурсия — Аликанте. На небольшом

привале экипажи сняли с колес гусеницы и уложили их на бортовые полки. Машины на колесном ходу стремительно понеслись вперед.

В голове танковой колонны вихрем неслись лихие мотоциклисты-регулировщики, воем своих сирен оповещая встречных об опасности. На первом этапе марша материальная часть, за редким исключением, действовала надежно и бесперебойно. Приподнятое настроение танкистов чувствовалось во всем: в уверенном и стремительном движении отдельных машин и колонн, в быстрых и согласованных действиях всех членов экипажей.

Первый большой привал, после 120-километрового пробега, был устроен на широком дугообразном приморском бульваре Аликанте, под высокими пальмами. В порту этого залитого солнцем, веселенького городка стояли два испанских и одно советское судно, а в голубой дали маячили рыбачьи парусники. По праздничной широкой набережной, перенаселенной кафе и ресторанами, прогуливались редкие прохожие. Вездесущие мальчишки «взяли в окружение» танкистов. Их вопросам, удивлению и восхищению машинами не было предела.

Позавтракав вареной треской с фасолевым пюре и дозаправив машины бензином и водой, колонна оставила гостеприимный Аликанте и понеслась навстречу Валенсии. Неширокая шоссейная дорога была проложена вдоль средиземноморского побережья Испании и связывала между собой Аликанте, Валенсию и Кастельон-де-ла-Плана. На расстоянии примерно 50 километров одна от другой по всей дороге расположились станции технического обслуживания.

По мере приближения к Валенсии шоссе все теснее прижималось к морю и все разнообразнее становилась растительность. Среди океана мандариновых, апельсиновых и лимонных деревьев встречались островки миндаля, фиников, гранат, олив, пшеничных и кукурузных полей, виноградников и рисовых плантаций.

Второй большой привал для всего полка, с ночевкой, был устроен в апельсиновой роще вблизи Валенсии, чуть ли не у самого берега моря. Усталость не помешала нам любоваться синим валенсийским небом и красотами морского берега. После отдыха танки с

рассветом вышли на наиболее трудный участок пути: Валенсия — Сагунто — Кастельон-де-ла-Плана — Винарос — Тортоса. Грохот колонны никак не вязался с сияющей красотой спокойного моря и чистого неба. Золотистый песчаный берег с хаотически разбросанными вычурными виллами, красочными павильонами, грибками, ресторанами напоминал мозаику праздничной ярмарки.

От Кастельона до Тортосы танкам пришлось преодолевать тяжелые участки очень извилистых, разбитых и давно не ремонтированных горных дорог. Здесь на крутом повороте опрокинулся танк Алексея Нежнова. К счастью, все обошлось благополучно.

«ПЯТАЯ КОЛОННА»

К вечеру, как и предполагалось, мы добрались до Тортосы. Накрапывал мелкий дождь. В темноте перешли металлический мост, перекинутый через широкую реку Эбро, и оказались на западной окраине города. Рассредоточив машины в большой оливковой роще и выставив охранение, личный состав расположился на отдых. Штаб полка разместился в небольшом двухэтажном домике управляющего имением какого-то гранда.

На следующее утро экипажи вырыли под машинами удобные ровики, устлали их сеном и устроились как на даче. Первый день ушел на приведение в порядок и дозаправку танков. Когда материальная часть была приведена к «нормальному бою», мы решили ознакомиться с достопримечательностями Тортосы.

Этот древний, расположенный у Средиземного моря небольшой портовый городок утопал в зелени. Очень узкие, мощенные булыжником, горбатые улочки с множеством магазинов, ателье и кафе были запружены людьми. Лилово-желто-красные республиканские, черно-красные анархистские и красные флаги пестрели повсюду.

Спустившись в порт, мы повстречали шумно веселящуюся морскую братию с размалеванными девицами. У дома женщины-рыбачки продавали свежую рыбу. Забравшись на высокую гору, мы оказались в кре-

пости, построенной в XIII веке. Отсюда во всей широте перед нами раскинулось Средиземное море.

Побродив по городу, мы стали искать городскую баню, чтобы смыть походную пыль, но тщетно. В городе с 40-тысячным населением оказалось только одно небольшое ванное заведение с шестью ваннами. Понятно, что состоятельные жители пользовались собственными ваннами, а как трудящиеся? Добрым словом помянули мы свои гарнизонные бани, которые шутя называли наро-фоминскими «Сандунами», и, уплатив изрядную сумму, помылись под душем.

Настало время обеда, и наша компания облюбовала приличное на вид кафе в самом центре Тортосы. Пока нас обслуживали, как на подбор, красивые и элегантные официантки, я заметил, что сидящие рядом с родителями девушки и мальчик пьют из больших стаканов красное вино. Заметив мое удивление, Елизавета Кольцова, сказала:

— Здесь вино пьют во время еды и большие и малые, но пьяных почти не бывает.

При заказе блюд мы всецело положились на опытных друзей и не ошиблись. На закуску были поданы жареные рачки и рыбешка, маринованные оливки и еще что-то. На первое с аппетитом съели сборную очень острую солянку, а на второе — вкуснейшую, особым способом приготовленную курятину. Всю эту «остроту» запили сухим вином. Обед подходил к концу, и вдруг заиграли оркестранты и на сцену поднялась одна из официанток. Пританцовывая, она спела песенку.

Затем на сцену вышла довольно легко одетая танцовщица, а за ней еще две. Они спели несколько песенок. Сидевшие здесь юноши смеялись и от восторга, хлопая в ладоши, кричали: «Оле! Оле!» Однако нам было пора возвращаться в часть.

Несколько позже мы узнали, что предприимчивый хозяин этого кафе в порядке конкуренции с другими ресторанами привлек безработных актрис к обслуживанию посетителей, установив им премиальную добавку за выпитое посетителями вино.

Пользуясь кратковременной передышкой, мы провели полковую техническую конференцию по итогам прошедшего марша, а выводы и предложения направили в Москву.

Шел третий день нашего пребывания в районе Тортосы. Было тепло, солнечно. Как обычно, в подразделениях проводились занятия. И вдруг раздался протяжный вой сирен — сигнал воздушной тревоги заставил всех укрыться в ровиках под танками и в бомбоубежище.

Вскоре показались и непрошеные гости. Девятка вражеских бомбардировщиков закружилась над нами, и вот уже в наше расположение посыпались мелкие бомбы. От частых и близких разрывов потемнело и запахло гарью. Когда вой самолетов стих, мы повылезали из укрытий и увидели горевшие ярким пламенем две транспортные машины и небольшое строение. Подбежав к ближайшей машине, стали тушить пламя, но спасти медикаменты, носилки и инструмент не удалось.

В результате налета было убито два и ранено четыре человека, сгорела автомашина.

Во избежание повторного нападения фашистской авиации мы в тот же день сменили район дислокации, но через день были вновь атакованы с воздуха, вновь посыпались на нас бомбы.

Всех нас тревожил вопрос: как мог противник так скоро узнать о новом местонахождении полка? «По-видимому, в Тортосе имеются вражеские лазутчики»,— решил С. И. Кондратьев.

Прошел день, и вновь происшествие: у штабного испанского офицера при загадочных обстоятельствах исчезло секретное донесение о численности личного состава полка. Тщательные поиски, а также проведенное расследование результатов не дали. В руки врагов попал особой важности документ. Стало понятно, что, несмотря на строгий отбор, в полк пробрались враги республики.

Не располагая специальными работниками службы безопасности, о чем мы очень сожалели, испанские друзья установили негласное наблюдение за некоторыми подозрительными лицами, и это в скором времени дало свои результаты. На месте преступления, во время фотографирования «важного документа», умышленно оставленного без присмотра в штабной машине, был арестован шофер Агустин Алонсо. На допросе преступник признался, что выполнял задание руково-

дителя подрывной троцкистской организации в городе Лериде, но действовал, мол, в одиночку.

Проявленная фотопленка с изображением танков и ряда документов не оставила сомнения в намерениях фашистского лазутчика. Было решено утром следующего дня сопроводить преступника в распоряжение республиканских следственных органов города Валенсии. Воспользовавшись тем, что охранявшие его у закрытой на замок комнаты молодые бойцы заснули, Алонсо не без помощи своих единомышленников взломал деревянные ставни окна и бежал. Предпринятые меры к поимке беглеца ни к чему не привели. Алонсо как в воду канул.

Нас всех очень встревожила эта история.

На одном из фотоснимков, изъятых у Алонсо, испанские товарищи узнали девицу из местного припортового публичного дома, что натолкнуло их на мысль установить за этим домом наблюдение.

Не прошло и двух дней, как стало известно, что содержатель этого дома оказывает предпочтение военным, и особенно танкистам.

В заведение был направлен работник штаба полка. Прикинувшись простачком, он завязал знакомства. От девушек узнал о подозрительном поведении их хозяина португальца.

О своих тревогах и подозрениях испанский комиссар полка Мартинес сообщил местным органам власти, но получил ответ, что «этот дом вне подозрений».

Однажды к Мартинесу явился молодой танкист и сообщил, что Росита из публичного дома очень настойчиво выпытывала у него сведения военного характера, обещая за это «любовь и золото».

Не встретив поддержки у местных органов безопасности, испанские танкисты решили действовать самостоятельно. Однажды глубокой ночью небольшая группа энтузиастов окружила, а затем ворвалась в пресловутый дом. В одной из дальних комнат была обнаружена «тепленькая» радиостанция и оружие, а в апартаментах португальца был взят трясущийся от страха шофер Алонсо.

На вопрос Мартинеса, кто этот португалец, совсем раскисший Алонсо ответил:

— Мой шеф.

Португалец вел себя нагло:

— Да, я враг республики, но как иностранец неприкосновенен.

Не располагая временем для тщательного разбирательства, испанские друзья усадили всех оказавшихся в доме женщин и клиентов в крытые автомашины и повезли в Валенсию для передачи в руки правосудия. Недалеко от Винароса на колонну из засады напала вооруженная банда. Воспользовавшись завязавшейся перестрелкой, Алонсо и португалец пытались бежать, но неудачно. Они были убиты своими. Кроме того, в этой короткой ночной стычке под пули попало несколько их сподвижников, а также некоторые из девиц вместе с ухажерами и ряд конвоиров.

После этого случая активные действия агентов «пятой колонны» в Тортосе на время прекратились.

Длительный марш из Арчены в Тортосу, а также интенсивная подготовка личного состава по вождению машин значительно сократили и без того небольшие полковые запасы танкового горючего. Вместо положенных трех заправок оставалась только одна. Давно обещанный секцией автобронетанковой службы военного министерства авиабензин задерживался. Было от чего волноваться, ибо в любой час мог прийти приказ о выступлении.

Вечером в третий раз за день я зашел в кабинет начальника железнодорожной станции Тортосы, чтобы узнать, когда прибудет горючее. Навстречу поднялся дежурный комендант и доложил:

— Товарищ майор, ожидаемый вами эшелон с газолином в составе пятнадцати платформ и двух крытых вагонов поставлен под разгрузку на первом пути.

— Наконец-то! — с облегчением ответил я.

В то время, когда оформлялась приемо-сдаточная документация, на станцию прибыли вызванные мною из части грузовые автомобили с солдатами и началась спешная разгрузка вагонов. Сопроводив первую партию машин, груженных железными бочками, мы с военным комендантом подошли к крытым вагонам. Комендант снял с защелки пломбу и открыл вагонную дверь с огромной меловой надписью: «Газолин».

Велико было наше удивление, когда вместе со стандартными оцинкованными 200-литровыми бочками с

бензином мы увидели там дубовые 40-ведерные бочки с вином. На одних бочках красовалась надпись: «Мускат», на других — «Херес», а на третьих — «Мансанилья».

— По-видимому, допущена какая-то путаница,— сказал я представителю железнодорожной администрации.

Тот с удивлением посмотрел на меня, а затем, протянув накладную, ответил:

— Никакой ошибки нет. Вот документ, удостоверяющий поступление в ваш адрес пятисот металлических и сорока дубовых бочек. Что же касается их содержимого, то железная дорога за это ответственность не несет.

— Ничего не скажешь, все сходится,— примирительно ответил я.

— Случись со мной такая история, я долго бы не раздумывал,— хитро улыбаясь, сказал комендант.

Кому могла прийти в голову такая дикая мысль — направить полку вино под видом военного груза особой важности! Только еще раз перечитав надписи на бочках, я понял, что оснований для печали у меня все же не было, так как полку «всучили» первосортные десертные вина, во много раз лучше, чем то кисловатое винцо, которым нас ежедневно потчевала хозяйственная часть. В рацион Испанской республиканской армии наряду с белым хлебом, оливковым маслом, мясом, бобовыми, кофе и другими продуктами питания входило вино, ежедневно выдаваемое всему личному составу подразделений.

«А, чем черт не шутит,— подумал я.— Может же такое случиться, что заботливые тыловики решили преподнести танкистам сюрприз»? Я решил от вина не отказываться. За ночь все горючее и дубовые бочки с содержимым благополучно были перевезены в район расположения полка.

Можно себе представить приятное удивление однополчан, когда им на завтрак было выдано по стакану превосходнейшей мансанильи. Даже опостылевшие дежурные фасолево-чечевичные блюда, сдобренные глотками ароматного вина, в этот день показались лучше обычного.

Прошло несколько дней. Бойцы и офицеры добрым

словом поминали тех, кто, вольно или невольно, так хорошо позаботился о них. Кто-то пустил слух о том, что перехваченное вино было закуплено тортосскими спекулянтами в Мурсии для местных кабаре и ресторанов, где, как и в прежние времена, кутила провинциальная знать.

Следует сказать, что всех нас не раз поражало обилие разнообразнейших продуктов, и в том числе вин, в дорогих ресторанах многих городов, тогда как широкие слои населения, и в первую очередь дети и старики, страдали от недоедания. Считая транспортировку вина под видом особо важного военного груза делом нечистых рук высших тыловых чинов и не имея иных возможностей наказать их за это, мы признали справедливым экспроприацию незаконного груза.

«Винный секрет», вопреки ожиданию, долгое время не выходил за пределы части, и думается, что не был бы вовсе раскрыт, если бы в полк не нагрянула хозяйственная комиссия из Валенсии. Стыдливо обходя вопрос о недозволенном способе транспортировки принадлежавшего частным лицам вина, комиссия грозила, настаивала, а затем упрашивала возвратить вино его владельцам. Обещала наказать виновных в незаконном использовании военного транспорта. Однако мы долго не сдавались.

Вскоре был получен строгий приказ из военного министерства: «Полученные по ошибке продукты возвратить владельцам. Об исполнении доложить».

Что нам оставалось делать? Не желая осложнять и без того нелегкое положение с продовольственным снабжением полка, которое зависело от проверяющих интендантов, полковник С. И. Кондратьев решил передать им оставшиеся еще нетронутыми бочки вина, за исключением «небольшого» резерва.

Долго после этого вспоминали танкисты о «газолине».

ПО БОЕВОЙ ТРЕВОГЕ

Поздно вечером 10 октября начальника штаба майора В. И. Кольнова и меня пригласил командир полка. Войдя в небольшую учительскую, которая служила Степану Ивановичу рабочим кабинетом и спальней, мы

застали там склонившегося над картой комиссара полка майора П. С. Фотченкова.

— Товарищи! Получен приказ командования о сосредоточении нашего полка к 13 октября в районе Медианы для последующего наступления на Сарагосу,— сказал Степан Иванович, и продолжал: — Думаю, что кроме захвата этого крупного торгово-промышленного центра предстоящая операция имеет целью отвлечь силы мятежников от находящихся в критическом положении республиканских войск на севере Испании.

Далеко за полночь затянулась наша беседа о предстоящем выходе, о том, как лучше организовать ночной марш. Здесь же был продуман план первоочередных подготовительных работ и определен состав разведки маршрута. С утра следующего дня весь личный состав полка начал готовиться к «внеплановому тактическому учению».

— Опять тактическое учение? — не скрывая досады, спросил у меня французский коммунист Андре Монье.— Когда же в бой?

Этот очень симпатичный командир танка был в своей стране известным инженером-электриком и категорически отказался от предложенной должности полкового электрика, заявив при этом, что приехал в Испанию, чтобы лицом к лицу с оружием в руках сражаться с фашистской гадиной. Мне было понятно его нетерпение, но сказать правду об истинных целях «учения» я не мог.

В назначенный срок все работы к передислокации были закончены. Теплой беззвездной ночью 12 октября танки по боевой тревоге покинули Тортосу и с затемненными фарами, грозно урча моторами, двинулись навстречу незнакомой Медиане.

Управляемые опытными механиками-водителями, боевые машины двигались с хорошей для ночного времени скоростью, равной 25—30 километрам в час. Словно заразившись боевым настроением экипажей, танки, несмотря на разбитую дорогу и перегрузку ящиками с боеприпасами, вели себя безотказно, так что техническому обслуживанию во главе с танковым техником Константином Гурьяновым делать было нечего.

У Альканьиса, несмотря на ночь, нас встретила большая группа женщин и детей. Они помогли быстро

дозаправить машины водой. Угостили сильно наперченной колбасой, маринованными оливами и вином. Как родных, с пожеланиями победы проводили в путь.

На привале в Ихаре к группе отдыхающих танкистов маленькая девочка подвела белого как лунь слепого старика с порроном в руке. Угощая воинов вином собственного изготовления, он с волнением сказал:

— По иностранной речи можно судить, что среди вас имеются наши друзья интернационалисты. Мой привет им и пожелание разбить фашистских генералов и невредимыми возвратиться к своим очагам.

Команда Владимира Ивановича: «По коням!» — прервала беседу, и, высекая искры из булыжной мостовой, стальные кони понеслись вперед. Неровная и узкая дорога, по которой совершали свой марш танки, была проложена по скалистому, местами разбитому грунту, с множеством каменных осколков. Попадая между гусеницей и колесами, они разрывали резиновые бандажи колес и, как ножом, срезали шплинты траков, доставляя экипажам много хлопот.

Службу регулирования движения довольно четко несла восьмерка мотоциклистов во главе с бывшим тореадором Альберто Родригесом. Благодаря высокой дисциплине марша танки двигались быстро и без происшествий. Если не считать неизбежных в таких случаях мелких дефектов, устраняемых экипажами на остановках, 120-километровый марш по маршруту Гандеса — Альканьис — Ихар — Бельчите прошел успешно. До рассвета танки скрытно сосредоточились в роще южнее Медианы. Здесь на выжидательном рубеже предполагаемого наступления экипажи сняли чехлы с пушек и пулеметов, сгрузили на грунт опорожненные наружные бензиновые бачки, танковые брезенты, личные вещи и снарядные ящики.

Вскоре в расположение полка приехал исполняющий обязанности главного военного советника комдив И. Ф. Максимов и сообщил, что наступление республиканских войск из района Медианы отменяется. Он передал Кондратьеву письменный приказ командира 21-го армейского корпуса подполковника Сехисмундо Касадо[1] о переходе танков под Фуэнтес-де-Эбро, ко-

[1] С. Касадо в 1939 году поднял в Мадриде мятеж и предал республику.

торый мы должны были вместе с 15-й интернациональной и 21-й испанской бригадами сегодня атаковать.

Такая спешка обеспокоила и насторожила нас. Нам было известно, что попытки республиканских войск овладеть Фуэнтес-де-Эбро, предпринятые еще в августе этого года, не увенчались успехом. Арагонские войска мятежников потеряли в прошлом месяце такие укрепления под Сарагосой, как Кинто, Кодо, Медиану и Бельчите. Поэтому они еще больше усилили и без того хорошо укрепленный район Фуэнтес-де-Эбро. Здесь с помощью немецких фортификаторов была создана система оборонительных позиций, железобетонных блиндажей с окопами глубокого профиля, заминированных участков и разного рода противотанковых препятствий. Многие каменные дома были превращены в доты.

Оборону в этом районе несли хорошо вооруженные и обстрелянные кадровые войска. Вот все, что мы знали о противнике. Времени для разведки его системы обороны нам не дали. Пришлось ограничиться небольшой командирской рекогносцировкой. Забравшись на высоту с чахлой растительностью, с которой хорошо просматривался район, занимаемый противником, мы с обратных ее скатов стали изучать его.

Первое, что бросилось в глаза, было большое несоответствие между топографической картой и лежавшей перед нами холмистой местностью с шоссейной дорогой и отдельными строениями. На наших картах дорога и дома обозначены не были. В то время как вносились поправки в карты, на дороге со стороны Фуэндетодос, родины великого Франсиско Гойя, обгоняя арбу на огромных колесах, катились грузовые автомобили. В бинокль я увидел сидящих в кузовах людей в каких-то замысловатых головных уборах.

— Да это же мавры! — воскликнул капитан Иван Губанов.

И в самом деле, всмотревшись, мы увидели бронзовые лица вооруженных марокканцев.

— Двадцать две машины с двенадцатью стрелками в каждой и двумя пулеметами,— подсчитал командир танкового взвода лейтенант Петр Часовин.

Свернув налево, в сторону Фуэнтес-де-Эбро, колон-

на скрылась за пригорком, оставив за собой клубы пыли.

Сопровождавший рекогносцировочную группу офицер штаба 35-й интернациональной дивизии в общих чертах ознакомил нас с расположением противостоящих войск мятежников, рассказал о том, что в последние дни оборона их усилена свежими войсками и противотанковой артиллерией, но о расположении огневых средств ничего сообщить не смог.

— Не успели разведать,— смущенно сказал он.

На обратном пути над нами пронеслась большая группа итальянских бомбардировщиков «капрони» в сопровождении истребителей. Когда утих гул самолетов, Алексей Разгуляев, перефразируя слова популярной песенки, сказал:

— На земле, в небесах и на море с помощью марокканцев, немцев и итальянцев «защищает» Франко Испанию от испанских республиканцев.

— Хотя и не совсем складно, но верно сказано,— поддержал Алексея Разгуляева лейтенант Евграф Аристов.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ У ФУЭНТЕС-ДЕ-ЭБРО

В 9 часов 13 октября танки, пройдя по проселочной дороге вдоль реки Кинель от Медианы до сарагосского шоссе, заняли выжидательные позиции в небольшом ущелье в 10 километрах юго-восточнее Фуэнтес-де-Эбро.

Докладывая подполковнику Касадо о результатах утренней рекогносцировки и о крайне скудных сведениях о противнике, Кондратьев высказал предположение, что выделенных двух пехотных бригад для успешного наступления на Сарогосу явно недостаточно, тем более что 15-я интербригада после недавних боев по освобождению Бельчите до сих пор не восполнила понесенных ею больших потерь. Вместо 3 тысяч бойцов она насчитывала едва ли половину. Многие из ее бойцов не имели даже винтовок, и на всю бригаду приходилось только 12 пулеметов.

Рассеянно выслушав Кондратьева, Сехисмундо Касадо ответил:

— Не так страшен черт, как его малюют. Вашими танками мы так раскатаем мятежников, что они своих костей не соберут.

— Танкисты свое дело сделают, но они не в силах долго удерживать завоеванную территорию, это может сделать пехота, а ее у нас очень мало,— сказал Степан Иванович и попросил у Касадо подкрепление, но безуспешно.

— Какую цель преследует командование 21-го армейского корпуса, бросая в бой третью часть всех танков республики вместе с совершенно недостаточными силами пехоты? — спросил он у меня и, не дождавшись ответа, недоуменно развел руками.

Комдив И. Ф. Максимов, командир полка С. И. Кондратьев и командиры 15-й интернациональной и 21-й бригад разработали и согласовали с авиационным и артиллерийским начальниками план взаимодействия войск при наступлении, по которому в 12 часов, то есть за час до начала наступления, республиканская авиация и три дивизиона тяжелой артиллерии наносят огневой удар по передовым укреплениям мятежников с целью подавления их огневых средств и живой силы. В 13 часов танки с батальоном десантников в лоб атакуют противника на фронте протяженностью два-три километра вдоль реки Эбро. За танками через проходы в проволочных заграждениях устремляются батальоны 15-й и 21-й бригад, которые вслед за спешившимся танковым десантом врываются во вражеские окопы и овладевают Фуэнтес-де-Эбро. При достижении успеха наступление развивается в направлении Сарагосы.

В окопе недалеко от командного пункта 15-й бригады полковник Кондратьев собрал командиров танковых и танкодесантных подразделений и объявил свое решение атаковать противника одновременно всем полком, имея несколько выдвинутыми вперед первую и третью фланговые роты, а вторую роту в центре.

Первой танковой роте из 16 танков БТ-5 под командованием капитана П. Н. Сиротинина совместно с английским батальоном предстояло атаковать укрепления мятежников справа между железнодорожными путями и бездействующим каналом искусственного орошения и захватить северную окраину селения. Третьей танко-

вой роте во главе с капитаном И. Л. Губановым совместно с канадским батальоном надлежало наступать на противника, окопавшегося левее сарагосского шоссе, взломав его оборону, захватить господствующую в этом районе высоту и выйти на северо-западную окраину селения. Несколько оттянутая назад вторая танковая рота капитана Н. К. Шатрова вместе с американским батальоном должна действовать в центре долины реки Эбро, атаковать противника в лоб и ворваться в Фуэнтес-де-Эбро.

Решение командира корпуса подполковника Касадо об использовании 24-го испанского батальона 15-й интербригады в качестве танкового десанта было для нас неожиданным и вызвало энергичное возражение С. И. Кондратьева. Мы знали, что ни одна из современных армий опыта использования танкового десанта в боевых условиях еще не имеет. Применение же хорошо натренированной пехоты, посаженной на танки, в условиях маневров и тактических учений в мирное время говорило о целесообразности танкового десанта только при преследовании отступающего врага, а не при прорыве хорошо подготовленной обороны, когда отдельные оживающие огневые точки противника могут нанести открытому десанту большой урон.

Было досадно, что об использовании танкового десанта мы узнали только в день атаки. Ведь это требовало тщательно продуманной подготовки и соответствующей тренировки. Но Касадо настоял на своем, и мы с командиром 24-го испанского батальона капитаном Агила, комиссаром Хосе Мария Варела и командирами танковых подразделений как можно обстоятельно ознакомили молодых бойцов батальона с боевыми свойствами танков, объяснили, как лучше взбираться на машины, как сидеть на них, укрываясь за башней, и держаться за специальные поручни, когда и как вести огонь по противнику в движении, когда и по какому сигналу соскакивать с танков и атаковать врага в окопах.

Со дня невиданного по драматизму и жестокости боя у небольшого арагонского селения Фуэнтес-де-Эбро прошло много лет, но воспоминания о нем и теперь волнуют меня. Это был первый в моей жизни бой, первый бой для многих таких же, как я, молодых ком-

мунистов. И как тут было не волноваться, если через считанные минуты все то, чему нас, русских коммунистов, учила ленинская партия,— верность пролетарскому интернационализму, большевистская стойкость и выдержка — должно пройти суровую проверку боем. Трудный экзамен предстоял нашей танковой технике.

13 октября 1937 года 12 часов дня танки сосредоточились в исходном для боя холмистом районе в 30 километрах юго-восточнее Сарагосы. Небо заволокло тучами, безветрие, кругом выжженная солнцем земля, ни травинки. В трех километрах впереди боевых машин в неглубоких окопах, пересекающих сарагосское шоссе, расположились боевые порядки канадского, английского, американского батальонов 15-й интернациональной бригады под командованием югославского коммуниста подполковника Валемира Чопича.

Прежде чем отправиться на командный пункт, где мне, заместителю командира Интернационального танкового полка, надлежало быть во время боя, я прошел вдоль линии изготовившихся к бою танков. Из открытых люков машин выглядывают мои товарищи: русские Петр Фотченков, Николай Шатров, Сергей Лапутин и Михаил Сучков, болгары Кирилл Савов и Мирко Петков, словак Иван Мрква, чех Ольджих Хакен, немцы Ганс Шрамм и Карл Динстбах, итальянцы Биллини и Пакулли, австрийцы Генрих Пуркшталлер и Вилли Гофер, француз Андре Монье, поляк Кароль Янтак, американец Эдмонд, а за рычагами машин советские механики-водители Николай Безин, Михаил Данилин, Степан Шевцов, Сергей Силаев, Михаил Коровкин, Александр Бегишев, Петр Коловатов, Иван Дворягин и другие танковые асы.

На бортовых полках и надмоторных люках машин, выставив вперед винтовки, расположились молодые испанские стрелки-десантники во главе с капитаном Агила и комиссаром Хосе Мария Варела. Высунувшись из башенных люков рядом стоящих танков, порусски переговариваются герой Сентябрьского восстания 1923 года в Болгарии Христо Дамянов и чех Бржетислав Шкарвада.

Откуда-то со стороны противника один за другим прозвучали артиллерийские выстрелы, и недалеко от

машин, вспахивая землю, стали разрываться снаряды. Несмотря на интенсивный обстрел, ни один из танков не пострадал. Задраив люки машин, экипажи спокойно ожидали сигнала к наступлению. «Что-то не похоже на внезапность танковой атаки»,— с опаской подумал я. До начала атаки осталось около часа.

Командный пункт полка помещался в просторном окопе с выставленным «глазом» стереотрубы. Здесь полковник Кондратьев в присутствии командира 35-й дивизии генерала Кароля Сверчевского, подполковника Валемира Чопича, командира 21-й бригады Рохелио Пандо, авиационного и артиллерийского офицеров давал последние указания командирам танковых и танкодесантных подразделений.

— Повторяю, только тесное взаимодействие танков с пехотными подразделениями принесет успех нашему наступлению. Не отрывайтесь от пехоты, поддерживайте ее действия. По танкам товарищи!

Через 10 минут, когда вопросы взаимодействия были согласованы, мы стали расходиться по своим местам. Молодой командир канадского батальона американский коммунист Роберт Томпсон, поглядывая в бинокль, разговаривал с советским журналистом Михаилом Кольцовым. Затем они подошли ко мне.

— Товарищ Томпсон просит рассказать ему о наших танках,— обратился ко мне Кольцов,— но мои познания в этой области невелики. Прошу вашей помощи.

Несмотря на неподходящую для этого обстановку, отказать в просьбе Михаилу Ефимовичу я не мог и в очень сжатой форме изложил тактико-техническую характеристику БТ-5. Кольцов, блестя стеклами больших роговых очков, старательно переводил, а Томпсон понимающе кивал головой. Информация окончена, и мои интервьюеры расходятся. Томпсон идет к своим канадцам, а Кольцов, примостившись в нише окопа, что-то пишет.

Проходит 10 минут, и издалека слышится нарастающий гул приближающейся со стороны Валенсии небольшой группы самолетов. Вскоре мы уже видим опознавательные знаки республики на их крыльях. На стороне противника то в одном, то в другом месте разрываются бомбы, поднимая столбы пыли. Несколько

«своих» бомб упало в наши окопы, к счастью не причинив никому вреда.

После непродолжительной бомбежки республиканская артиллерия открыла огонь по вражеским позициям. Затем наступила тишина, и в небо взвились пущенные мною и начальником штаба В. И. Кольновым три зеленые ракеты — сигнал к танковой атаке. На башнях командирских танков замелькали сигнальные флажки: «Вперед!». Республиканская пехота застыла в напряженном ожидании. И вот, гудя мощными моторами и лязгая гусеницами, в бой ринулись танки с испанским десантом.

Вслед за танковой ротой капитана Ивана Губанова, переваливше через окопы своих войск, в закипевшую пучину боя смело бросились канадские стрелки. Вместе с Робертом Томпсоном в первой линии атакующих на левом фланге шли офицеры его штаба.

В 300 метрах за танками капитана Николая Шатрова в центре долины наступал американский батальон, а на правом фланге двигались цепи британцев и испанцев, увлекаемые самоотверженным сыном английского рабочего класса Гарольдом Фреем. Это он, будучи еще командиром республиканской стрелковой роты, смело сражался с фашистами на Хараме, тяжело раненным был захвачен в плен и осужден на смертную казнь. И сразу же, как только республиканское правительство обменяло его на видного фашистского пленника, он, не залечив раны, вернулся в Испанию. С винтовками наперевес, сутулясь, деловито шли, как на ответственнейшую в своей жизни работу, канадские, испанские, американские, русские, английские, украинские, немецкие антифашисты. Их посуровевшие лица были полны решимости и отваги.

Когда первые танки подошли к трехрядным проволочным заграждениям и стали их разрушать, молчавшие до сих пор противотанковые орудия и пулеметы противника открыли ураганный огонь. С машин стали соскакивать, а кое-где и падать десантники. От прямого попадания снаряда загорелся и окутался черным дымом первый танк. Но бронированная лавина из 48 танков неудержимо неслась вперед. Первая рота канадских волонтеров под командованием Билла Нейро уже подходила к проволочным заграждениям.

Несколько медленнее продвигались бойцы других батальонов. Проделав широкие проходы в заграждениях, танкисты подразделений Шатрова и Губанова прорвали первую оборонительную линию вражеских укреплений. Группа героев десантников вместе с подоспевшими волонтерами, руководимая Биллом Нейро и комиссаром канадского батальона Джоном Даллетом, устремилась в траншеи врага. Завязалась рукопашная схватка. Противнику пришлось отступить.

Сражение принимало все более ожесточенный характер. Засевшие в хорошо оборудованных укреплениях марокканцы упорно сопротивлялись. Рвались гранаты, бутылки с зажигательной смесью, сверкали штыки. Потери сторон возрастали. Смертью героя пал комиссар канадцев Джон Даллет. В то время как отдельные группы республиканцев вели бой за овладение первой линией траншей, танки капитана Шатрова уже прорвали третью линию укреплений и устремились на артиллерийские позиции фашистов, расположенные на возвышенности вблизи церкви. Мне было видно, как они, ведя огонь из орудий, движутся по желтой равнине, время от времени исчезая за холмами. Как только первые танки приблизились к домам, стоявшим неподалеку от церкви, на них обрушился огонь нескольких батарей противотанковых орудий, укрытых за каменными стенами.

Один за другим загорелись сразу три танка, в том числе и командирский. Раненный в голову Николай Шатров вместе с экипажем после безуспешной попытки сбить огонь был вынужден оставить машину и продолжать бой в пешем строю. Остальные танки, маневрируя на пересеченной местности, понеслись на орудия противника, поражая их с коротких остановок огнем пушек и пулеметов.

С первых же выстрелов два орудия были выведены из строя. В этот момент подошли свежие подразделения марокканцев. Но танкисты не ослабили своего натиска. Орудийным огнем танка, которым мастерски управлял комсомолец из Арзамаса Виктор Новиков, было вдребезги разбито противотанковое орудие, но при этом и танк Новикова получил серьезное повреждение. Вытекший на днище машины бензин вос-

пламенился, ежесекундно могли взорваться боеприпасы.

В таком критическом положении было нетрудно потерять самообладание, но Виктор не растерялся. Отлично зная боевые свойства машины, он на максимальной скорости пытался с помощью вентилятора сбить пламя. Огонь несколько приутих. А когда машина пошла под уклон, вновь разбушевавшееся пламя из моторного перекинулось в боевое отделение.

С тревогой смотрели мы на приближавшийся, объятый пламенем танк, восхищаясь самоотверженностью Виктора Новикова. Фашисты, увидев надвигавшуюся на них с тыла горящую машину, в страхе разбежались. Когда машина прошла мимо командного пункта, я в открытом люке увидел багровое от ожога лицо Виктора. Какой волей надо обладать, чтобы совершить такой подвиг!

Как нам позже рассказывали, появление на сборном пункте горевшего танка вызвало переполох среди шоферов бензовозов и автомобилей с боеприпасами. Однако испанские патриоты из ремонтной бригады, пренебрегая смертельной опасностью, вынесли из машины потерявшего сознание Новикова и потушили пожар. Танк был спасен.

Бой за Фуэнтес-де-Эбро принял ожесточенный характер. Силы обеих сторон быстро таяли. Противник, получив подкрепление, начал теснить храбрецов. Положение стало критическим. Подкошенный вражеской пулей, истекал кровью Роберт Томпсон [1].

---

[1] Сын рабочего, слесарь, лесоруб, активист коммунистической молодежной организации штата Огайо — Роберт Джордж Томпсон одним из первых интернационалистов вступил в ряды сражающихся антифашистов в Испании. За организаторские и военные способности 22-летний Томпсон был назначен командиром канадского батальона 15-й интербригады. После ранения он продолжительное время был прикован к постели. Сразу же по выходе из госпиталя включился в активную работу Компартии США. Во время второй мировой войны Томпсон вместе со многими товарищами по партии сражался против японских империалистов и немецких фашистов. За беспримерный героизм, проявленный в борьбе с японскими войсками под Буной, на Новой Гвинее, штаб-сержант 127-го полка Роберт Томпсон был удостоен высокой награды американской армии — креста «За боевые заслуги» и представлен к званию капитана. В дни разгула реакции Роберт Томпсон, избранный руководителем нью-йоркских коммунистов, пять

На выручку побратимам пришли танки под командованием Петра Фотченкова. Они в упор расстреливали врага, утюжили траншеи гусеницами, прикрыв отход группы бойцов с ранеными товарищами, а потом устремились громить тылы фашистов.

Крайне неблагоприятно сложилась обстановка для действующей на правом фланге первой танковой роты, которая встретила на своем пути непреодолимые противотанковые препятствия и вынуждена была искать обходные пути. Несмотря на обещание поддержать наступление первой танковой роты, командир 21-й анархистской бригады своих людей в условленное время из окопов не вывел и за танками не последовал, чем поставил в тяжелое положение танкистов. До этого случая мы считали злой шуткой услышанные от анархистских руководителей слова: «Лучше жить для свободы, чем умереть ради нее». Оказалось, что узкопартийные и авантюристические интересы анархистов порою были выше интересов Испанской республики.

По указанию штаба Касадо командир первой танковой роты капитан Петр Сиротинин направил часть машин по бездействующему каналу искусственного орошения с целью выйти к Фуэнтес-де-Эбро. Но когда передовые танки подошли к середине канала, откуда виднелась бетонная плотина, на них с обеих сторон обрушился шквал ружейно-пулеметного огня. Танки открыли ответный огонь, но вдруг на них стал надвигаться бурлящий поток воды. «Бездействующий» канал ожил. Продолжать движение вперед было невозможно. Танкисты, отстреливаясь от наседавших фашистов, стали разворачивать танки в обратном направлении. Вода прибывала с невероятной быстротой.

лет томился в тюремных застенках Сан-Франциско и Нью-Йорка. В одной из тюрем подосланный убийца из-за угла куском металлической трубы проломил Томпсону голову, пытаясь покончить с антифашистом. Но коммунист-борец выжил. Он перенес тяжелейшие операции, во время которых врачи заменили раздробленные кости черепа металлическими пластинками. Несмотря на тяжелую болезнь, славный сын американского народа Роберт Томпсон отдавал свои силы борьбе за мир, делу коммунистической партии, выступал против войны во Вьетнаме. В мае 1965 года участвовал в работе Всемирного форума ветеранов войны в Испании. 16 октября 1965 года Роберт Томпсон умер.

Помощь танкистам в эту минуту оказали бойцы англо-американского и испанского подразделений, среди которых был и начальник штаба полка майор Владимир Кольнов. Они дружно атаковали нависших над танками марокканцев и заставили прекратить орудийный обстрел выходящих из ловушки машин.

Наиболее успешным было наступление канадских и английских подразделений, поддержанных танками Ивана Губанова. Им удалось потеснить фашистов и занять часть их укреплений. Войска противника, понеся потери, сначала отступили, но затем, получив свежие подкрепления, продолжали упорно сопротивляться и даже пытались контратаковать. Совместными усилиями танкистов и англо-канадских стрелков после третьей ожесточенной атаки оборона фашистов была местами прорвана. После короткого, но ожесточенного боя при поддержке танкистов республиканцы заняли господствующую над районом гору и укрепились на ней. Спустя 20 минут республиканское орудие открыло огонь по противнику с этой удобной высоты. Командование фашистов бросило свежие силы против горстки смельчаков, укрепившихся на высоте. Трижды высота переходила из рук в руки и все же осталась за нами. В этой рукопашной схватке доблестью и геройством отличились командир первой роты канадцев лейтенант Билл Нейро, капитан Николай Шатров, лейтенант Петр Часовин и водитель танка Сергей Силаев. Они были впереди атакующих антифашистов и подавали пример отваги и самоотверженности.

С командного пункта было хорошо видно, как танки в упор расстреливают врага, утюжат его окопы, уничтожают пулеметы. Стремительная и мощная танковая атака, поддержанная интернациональной пехотой, ошеломила марокканцев. В стане врага началась паника. Эти жестокие в обращении с мирным населением наемники стали гортанно причитать, просить о пощаде, поднимая вверх руки.

Сопротивление обороняющихся, особенно в центре долины, значительно ослабело, а ответный огонь стал заметно затухать. Превосходство наших войск на этом участке было полным. Но, не имея должной поддержки со стороны пехоты и артиллерии, танки стали нести большие потери. Уже горели три танка.

В 400 метрах впереди командного пункта, где из-за пригорка у шоссе вел огонь по нашей пехоте вражеский пулемет, показался танк лейтенанта Сергея Лапутина с белой цифрой семь на башне. Двигаясь вдоль окопов, он послал по противнику несколько снарядов и гусеницей наехал на пулеметное гнездо. Под тяжестью машины перекрытие рухнуло, и танк правым боком осел в глубокий окоп, раздавив пулемет вместе с расчетом.

По вибрирующему гулу двигателя, выбрасывавшего черный дым из глушителя, можно было догадаться о тщетных попытках механика-водителя выбраться из ловушки. Забыв в горячке, что это бой, а не тактическое учение, я выскочил из укрытия и с винтовкой в руке бегом присоединился к цепи атакующих. По крепким выражениям на украинском языке в адрес генерала Франко, которые я услышал от храбрых бойцов, можно было понять, что бой вело украинское подразделение канадцев. Вместе с ними добрался до окопа, на бруствере которого застрял наш танк. Он накренился, левая его гусеница провисла и, не имея опоры, со скрежетом бешено вращалась. Прикладом винтовки я постучал по броне, давая понять экипажу, что можно выбираться, но из танка не отзывались. Марокканцы снова перешли в атаку, и наша группа оставила окоп.

Мимо командного пункта промчался на выручку своим танк лейтенанта Николая Панкратова. Навстречу ему тяжело двигался танк Виталия Валуева, таща на буксире машину с поврежденной пушкой. На бортах спасателя лежали раненые. Неожиданно один из танков остановился у командного пункта. Из люка выскочил механик-водитель Григорий Баранов, голова и руки его были в крови.

— Людвигу оторвало ногу! — крикнул он.

В люке механика-водителя показалось мертвенно-бледное, покрытое каплями пота лицо австрийского коммуниста Людвига Фульнителя. Поддерживая антифашиста за плечи, мы с Барановым и заряжающим Хосе Лопесом вынесли его из танка и уложили на землю. Левая нога австрийца выше колена была раздроблена и держалась на тонких нитях сухожилий. Малейшее движение причиняло ему невыносимую

боль. Раненый стонал, в полубреду просил не трогать его.

Мы быстро наложили на бедро Людвига кровоостанавливающий жгут и прижгли рану йодом, дали выпить ему коньяку. Врача или медицинской сестры поблизости не оказалось. Кто-то сказал, что раненый может умереть от шока, если не избавить его от дикой боли. Я облил свою острую наваху йодом и быстрым движением перерезал нити сухожилий. Людвиг застонал и впал в забытье. В таком состоянии наши товарищи отправили его в госпиталь.

Тем временем небольшие группы бойцов 15-й интернациональной бригады возвращались на старые позиции. Только танки отважных лейтенантов Евграфа Аристова и Михаила Сучкова и отдельные подразделения антифашистов продолжали неравный бой на южной окраине и в центре Фуэнтес-де-Эбро с подошедшими подкреплениями марокканцев. Обычно спокойный, полковник Кондратьев заметно волновался. Так успешно начатое наступление наших войск из-за отсутствия минимального резерва пехоты стало захлебываться. Увидев возвращающихся на старые позиции понурых бойцов, он предложил мне пойти к генералу Сверчевскому или Чопичу и добиться подкрепления.

Добравшись до командного пункта 35-й дивизии я спустился по крутым ступенькам в землянку-бомбоубежище. За складным столиком с телефонным аппаратом и лампой «летучая мышь» разговаривали Сверчевский и Чопич. Немного волнуясь, я кратко изложил просьбу командира полка.

— Где Чопич возьмет людей? — раздраженно спросил Сверчевский.— Сентябрьские потери его бригада не восполнила, а новые принес ваш танковый десант.

— У меня нет никакого резерва,— по-русски, но с заметным акцентом сказал Чопич.— Если противник предпримет контрнаступление, у меня нет сил отразить его.

Я встал, чтобы уйти. В это время Сверчевский взял телефонную трубку и примирительно сказал:

— Попытаюсь что-либо наскрести в других бригадах.— Его энергичное, с крутым подбородком и

холодными глазами лицо говорило о большой силе воли, уме и неспокойном нраве.

Не дождавшись окончания телефонного разговора, я ушел. Беспокоила мысль: «Как можно было атаковать такой укрепленный район, не позаботившись о минимальном резерве? А нет ли тут предательства? Почему вдруг ожил бездействующий канал? Почему отказалась идти в бой анархистская бригада?» Обуреваемый тяжелыми мыслями, я пробирался к своим.

По ходу боя было видно, что сегодня населенным пунктом овладеть не удастся. Несмотря на полное танковое превосходство, малочисленность республиканской пехоты дает о себе знать. Противник пропускает через свои боевые порядки наши танки и тут же открывает огонь по поднимающейся в наступление пехоте. Смертью героев пали командир английского батальона Гарольд Фрей и комиссар того же батальона Эрик Чапей.

Несмотря на огромные потери мятежников, бойцы 15-й интербригады не в силах были продвинуться вперед. Тактический и моральный перевес, достигнутый мощной и стремительной атакой танков, республиканские войска не смогли использовать. Потерявшие было голову мятежники пришли в себя и, получив подкрепление, стали оказывать все возрастающее сопротивление.

С начала боя за Фуэнтес-де-Эбро прошло около семи часов. Один за другим на сборном пункте появились три танка. С борта машины Михаила Данилина юные санитарки Тереза и Карменсита бережно снимают тяжело раненного в шею разрывной пулей английского волонтера. С помощью резервных экипажей танки пополняются боеприпасами и дозаправляются горючим. Еще не остыв от боя, Василий Жданов взволнованно рассказывает о первоначальном успехе танковой атаки:

— Мы с ходу вошли в Фуэнтес и даже двинулись по шоссе на Сарагосу, но не видя за собой пехоты, вынуждены были возвратиться.— В голосе танкиста звучит обида.

Наскоро перекусив, Жданов ушел на выручку своих друзей. Через несколько минут ушел и танк Михаила Борисова.

С большим трудом на одной гусенице рывками приближался танк Ивана Бирева. На танке Сергея Букшина оказалась пробитой бронебашня, ранены командир танка венгр Янош Ласло и заряжающий Хуан Лопес. Танк Павла Демкина прибуксировал закоптелую машину Косаревского с поникшей пушкой.

Но до сих пор не вернулась треть танков. Глухие артиллерийские выстрелы и пулеметная стрекотня, доносившиеся со стороны противника, вселяли надежду, что это ведут бой наши танки, зашедшие далеко вперед, в тыл врага. И еще один танк вернулся на сборный пункт. На обоих бортовых полках, моторном люке и даже на башне его лежали и сидели раненые пехотинцы и танкисты. Из люка выбрались Петр Фотченко, Степан Шевцов и Мигель Диас. Вид у них усталый, лица в кровавых пятнах. Они сообщили, что экипаж танка комиссара роты болгарского коммуниста Шишкова, подбитого на территории противника, из последних сил отбивается от наседающих марокканцев.

Немного времени потребовалось отважным танкистам, чтобы перевязать раны и, заполнив машину боеприпасами, вернуться на выручку окруженным товарищам. С боем отбили майор Фотченков и механик-водитель танка Степан Шевцов у противника истекающих кровью друзей и, погрузив их на свою машину, привезли на сборный пункт. Три раза танк отважного комиссара П. С. Фотченкова ходил в тыл врага и каждый раз привозил оттуда раненых республиканцев. Под самое утро вернулся он, неся на своих бортах 14 раненых и обожженных бойцов, спасенных от верной гибели. Высокое мастерство, отвагу и находчивость проявили комсомольский вожак Степан Шевцов и механик-водитель Павел Семенов, спасшие свои искалеченные танки.

В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ

Той же ночью возглавляемая мною эвакоспасательная группа из пяти человек и одного оборудованного длинными тросами танка-«спасателя» предприняла попытку увести застрявший во вражеском окопе подбитый танк Николая Благовещенского. Мы скрытно

подползли к большой воронке рядом с окопом и подтянули за собой конец длинного буксирного троса с серьгой. По нашему замыслу, ротный техник Константин Гурьянов должен был закрепить на крюке аварийного танка один конец троса, а укрытый в засаде танк-«спасатель» по сигналу — миганию ручного фонаря — быстро подойти к нам и на тросе увести аварийную машину на свою территорию.

Чтобы отвлечь внимание, наши товарищи на правом фланге открыли пулеметный огонь. Гурьянов по-пластунски добрался до выступавшей над окопом танковой кормы и стал закреплять серьгу троса за кормовой крюк. В это время его заметил дежуривший у машины марокканец и выстрелил, но промахнулся. Тогда Костя с ножом бросился на врага, и между ними завязалась упорная борьба. Отличный спортсмен, Гурьянов одолел мавра. Водитель танка-«спасателя» Василий Власов устремился к нашей воронке, где на крюке его машины под неприятельским огнем был закреплен другой конец троса.

Каковы, видимо, были удивление и злоба фашистов, когда они увидели неуклюже выползающий из ловушки республиканский танк. Увлекаемый своим собратом, медленно вышел он из окопа и последовал за «спасателем». Под прикрытием танков вся наша группа благополучно вернулась в свои окопы.

Ободренные успехом, мы приступили к эвакуации танка лейтенанта Сергея Лапутина. Мы понимали, что противник насторожился и примет меры. Продумав все до мелочей, наша группа с длинным стальным тросом незаметно добралась до небольшого пригорка. Подождав, когда наши пехотинцы откроют отвлекающий огонь, Гурьянов и Иван Душин подползли к корме накренившегося танка. Закрепив трос на бортовых крюках, смельчаки стали отползать назад, но в это время их заметили фашисты. «Спасатель» начал медленно тянуть «семерку», но танк не двигался. Началась перестрелка, во время которой разрывной пулей ранило Гурьянова. Желая сдвинуть «семерку» с места, водитель танка-«спасателя» взял небольшой разгон. Трос не выдержал большой нагрузки и оборвался. Начинался рассвет, и нам пришлось вернуться.

Утром 14 октября разведка донесла, что в течение

ночи к Фуэнтес-де-Эбро прибыло несколько автоколонн с войсками и что со стороны мятежников можно ожидать контрнаступления. Бригада и наш танковый полк получили приказание перейти к обороне. Предварительный подсчет понесенных полком потерь показал, что они огромны. До сих пор из боя не вернулись 16 танков и 37 танкистов. Смертью героев пали: капитан Николай Константинович Шатров, лейтенанты Петр Федорович Часовин и Николай Иванович Панкратов, болгарин Спасен Величков, француз Андре Монье, австриец Вилли Гофер, испанец Бенито Суарес, венгр Иштван Надь, чех Богаты, поляк Кароль Янтак, русские Н. Н. Благовещенский, А. И. Вилков, П. Т. Гордиенко, А. В. Коршунов, А. А. Косаревский, П. Я. Новиков, М. П. Морозов, Д. Г. Романдинов, И. И. Свиркин, Г. Г. Синягин, А. А. Юркин и другие.

Потери же бойцов и командиров 15-интернациональной бригады, и в особенности испанского и канадского батальонов, были значительно большими. Из восьми командиров и комиссаров батальонов этой бригады Гарольд Фрей, Эрик Чапей и Джон Даллет были убиты, а Роберт Томпсон, Карл Гейзер и Хосе Мария Варела были тяжело ранены. Погибли командиры рот канадского, испанского и английского батальонов Билл Нейро, Доминго Сафра, Хесус Раис, Бен Смит, командир пулеметного взвода Мильтон Херниден и многие другие антифашисты, фамилии которых, к великому сожалению, запамятовал, но их светлые образы сохраню до конца жизни.

Утром мы увидели, как марокканцы пытаются взломать ломами крышки люков «семерки». Делаем последнюю попытку облегчить выход из осады экипажу лейтенанта Лапутина. Пушки и пулеметы трех танков с закрытых позиций открывают огонь по ближайшим от нас окопам противника, прижимая фашистов к земле.

Сделали пять залпов, но экипаж танка признаков жизни не подавал. В бинокль видно, как из окопа у застрявшего танка полетели вверх хлопья вздыбленной земли вместе с обломками оружия.

Прошло еще полчаса. Теперь все ясно. Члены экипажа погибли, в другом случае они бы сделали попытку под прикрытием нашего огня выйти из

машины и перебежать к нам или же каким-либо другим образом дали бы знать о себе. Ввиду невозможности спасти машину, которую противник мог использовать, как дот, мы решили уничтожить ее. Возглавить это было поручено мне.

Можно понять настроение танкистов, которым было поручено расстрелять «семерку». Первый снаряд, направленный в машину, разорвался недалеко, осыпав ее землей. Третьим снарядом с танка было сорвано ведущее колесо вместе с гусеницей. Но что это? Из открытого люка выскакивает человек и чуть ли не во весь рост бежит в нашем направлении, а затем падает и ползет.

— Живы ребята... Живы! — кричу я.— Прекратить артогонь, пулеметами прикрыть отход экипажа!

Снова откинулась крышка люка, и из него вывалился второй член экипажа, а еще через минуту — третий.

Под прикрытием нашего огня три танкиста медленно приближались к нам. Прошло 20 минут. Первым в наш окоп добрался Владимир Кручинин. Его мужественное лицо было в крови, правая рука висела плетью, а одежда изорвана в клочья, но широко расставленные синие глаза сияли от радости. Я сжал его в объятиях, в этот момент в окоп приполз и Сергей Лапутин. Раненный в обе ноги заряжающий Хосе Пастор был доставлен позже вышедшими к нему навстречу танкистами. С жадностью набросились друзья на еду. Затем Лапутин рассказал о том, что произошло с ними за последние сутки:

— Когда наш танковый взвод устремился на вражеские траншеи, я из башенного перископа увидел пулемет, обстреливающий республиканскую пехоту. Открыл огонь из пушки. Один из снарядов угодил в траншею. Приблизились к окопам и увидели, как брошенные оттуда гранаты и бутылки с зажигательной смесью полетели в нашу сторону. Одна из гранат разорвалась на крыше танка, но не причинила никакого вреда. Умолкнувший было фашистский пулемет на пригорке вновь заговорил. Стрелять по нему из пушки было уже поздно: слишком близко подошли. «Володя, дави гусеницами!» — скомандовал я Кручинину. И он гусеницей наехал на крышу чуть высту-

пающего из окопа пулеметного гнезда, пытаясь одновременно перемахнуть через траншею. Вдруг сильный удар сотряс корпус машины, и она грузно осела в окоп. Не успели мы опомниться, как от нового хлесткого удара поворотный механизм башни сорвался с болтов и полетел вниз, а ствол пушки уткнулся в землю. «Неужели снаряд попал в машину?» — с тревогой подумал я и стал ощупывать лицо и голову. Шея болела, но крови не было. «Володя, ты жив?» — спросил я у водителя. «Я-то жив, но вот с машиной плохо»,— ответил он. В накренившейся машине было неудобно, но я осмотрел башню. Пробоины не оказалось. Только четыре дырочки зияли на том месте, где раньше находился механизм поворота башни. По-видимому, снаряд срикошетировал о бронебашню, не повредив ее. «На этот раз нам кажется повезло»,— как можно бодрее сказал я Хосе Пастору, но он был удручен нашей неудачей и не скрывал этого. Что только не предпринимал Кручинин, чтобы вывести машину из глубокого окопа, но безрезультатно. «Корпус танка всем днищем сидит на бруствере, самим из этой дыры не выбраться»,— с горечью промолвил Володя. «Что же делать?» — спрашивал я себя. Первой мыслью было бежать из танка. Но опасение, что он станет добычей врага и будет использован против республиканцев, взяло верх, и я отказался от этой мысли. Мы накрепко закрыли внутренние запоры и жалюзи и через смотровые приборы стали наблюдать за происходящим на поле боя. Вокруг нас бушевал бой. Через смотровую щель было видно, как вражеские окопы заполнялись свежими силами марокканцев. Вскоре услышали их гортанную речь. Прикрывшись нашим бронекорпусом, они вели огонь по республиканским позициям. Дважды мы пытались открыть крышку люка, чтобы увидеть происходящее вокруг, но каждый раз наши попытки пресекались огнем противника. Стекла триплекса смотровых приборов и призма перископа покрылись туманом бесчисленных трещин. Видимость резко ухудшилась. Остался в строю лишь смотровой прибор механика-водителя. Вечером огонь заметно стих. Когда же совсем стемнело, мавры влезли на крышу танка и пытались открыть башенный люк. У них ничего из этого не получилось. Тогда они

стали уговаривать нас выйти из машины, обещая за это жизнь. Мы притворились мертвыми. «Они там подохли»,— сказал кто-то из фашистов. Марокканцы выставили часовых, расстелили на танке одеяло и улеглись спать. Тонкая бронестена отделяла нас от наших тюремщиков. На рассвете марокканцы решили повторить попытку проникнуть в танк и превратить его в свой опорный пункт. Удары лома по крышке люка участились. Толстые задвижки начали прогибаться и сдавать. «Неужели пришел конец?» — с тоской подумал я и приготовил пистолет. В тот момент, когда задвижка уже подалась, я «психанул» и открыл люк. На башне стоял мавр с ломом в руках. Не мешкая, я выстрелил в него. Лом с грохотом полетел вниз. Еще двумя выстрелами был сражен другой фашист. Задраив люк, мы приготовились к осаде. От неожиданности противник растерялся и долгое время не предпринимал против нас никаких действий, но затем забросал нас бутылками с зажигательной смесью. Запахло жженой резиной и бензином. Мы стали задыхаться. «Мавр несет мину под гусеницу!» — взволнованно крикнул Кручинин. Не думая об опасности, он открыл крышку люка и двумя выстрелами в упор уложил фашиста. Духота, жажда и голод давали себя знать. Мы очень ослабли, но верили, что помощь придет. Договорились, что при новом обстреле республиканцами позиций мятежников выйдем из машины и побежим к своим. Первым выходит Хосе Пастор, последним я. После долгого затишья мы услышали хлопок орудийного выстрела и совсем близкий разрыв снаряда. «Приготовиться!» — сказал я, и Володя открыл крышку люка. В это время корпус танка вздрогнул от сильного удара. Мы опешили, времени на раздумье не было. «Хосе, давай!» — крикнул я башнеру, и он пулей вылетел из машины. После того как машину оставил Володя, я последовал за ним. И вот мы с вами.

Симпатичное, с ямочками и веснушками лицо Сергея расплылось в улыбке. Володя Кручинин тоже улыбался, еще не веря в спасение [1].

---

[1] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1938 года С. Я. Лапутину, В. Ф. Кручинину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Считаю уместным привести слова Михаила Кольцова, сказанные по этому случаю: «Что спасло этих людей — ведь они уже были тысячу тысяч раз потеряны? Их спасла непримиримость к врагу, спасло нежелание уступить фашизму хоть последний час своей жизни, хоть последний вздох, хоть последний глоток воздуха своих легких, хоть последний взгляд своих честных молодых глаз» [1].

Подводя итог бою под Фуэнтес-де-Эбро, надо признать, что воины 15-й интернациональной бригады и Интернационального танкового полка, несмотря на крайне неблагоприятные условия, изрядно потрепали отборные части фашистских наемников и уничтожили сотни марокканских головорезов и много вооружения.

Для того чтобы пополнить понесенные большие потери, Франко был вынужден снять часть своих войск с севера Испании и перебросить их под Сарагосу. После арагонских боев фашистское командование в течение двух месяцев не могло опомниться и организовать сколько-нибудь крупные действия.

Однако результаты республиканского наступления могли бы быть более значительными, а потери меньшими, если бы командование 21-го армейского корпуса, которому подчинялись 15-я интербригада и танковый полк, действовало в интересах республики.

Командир 21-го армейского корпуса подполковник Касадо отлично знал, что за орешек представлял собой укрепленный район Фуэнтес-де-Эбро, который республиканские войска тщетно пытались разбить еще в августе — сентябре 1937 года, поэтому его решение бросить в бой танки и ослабленную сентябрьскими боями 15-ю интербригаду надо считать предательским.

Для 15-й интербригады и нашего полка приказ Касадо о наступлении оказался настолько неожиданным, что не позволил даже в малой степени разведать оборону противника. Мятежники же — я в этом убежден — были осведомлены о предполагаемой танковой атаке республиканцев и тщательно подготовились к ней, стянув к Фуэнтес-де-Эбро большое количество противотанковой артиллерии и наиболее подготовленные марокканские части.

[1] *Михаил Кольцов.* Избранные произведения, т. 3, М., 1957, стр. 555.

Перед позициями противника появились минированные участки, волчьи ямы, противотанковые рвы. И ловушка была устроена в канале искусственного орошения. Все это заставляет думать, что в штабе республиканцев действовали шпионы из «пятой колонны».

Решительные и умелые действия танков и бойцов канадского, испанского, английского и американского батальонов спутали карты врага. Его тщательно подготовленная оборона затрещала по всем швам и развалилась бы, окажись у антифашистов необходимый резерв пехоты. Фашисты не учитывали главного: железной стойкости, храбрости и находчивости республиканцев, их беззаветной преданности интернациональному долгу.

И хотя фронтальные действия танков и пехотных подразделений республиканцев имели серьезные недостатки, хотя группы танков, отрываясь от пехоты, уходили далеко вперед и мятежники отсекали их от пехоты, черное дело, затеянное Касадо и его хозяевами, задавшимися целью уничтожить ударные республиканские части, было сорвано.

Совершенно прав выдающийся республиканский полководец генерал Энрике Листер. Вспоминая об этом бое, он писал:

«Противник серьезно укрепился и сосредоточил достаточно сил, чтобы отразить любую попытку нашего наступления, в котором использовались столь ограниченные средства. Это был «гениальный план» Приэто, осуществленный Касадо, для которых ничего не значила жизнь наших людей; вернее, им было важно максимально ослабить наши силы, чтобы вынудить нас капитулировать перед противником как можно раньше» [1].

Учитывая недовольство фронтовиков, республиканское командование за неудовлетворительное руководство боевой операцией под Фуэнтес-де-Эбро, сместило с постов командиров 21-го армейского корпуса и 21-й бригады, а 21-я анархистская бригада за трусливое поведение в бою была расформирована.

---

[1] *Энрике Листер.* Наша война. М., Политиздат, 1969, стр. 191.

О ДРУЗЬЯХ, ТОВАРИЩАХ

«НАША ТЕХБАЗА»

Вызволенный из фашистского плена, танк Николая Благовещенского был прибуксирован на сборный пункт аварийных машин, где к нему сразу же подъехала ремонтная мастерская. Откровенно говоря, мастерской эту потрепанную, сколоченную из ящичных досок и крытую брезентом грузовую машину, можно было назвать, только обладая большим воображением. Однако слесарная бригада под руководством угрюмого на вид, но сердечного и очень опытного пожилого мастера Фелипе Оргаса оснастила ее всем необходимым ремонтным оборудованием и инструментом.

Диву даешься, где в такое трудное время бригада раздобыла подъемную таль, сверлильное, газосварочное, кузнечно-медницкое и другое ремонтное оборудование и приспособления. Когда только успевали эти неутомимые труженики проделывать так много авторемонтных и хозяйственных работ? Желая подчеркнуть то большое значение, которое занимала эта крошечная мастерская в жизни части, танкисты любовно называли ее «наша техбаза».

С тщательностью медика танковый техник Моисей Ваксин и Оргас осмотрели поврежденную машину. В бронекорпусе ее зияла пробоина, а силовая установка оказалась разрушенной.

— Машина требует капитального ремонта в заводских условиях,— сказал в заключение Ваксин и вопросительно посмотрел в сторону Оргаса.— Ремонт на заводе займет несколько недель, не считая времени на транспортировку. Что будем делать, товарищи? — Молодые слесари недоуменно переглянулись, а затем вопрошающе посмотрели на своего бригадира.

Фелипе не спешил с ответом. Он еще раз осмотрел тяжелые раны танка и, что-то обдумывая, сказал:

— Отремонтировать машину с такими страшными повреждениями очень трудное дело, но ведь и доблестные танкисты в бою делают трудное, почти что невозможное дело. Рабочая совесть не позволяет нам допустить длительный простой боевой машины. Постараемся восстановить ее на месте.

Слесари одобрительно закивали головами.

— Добро! — воскликнул Ваксин.— Это по-пролетарски!

После обмена мнениями о том, что и как ремонтировать, слесари приступили к разборке машины, а танковый техник отправился на бронетанковый склад за двигателем и другими недостающими агрегатами и деталями. Из-за отсутствия электросварочного аппарата на пораженный участок брони была наложена временная бронезаплатка на болту.

На следующий день, когда ремонтники закончили корпусные работы, а Ваксин привез танковый двигатель с коробкой передач, начался монтаж машины.

Не прошло и трех суток с начала ремонта, а танк Благовещенского с новым испанским экипажем занял свое место в боевом строю.

Сразу же после боя я вместе с заместителями командиров танковых рот по технической части осмотрел танки полка и нашел, что почти все они имели боевые повреждения. Обилие вмятин и пробоин, обнаруженных на броневых корпусах машин, свидетельствовало о большой насыщенности обороны противника противотанковой артиллерией.

Учитывая возможность фашистского контрнаступления, не оставляя боевого участка, танкисты спешно приступили к устранению повреждений и неисправностей на танках. Состав ряда экипажей танков был пополнен молодыми испанскими танкистами из резерва. Несмотря на уменьшение количества танков и потерю части опытных кадров, через десять дней танковый полк, подкрепленный броневыми машинами, представлял довольно грозную силу и был в состоянии выполнять боевые задачи.

Вскоре я посетил госпиталь, где под марлевым

шатром с гирляндой электролампочек лежал механик-водитель горевшего танка Виктор Новиков.

— У вашего друга сильный ожог лица, шеи и рук, состояние тяжелое,— сказал мне испанский врач, когда мы входили в палату. Я передал Виктору привет, письма и подарки от товарищей. Рассказал о буднях полка и о восстановлении его танка, о решении командования полка направить в Москву ходатайство о присвоении ему звания Героя Советского Союза [1].

При этом известии глаза больного заблестели и на них появились росинки.

— Вы расстроили больного, ему станет хуже,— недовольно сказал врач, вежливо выпроваживая меня из палаты.

— От такого «расстройства» он быстрее выздоровеет,— весело ответил я, довольный встречей с другом.

Уважая законы страны и строго выполняя армейские уставы, наиболее многочисленные национальные группы антифашистов нашего полка из Болгарии, Чехословакии, Германии, Австрии и Советского Союза изредка собирались вместе, чтобы послушать новости из своих стран, обменяться мнениями по международным и другим вопросам или же просто побеседовать, спеть свои песни. Вот на такое, первое после сарагосского боя, собрание советского землячества созвал нас комиссар полка майор П. С. Фотченков.

Большой светлый актовый зал знакомой школы на окраине Тортосы, еще недавно еле вмещавший всех советских добровольцев полка, был на треть не заполнен. Повсюду белели повязки, пластыри и бинты, а лица многих танкистов носили следы еще не заживших ожогов и ран.

Перед началом собрания мы встали и почтили память погибших товарищей. Доклад об уроках боя под Фуэнтес-де-Эбро и о мерах по быстрейшему восстановлению боевой готовности полка сделал полковник С. И. Кондратьев. Затем он прочитал только что полученную из Москвы телеграмму наркома обороны К. Е. Ворошилова.

---

[1] Указом Президиума Верховного Совета СССР в марте 1938 года Виктор Алексеевич Новиков был удостоен звания Героя Советского Союза.

Климент Ефремович высоко оценил действия советских добровольцев-танкистов в сарагосском бою и от имени ЦК и правительства поблагодарил личный состав полка за проявленную самоотверженность в бою под Фуэнтес-де-Эбро.

Я знал, что отсюда, из Испании, от нас ждали командование Красной Армии, войсковые инженеры и танковые конструкторы веского слова о советских танках, а также мнения о путях дальнейшего совершенствования грозного танкового вооружения и способов его боевого применения. Однако столь лестная оценка первых действий нашего полка в неудачной наступательной операции несколько озадачила меня. Значительно позже мы узнали, что для такой оценки у нашего руководства были веские основания, так как преобретенный поучительный опыт, полученный в этом бою, позволил внести существенные поправки в действующие уставы Красной Армии и в дальнейшем избежать многих ошибок в подготовке войск.

Похвала воодушевила приунывших было однополчан и определенным образом отразилась на характере развернувшихся по докладу прений. Вместе с резкой критикой допущенных ошибок танкисты, словно исповедуясь, стали говорить о своем отношении к антифашистской войне в Испании и о причинах, побудивших их принять в ней участие.

Высказывания многих моих товарищей показались мне интересными, и я записал их в свой блокнот.

— За долгие часы, которые экипаж нашего танка провел в осажденной машине, я о многом передумал,— сказал механик-водитель танка Владимир Кручинин. — Вспомнил заводскую кузницу в Ростове, куда на работу привел меня батя. Вспомнились седой Урал и гора Магнитная, куда по комсомольским путевкам я с дружками приехал, чтобы строить могучий завод. Вспомнил рабочих московского завода «Динамо», радушно принявших меня в свои ряды. Я понял, что моя короткая жизнь была лишь подготовкой к тому, что мы с вами и с нашими друзьями, испанскими патриотами, в настоящее время защищаем здесь, в Испании. Пройдут годы, и люди спросят у тех, кто переживет эту войну: «Что заставило вас, дорогие товарищи, побросать семьи, родные края и вмешаться в эту драч-

ку?» Большое уважение и сочувствие к попавшему в беду трудовому народу Испании, ответил бы я.

И как-то получилось так, что выступавшие затем танкисты, следуя примеру Кручинина, также стали говорить о мотивах, побудивших их приехать на Пиренейский полуостров.

Недавно назначенный командиром второй танковой роты лейтенант Алексей Разгуляев сказал:

— Я очень горжусь тем, что из многих тысяч советских людей, пожелавших сражаться на стороне революционной Испании, высокая честь быть ее солдатом выпала на мою долю. Сражаясь с фашистами на испанской земле, мы с вами защищаем не только испанский, но и советский, а также и другие народы от коричневой чумы. Честно говорю: большое счастье быть полезным людям! Не скрою и того, что меня сюда привлекла и романтическая сторона этой благородной освободительной борьбы в первой вооруженной схватке с фашизмом. Хотелось бы заслужить добрую память испанцев. Чего лукавить, я бы хотел, чтобы наша Родина не оставила без внимания наш ратный труд, и если я заслужу этого, то пусть присоединит к моему ордену Ленина боевой орден Красного Знамени.

— Мой отец литейщиком, а я слесарем работали на Сормовском заводе, жизнь рабочих которого при царизме описал наш великий земляк Максим Горький, — сказал механик-водитель танка Павел Семенов. — Для всех нас большевик Павел Власов был и остается примером служения пролетарскому делу. Вспомните его слова: «Социализм соединит весь мир в единое целое, — и это будет!» Вот для того, чтобы это стало возможным, я и приехал сюда.

В конце собрания выступил майор Фотченков. Он совершенно справедливо заметил, что наиболее целесообразно танки в нынешних условиях испанской войны использовать в целях непосредственной поддержки пехоты, а не для самостоятельного прорыва подготовленной обороны противника...

Касаясь вопроса, затронутого Кручининым, он сказал:

— Все мы родились до Октябрьской революции и в разной степени познали гнет капиталистической эксплуатации и ненавистного царизма. Наша революция

принесла народам России подлинную свободу и человеческие права, а международный пролетариат обрел свое пролетарское отечество и мощную опору в борьбе против эксплуататоров в своих странах. Испанский народ борется за свою свободу, поэтому симпатии и помощь Советской Родины на его стороне.

Взволнованный разговор танкистов затянулся за полночь...

У РАБОЧИХ САГУНТО И ВАЛЕНСИИ

Шелковистая сиреневая лента прибрежного шоссе внезапно оборвалась. Наш «авбурн» резко затормозил и остановился. Там, где совсем недавно красовались жилые дома, больница и зеленел парк города металлургов Сагунто, громоздились дымящиеся руины, вырванные с корнями вековые дубы, пальмы, искореженные металлические балки и телеграфные столбы. Это чудовищное опустошение произвела итало-немецкая фашистская авиация.

Оставив машину на разбитой дороге, обходя груды битого кирпича, мы двинулись к видневшимся вдалеке темным заводским корпусам. В развалинах рылись одетые в рубище старики и женщины, надеясь найти что-либо из своих вещей. Их скорбные и худые лица покрыла пыль, а в глазах застыло безысходное горе. Возле покосившейся стены сидела маленькая седая женщина. Изорванное платье ее едва держалось на худеньких плечах. Руки в запекшейся крови. Железным прутом она ковыряла обломок стены, безутешно приговаривая:

— Пепита моя... Пепита моя...

«Неужели правители Франции и Англии не понимают, что их потворство фашистам может привести к такому же горю французских и английских матерей?» — Погруженный в свои мысли, я не заметил, как дошел до ремонтно-механического цеха завода.

Ремонт нашей машины был в самом разгаре. Освобожденный от механизмов, продырявленный в нескольких местах, но чистенький, бронекорпус носил свежие следы электросварки.

Ремонтом руководил опытный мастер Цезар Родригес.

— Бронелиста нет, — сказал он с огорчением. — А то корпус уже починили бы.

В обеденный перерыв к нашему танку со всего цеха собрались рабочие. Они развязывали свои тощие узелки с едой и наперебой угощали нас маринованными оливами, сыром, апельсинами и вином. Завязалась оживленная беседа. Наши новые друзья расспрашивали о России, об интернациональных бригадах. Ко мне подошел старый, похожий на питерского рабочего, токарь и, дружески похлопав по плечу, сказал:

— Русский танк очень хорошо сработан. Русские рабочие отличные мастера. Но особенно нам по душе пришлись русские добровольцы. Спасибо вам за все.

Слова рабочего потонули в гуле одобрения.

Возвращаясь к оставленной на шоссе машине через район дымящихся руин Сагунто, мы снова увидели убитую горем мать. Она сидела на прежнем месте и железным прутом ковыряла все тот же обломок стены, приговаривая:

— Пепита моя!.. Пепита моя!..

Мы проехали через Валенсию в район Грао-Валенсийского порта, где в цехах судоверфи «Унион наваль де Леванте» налаживалось производство республиканских бронеавтомобилей. Я рассчитывал приобрести там обрезки брони для ремонта поврежденных танковых корпусов.

— Здорово, Саша! Какими ветрами тебя занесло к нам?

Навстречу мне шел светловолосый улыбающийся крепыш в распахнутой кожаной куртке.

— Коля Алымов! — обрадованно воскликнул я, узнав однокашника по бронетанковой академии. — Давно ли здесь, что поделываешь?

Оказалось, что Алымов уже с год помогает испанским друзьям создавать бронеавтомобили. В их основу положили московский грузовик ЗИС-5. Броневики выдержали испытание и были приняты на вооружение.

— Хочешь поездить? — предложил мне Алымов, зная мою страсть водить машины.

Я сел за руль, и мы прокатились по портовой территории. Машина мне понравилась. Это был первый испанский массовый бронеавтомобиль. Небольшой коллектив испанских рабочих и техников, которыми

руководил военный инженер Николай Николаевич Алымов, создал броневик за четыре месяца, тогда как в обычных условиях на это уходят годы. Алымов помог нам с броней и принял заказ на изготовление тридцати «холодных» бронезаплаток.

СОВЕТСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ И ТЕХНИКИ

Поскольку речь зашла о заводах и об инженерах, считаю уместным несколько отвлечься от повествования и хотя бы вкратце рассказать о том большом вкладе в антифашистское сопротивление в Испании, который внесли советские добровольцы — военные инженеры и техники. Теперь уже секрета не представляет та большая и разносторонняя военная помощь, которую оказывал Советский Союз республиканской Испании. По неполным данным, Советский Союз доставил в республиканскую Испанию более 800 военных самолетов и столько же запасных моторов к ним, 362 пулеметно-пушечных танка БТ-5 и Т-26, 350 моторов к ним, 120 бронеавтомобилей, более 1550 артиллерийских орудий, 15 тысяч пулеметов, около 500 тысяч винтовок, свыше 110 тысяч авиабомб, около 4 миллионов снарядов, 500 тысяч гранат, более 80 миллионов патронов и многое другое.

Известно, что вместе с первоклассными по тому времени вооружением и боевой техникой туда приехали советские добровольцы из числа лучших советских специалистов. Среди около 300 советских военных инженеров и техников, приехавших в Испанию, были высококвалифицированные специалисты по войсковой эксплуатации и ремонту боевых самолетов, танков, артиллерийского, стрелкового и инженерного вооружения, средств связи, а также технические советники по промышленному производству военной техники и боеприпасов. Уже в ноябре 1936 года перед нашими советниками, инструкторами и войсковыми инженерами во весь рост встала задача как можно скорее наладить восстановление и возвращение в строй поврежденной в боях, еще не многочисленной советской техники и вооружения и организовать ускоренную подготовку резерва танковых, артиллерийских, стрелковых и авиационных специалистов из испанских патриотов.

В условиях слаборазвитой в промышленном отношении Испании это было далеко не легким делом. Следует при этом иметь в виду, что испанская армия до фашистского мятежа была вооружена небольшим количеством устаревших французских танков, разнокалиберными допотопными самолетами и разномастной артиллерией и естественно, не располагала полевыми ремонтно-эвакуационными и другими техническими средствами, а также ремонтными кадрами, способными обеспечить быстрое устранение повреждений, полученных машинами в процессе боевых действий.

Неизмеримо трудным было положение, в котором оказались военные инженеры и техники Николай Беброс, Павел Залесский, Иван Жданов, Федор Ребров, Василий Рогов, Исай Кабанов и Григорий Аплеснин, когда они осмотрели танки, самолеты и орудия с тяжелыми боевыми повреждениями, для устранения которых требовалось специальное оборудование, приспособления и квалифицированные ремонтеры.

Высокое мастерство, упорство и находчивость в этот тяжелый период продемонстрировали русские умельцы-водители танков и их наставники, военные инженеры и техники. После изнурительных дневных боев они находили в себе силы, чтобы ночью привести в порядок материальную часть, а с рассветом снова вступить в бой с противником.

Советские инженеры и техники вместе со своими испанскими коллегами были вынуждены производить сложный ремонт боевой техники вблизи боевых порядков своих войск или же на неприспособленных аэродромах, используя в этих целях наскоро сколоченные из подручных материалов и кое-как укомплектованные инструментом и примитивным оборудованием самоходные автофургоны с прицепами.

Много инициативы и изобретательности проявили они, чтобы в ходе отступления республиканских войск, одновременно с эвакуацией и восстановлением поврежденной техники, создать подвижные ремонтно-эвакуационные подразделения из мадридских, сагунтских и барселонских рабочих, а также хоть как-то наладить службу технического обеспечения войск.

Из-за нехватки запасных частей республиканские ремонтники шли на риск и под огнем противника демон-

тировали разбитые на поле боя танки и броневики, а снятые с них годные детали и агрегаты использовали при ремонте.

Нужно было своими глазами видеть эти много раз латаные-перелатаные, с боевыми шрамами танки и самолеты, чтобы понять, в каких переделках они побывали и каких трудов стоило их восстановить, ведь у Народной армии каждая боевая машина была на вес золота, поэтому одни и те же танки, орудия и самолеты ремонтировались десятки раз.

Не случайно противник сильно преувеличивал численность республиканских танков. Этому «виной» были патриоты-ремонтники, возвращавшие в строй, казалось бы, совсем разрушенные, подлежащие списанию машины. Когда же обстановка требовала, танковые техники и ремонтники вступали в бой с фашистами. Об одном из таких случаев пишет участник боев в Испании майор С. Т. Моргун: «Не выдержав натиска противника, часть анархистов начала отступать. Комбат Петров с горсткой бойцов остался на вершине Пингаррона. Наступили тяжелые минуты... В этой обстановке растерянности и неразберихи командование танками принял тихий, очень молодой воентехник Беспалов, он отдал команду: «По танкам!» Наши танки на больших скоростях устремились на врага. По вражеским танкам били из орудий, пехоту косили пулеметным огнем. Внезапность сыграла свою роль: противник повернул вспять... Если бы не решительность Беспалова, этот день мог бы закончиться иначе» [1].

Храбростью и отвагой в боях отличился заместитель командира танковой роты по технической части Дмитрий Погодин и многие другие «технари». Большую работу по сборке, обслуживанию и ремонту советских самолетов на аэродромах проделали авиационные инженеры и техники Александр Евтеев, Иван Прачек, Иосиф Лазарев, Иван Окунев, Виктор Андронов, Иван Симаненко, Александр Рыцарев, Павел Заварухин, Павел Рогачев и многие другие советские авиаспециалисты. Во время ремонта самолета на аэродроме Кампорель погиб воентехник второго ранга

[1] «Ленинградцы в Испании». Сборник воспоминаний. Лениздат, 1967, стр. 98.

Григорий Аплеснин. Отважно вели себя Кузьма Билибин, Василий Гредасов, Виталий Валуев, Георгий Павлов, артиллерийский мастер Федор Комков и военные техники второго ранга Василий Глушков и Константин Гурьянов. При спасении и ремонте танков Глушков и Билибин были убиты, а Павлов и Гурьянов тяжело ранены. Напряженно трудясь над восстановлением поврежденной техники и вооружения, советские и испанские инженеры много сделали по их усовершенствованию. Ими были придуманы и поставлены на самолеты стальные предохранительные спинки к сидениям летчиков, а также установлены на танках приспособления для одновременной стрельбы из пушки и пулемета.

Создана улучшенная боевая укладка танков, позволившая на 10 процентов увеличить возимый боекомплект. Проделаны значительные работы по увеличению запаса хода, надежности ряда деталей и узлов танков, а также по рационализации средств технического обслуживания самолетов и танков, улучшению технологии их ремонта.

Острая нехватка стрелковых боеприпасов заставила наших артиллерийских инженеров вспомнить об опыте гражданской войны по вторичному использованию стреляных гильз. По их совету испанскими рабочими были созданы фронтовые бригады и группы по сбору гильз. На заводах Мадрида, Сабаделя, Барселоны и в других местах было организовано производство по переобжиму этих гильз для дальнейшего их использования в патронном производстве. Все это позволило в определенной степени уменьшить патронный голод.

Для того чтобы в какой-то мере обеспечить полевой ремонт боевой техники запасными частями и агрегатами, а также восстанавливать машины, требующие заводского ремонта, недалеко от фронтового Мадрида, в городе Алкала-де-Энарес, известного нам как родина Мигеля Сервантеса де Сааведра, при самом активном участии военных инженеров Петра Глухова, Федора Белогорлова, болгарской коммунистки Полины Недялковой и техников Ивана Бачешкина, Александра Костикова и Дмитрия Решетцова испанскими рабочими была в предельно короткий срок создана хорошо оснащенная разнообразным производст-

венным и испытательным оборудованием центральная танкоремонтная база, ставшая впоследствии головным танкоремонтным предприятием республики.

На этой базе был налажен капитальный ремонт танков Т-26 и БТ-5, включая ремонт двигателей и приборов, а также средств связи, оптики и вооружения. Ремонт бронетанковой техники был организован на барселонском заводе «Испано-Суиза де аутомовилес», на металлургическом заводе в городе Сагунто и в мастерских Тортосы.

На Барселонском машиностроительном заводе и заводе металлоизделий в Картахене и в Альбасетском, Валенсийском и Мадридском арсеналах и на многих других заводах и в мастерских было развернуто производство по ремонту артиллерийского и стрелкового вооружения.

Средиземноморское побережье республиканской Испании находилось в жестокой блокаде. (Только за период с начала мятежа до мая 1937 года имели место 86 случаев репрессий, которым были подвергнуты советские суда, следовавшие с грузами для республиканской Испании. В августе и сентябре 1937 года фашистами были потоплены советские теплоходы «Тимирязев» и «Благоев», а 18 торговых судов были торпедированы и обстреляны.) Фактическое закрытие франко-испанской границы привело к полному прекращению доставки вооружения Народной армии.

Если учесть, что республика в тот момент не имела ни одного специализированного завода по производству орудий, танков и боеприпасов, а большинство руководящего инженерно-технического персонала национальной промышленности бежало вместе со своими хозяевами к Франко или же за границу, то можно представить крайне тяжелое положение, в котором оказалась Народная армия.

В этот критический для республики период действенную помощь в быстром налаживании промышленного производства боевых самолетов, броневых машин, артиллерийского, стрелкового вооружения и боевых припасов своим друзьям испанским патриотам оказали инженеры и техники из Советского Союза.

При помощи советских авиаинженеров рабочие барселонских заводов «Испано-Суиза де аутомовилес»,

«Элисальдо» и «Форд мотор Иберика» наладили капитальный ремонт военных самолетов, а также производство необходимых для их ремонта запасных частей и агрегатов. В середине 1937 года на этих заводах уже было налажено изготовление самолетов И-15, а несколько позже и производство истребителей И-16.

На заводе в городе Реусе совместными усилиями испанских и советских специалистов был налажен выпуск истребителей И-15. Во время бомбежки этого завода погиб советский авиаконструктор Игорь Семенов. В горах недалеко от Аликанте были вырыты большие туннели, в которых разместился завод по ремонту, а затем и по изготовлению самолетов И-16. В Мурсии на базе небольшой мастерской был создан еще один авиазавод...

Неоценимую помощь испанским друзьям по налаживанию производства артиллерийского и стрелкового вооружения и боеприпасов оказали советские артиллерийские инженеры и техники Михаил Парфенов, Николай Михайлюк, Семен Стоклицкий, Михаил Завражнев, Василий Березкин и многие другие товарищи. По совету и при деятельном участии советских инженеров Ивана Маркова, Бориса Слонимера и Андрея Куликова в Барселоне был пущен крупный патронный завод. Производство патронов было налажено и на заводе металлоизделий. На предприятиях будильников и заводных игрушек производились взрыватели для снарядов, а на заводе «Испано-Суиза» — винтовки и пулеметы.

Советские специалисты помогли испанским антифашистам освоить изготовление на металлургическом заводе в Сагунто 76-миллиметровых снарядов, на Картахенской военно-морской базе 105- и 107-миллиметровых снарядов, а в Валенсии создать снаряжательные мастерские.

Для удовлетворения нужд танкоремонтных органов и производства корпусов для бронеавтомобилей на Сагунтском металлургическом заводе при участии военного инженера Андриана Воробьева было налажено производство броневого листа. Несколько позже этот завод расширил бронепроизводство и стал главным поставщиком броневых деталей для военной промышленности и вооруженных сил.

Нет нужды доказывать, какую огромную роль в освободительной войне испанского народа сыграли все эти заводы и мастерские. По этому вопросу бывший командующий республиканской авиацией Игнасио Идальго де Сиснерос в своих воспоминаниях пишет: «Советское правительство прислало нам не только первоклассную технику, но и все, в чем мы в то время нуждались: пилотов, наземный технический персонал, вооружение, боеприпасы, бомбы и т. д...

Одной из самых больших наших забот во время войны была организация производства новых самолетов и их ремонт. Благодаря помощи, оказанной нам Советским Союзом, мы смогли наладить это дело. К концу войны мы добились того, что ежедневно выпускали по истребителю типа «чатос» (И-15) и каждые два дня по истребителю типа «моска» (И-16). Хотя это было и немного, но все же позволило частично возместить погибшие самолеты» [1].

Сколько добрых слов было сказано нашими испанскими друзьями в адрес советских инструкторов и военных советников, и в первую очередь войсковых инженеров и техников, принимавших активнейшее участие в ускоренном обучении молодых командиров стрелковых подразделений, танкистов, артиллеристов и пулеметчиков зарождающейся в боях Народной армии!

Советские танкисты и летчики, в определенный момент составлявшие костяк интернациональных танковых и авиационных частей и подразделений республиканской армии, щедро делились со своими побратимами военными зданиями и большим войсковым опытом. Военные инженеры и техники при помощи советских девчат — переводчиц обучали своих соратников передовой военной технике, правильному ее применению и поддержанию в готовности. Такое же положение можно было наблюдать и в артиллерийских, саперных и других частях, где проходили службу советские добровольцы.

По их инициативе и непосредственном участии в короткий срок в Альбасете, Барселоне, Альмансе, Мадриде, Арчене, Мурсии и в других местах была создана

---

[1] «Под знаменем Испанской республики». Сборник статей. М., «Наука», 1965, стр. 471—473.

густая сеть учебных центров и военных школ, благодаря чему республиканская армия сумела своевременно подготовить большой отряд офицеров из народа, а также восполнять фронтовые потери в командном и техническом составе.

Опытные советские военные инженеры помогли республиканскому командованию организовать в вооруженных силах службы автобронетанкового, авиационного и артиллерийского обеспечения, без которых немыслима современная армия.

По предложению советника по артиллерии комбрига Н. Н. Воронова[1] был сформирован при военном министерстве комиссариат вооружения и снаряжения, который возглавил руководство промышленностью, производящей средства вооружения и снаряжения.

ИЗ ВАЛЕНСИИ В МАДРИД

От морского порта с его причалами и бездействующими кранами до города Валенсии было примерно километров пять. Из прохладного, с чистым морским воздухом порта, минуя затхлые рисовые поля, мы вскоре попали в душную Валенсию. Проспекты и улицы временной столицы республики были переполнены публикой, а снующие на большой скорости разнокалиберные легковые автомобили со снятыми глушителями издавали душераздирающие звуки.

Покончив с делами в управлении военного министерства и заняв номер в отеле «Континенталь», мы решили немного побродить по вечерней Валенсии. По сравнению с другими городами юга Испании, в которых мне уже довелось побывать, Валенсия выглядела беззаботным, веселящимся городом. Несмотря на следы вражеской бомбежки, здесь ничто другое не напоминало о войне, о том, что в 140 километрах к северу протянулась огневая линия фронта.

В многочисленных магазинах, киосках, кафе и у лотков шла бойкая торговля апельсинами, засахаренным миндалем, мороженым, украшениями, шейными платками, партийными значками. Красочные афиши

[1] Впоследствии Главный маршал артиллерии.

на круглых тумбах и со стен домов назойливо призывали прохожих посетить кабаре с участием столичных кинозвезд, кинотеатры и другие увеселительные места.

Из баров и ресторанов неслись звуки легкой музыки. Несмотря на продовольственные затруднения в стране, здесь был большой выбор разнообразнейших блюд и вин. Словом, перенаселенный город жил какой-то лихорадочно неспокойной и в то же время беспечной жизнью.

После прогулки я вернулся в отель и погрузился в приятно пахнувшую хвоей горячую ванну. «Конечно, это не «Сандуны», но все же очень здорово!» — блаженно рассуждал я. Вдруг раздался вой сирены, в ванную вбежал мой адъютант Макс Беркч и взволнованно крикнул:

— Воздушная тревога! Бомбят Грао! Накройтесь одеялом и бежим в бомбоубежище!

И действительно, вскоре послышались далекие хлопки зениток и глухие разрывы. Весть о бомбежке, конечно, обеспокоила, но... оставить такую давно желанную ванну я не мог. Это было выше моих сил.

Видя мою непреклонность, Беркч хлопнул дверью и убежал один. Через минут пятнадцать — двадцать он вернулся и, чертыхаясь, рассказал о беспорядках в местном убежище, жалея о том, что не остался в номере.

В эту ночь мы еще дважды были разбужены воем сирен, но затем, выключив репродуктор, спокойно проспали до утра.

На рассвете субботнего дня мы оставили суматошную Валенсию и устремились к Мадриду. Наш подновленный, неуклюжий на вид, но очень мощный восьмиместный «авбурн», вырвавшись из лабиринта валенсийских улиц на простор широкого Мадридского шоссе, мчался со 110-километровой скоростью. Мимо мелькали деревья, столбы, бензоколонки, одинокие домики. Изредка в кюветах попадались останки некогда слишком резвых автомашин.

На заднем сидении удобно устроился Макс Беркч. Расстегнув ворот рубахи и ослабив поясной ремень, он блаженно улыбался. Его холеное лицо и черные глаза выражали полное удовольствие от прохлады и быстрой езды.

— Завидую тебе, Педро, через несколько часов ты в Мадриде обнимешь жену, не то что товарищ Рубио,— по-испански обратился он к шоферу.

Педро застенчиво улыбнулся и виновато посмотрел в мою сторону. За месяцы разлуки я здорово соскучился по своим и понимал волнение Педро перед близкой встречей с родными. Вспомнилась мне первая встреча с Педро в Арчене.

— Мне приказано быть у вас шофером, но должен сообщить, что я убежденный анархист и не собираюсь менять свои взгляды,— представился мне статный черноглазый красавец в кожаной куртке на молнии и вызывающе посмотрел на меня.

«Ну и экипажец подбирается у русского коммуниста: адъютант — бельгийский социалист, а шофер — испанский анархист. Но ничего не поделаешь — специфические условия!» — подумал я и ответил:

— А я просто антифашист.

— Я тоже антифашист,— запальчиво ответил Педро и вдруг рассмеялся.

Несколько позже, когда поближе узнали друг друга, мы не мало поспорили по вопросам политики партий, входящих в Народный фронт, мне стало ясно, что и Макс, и особенно Педро имеют самые смутные понятия о социализме и анархизме, а их партийность — недоразумение.

Если Педро вырос в мадридской рабочей семье, хотя и с сильным влиянием анархо-синдикалистов, и на собственном горбу испытал тяжесть капиталистической эксплуатации, то вывезенный состоятельными родителями из Западной Белоруссии Макс Беркч в поисках лучшей жизни исколесил полмира в качестве коммивояжера и маклера, но «справедливости не нашел». Это был одаренный и смелый человек с очень наивными взглядами на жизнь.

— Здесь, в Испании, я впервые стал по-настоящему задумываться над смыслом жизни,— простодушно говорил он.— Здесь я узнал коммунистов — настоящих борцов за народное счастье и, кажется, теперь знаю, как дальше жить.

Замкнутый и не общительный, Педро под влиянием царившей в полку товарищеской обстановки как-то раскрылся, помягчел, повеселел и даже стал дружить

с коммунистами. Все чаще и чаще слышали от него, что Хосе Диас[1] прав, а анархисты нет.

К недостаткам Педро надо отнести слабое знание материальной части автомобиля. Отлично управляя машиной, шофер первого класса, он терялся при первой же незначительной неисправности. Но это, по моему мнению, было характерно для многих испанских шоферов.

Однажды в пути порвался вентиляторный ремень. Сделали вынужденную остановку. За 10—15 минут, в течение которых Педро возился с вентилятором, у пышущей жаром машины останавливались многие легковые и грузовые автомобили, шоферы которых предлагали свои услуги, бензин и запасные части. У одного из них оказался нужный ремень, и он с радостью отдал его, категорически отказавшись от платы.

Примеры взаимной помощи среди испанских шоферов мы встречали повсюду, что достойно всяческого одобрения и подражания.

На середине пути, справа от дороги, мы заметили строение. Подъехали к нему. В обрамлении оливковых деревьев, вечнозеленых кустарников и цветов стоял веселенький двухэтажный домик с боковой, гаражного типа, пристройкой. Ближе к дороге — выкрашенная в красный цвет бензоколонка.

На сигнал подошел лет пятидесяти пяти грузный мужчина в замасленном комбинезоне.

— Бензин по талонам,— не ожидая вопроса, сообщил он.

— А что еще кроме бензина у вас имеется? — спросил лейтенант Макс Беркч.

— Все, что требуется автопутешественнику: автомастерская, ходовые запасные части, кафе и гостиница,— ответил хозяин.

— О! Это не так уж мало,— сказал я, выходя из машины, однако в душе сомневаясь в обещанном.

Оставив машину, мы вошли в домик. Здесь все блистало чистотой. Приветливо встретившая нас миловидная девушка лет восемнадцати в белом переднике предложила принять душ и покушать.

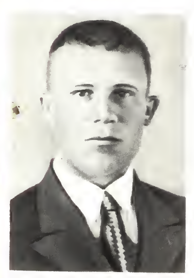
[1] Хосе Диас — Генеральный секретарь Коммунистической партии Испании, пользовался большой любовью и влиянием среди рабочих Испании. Умер в 1942 году.

В горах под Теруэлем выпал снег

П. П. Демкин

Рамон Гомес

Долорес Ибаррури и Хосе Диас на передовой

Московская встреча соратников по борьбе

Роберт Томпсон на мосновской встрече ветеранов войны в Испанин

Ян Мрнва

На сиимие (слева — направо): члеи Исполкома Коммунистической партии Испаиии Игнасио Гальего, члеи Политбюро ЦК Французской иоммуиистичесиой партии Жаи Дюило и А. А. Ветров иа международной встрече в Париже. Ноябрь 1971 г.

В небольшом опрятном столовом зале девушка угостила нас вкусным обедом, после чего мы прикорнули в отведенной комнате с белоснежным бельем на кроватях.

За время нашего короткого отдыха машина была помыта, осмотрена, отрегулирована и заправлена горючим. Желая ознакомиться с ремонтным хозяйством, я вошел в светлое помещение мастерской и увидел хозяина, точившего болт на токарном станке. Недалеко с монорельса свисал тельфер, а в углу за металлической ширмой расположились автогенный и электрический сварочные аппараты, а также кузнечно-медницкий инструмент.

Приятно удивленный увиденным, я спросил у хозяина:

— Сколько человек обслуживает такое большое и разнообразное хозяйство, и почему не видно работающих?

— Гостиницей и столовой заняты жена и дочь, а обслуживаю и ремонтирую машины я один. Раньше мне помогал сын Аугусто, но он недавно ушел в армию.

Уплатив сравнительно небольшую плату за услуги, мы тепло попрощались с гостеприимными хозяевами и продолжали свой путь.

В СРАЖАЮЩЕМСЯ ГОРОДЕ

У самого въезда в небольшой городок Арганда путь «авбурну» преградил полосатый шлагбаум.

— Документо! — напуская на себя строгость, спросил у шофера молоденький лейтенант.

Ни на кого не глядя, он стал внимательно рассматривать предъявленные справки и мандаты, и вдруг его взгляд упал на лежащую у меня на коленях фуражку со знаками различия. Важность лейтенанта как ветром сдуло.

— Товарищ команданте, извините, я вас не заметил. Документы в порядке. Открыть шлагбаум! — крикнул он стоящему посреди дороги солдату и приветственно поднял вверх сжатую в кулак руку.

Моя просьба более тщательно проверить проездные бумаги (так как в форме республиканского офицера могут оказаться и враги) не возымела действия.

Миновав Вальекас и еще две заставы и преодолев тряские объезды и разбитые участки шоссе, мы вскоре въехали в южную окраину Мадрида. Мимо нас, звеня, качаясь из стороны в сторону, промчались черно-красные вагончики допотопного трамвая.

Длинноухий мул, запряженный в арбу на двух огромных колесах, понукаемый мальчиком, медленно плелся из переулка. У продовольственного магазина длинной змейкой вытянулась очередь одетых в черное женщин и ребят с продуктовыми карточками и сумками в руках.

Чем ближе мы приближались к центру, тем многолюднее были улицы. Стены домов, заборы и тротуары, как и в Валенсии, были испещрены разного рода воззваниями, призывами, лозунгами и объявлениями. Миновав южный вокзал, наша машина выехала на широкую Калье де Алкала со строгими, старой архитектуры зданиями.

А вот и Пуэрта-дель-Соль, когда-то очень красивая площадь в самом центре Мадрида. На северной стороне ее несколько домов разрушено. От нее в разные стороны лучами расходятся десять улиц. Здесь очень шумно, много торгующих магазинов, кафе и киосков.

Сделав круг по площади, мы выехали на главную улицу Мадрида Гран-Виа.

Машина остановилась у «Палас отеля» с красным крестом на флагштоке. В виде исключения мне предоставили номер на втором этаже. На двух огромных кроватях высились большущие подушки и пуховые одеяла.

Приведя себя в порядок и сносно поужинав в расположенном на первом этаже ресторане, мы отправились по делам.

Возбужденный предстоящей встречей с родными, Педро, взяв с нас слово побывать у него в гостях, отбыл в суточный отпуск. В багажнике «авбурна» лежал наш подарок семье Педро — дорожный паек консервов и сухарей.

На улице мы окунулись в бурлящий людской поток, заполнивший даже мостовую. В отличие от Валенсии, здесь все было строже, по-фронтовому. По худым, суровым и сосредоточенным лицам мадридцев было видно, что кроме изнуряющих бомбежек и артиллерий-

ского обстрела они испытывают большие затруднения с продуктами питания.

Как мы позже узнали, месячный паек, выдаваемый по карточкам взрослым горожанам, состоял из 3 килограммов хлеба, 1 килограмма фасоли и гороха, 300 граммов риса и сахара, 200 граммов мяса, 100 граммов рыбы и 500 граммов оливкового масла.

Одежда большинства мужчин была строгой, полувоенного и военного образца, однако молодые женщины и здесь старались не отставать от моды.

На улице Листа, в штабе войскового соединения, с которым я должен был установить связь, в этот вечер никого из начальства не оказалось. Пришлось пуститься в поиски.

От площади Четырех ветров широкая улица, пересеченная сложенными из булыжника и мешков с песком баррикадами, привела нас в рабочий район. Здесь, в старых, давно не видавших ремонта, домах проживала мадридская беднота.

Далеко внизу виднелся огромный парк с большими полуразрушенными университетскими зданиями и перерезанная мостами голубая лента реки Мансанарес. Редкая ружейно-пулеметная перестрелка напоминала о близости передовых позиций.

Не найдя нужных людей, мы поплелись обратно в город.

На следующий день после завершения всех дел и скромного обеда мы с советскими газетами десятидневной давности устроились на диванах уютного номера. Неожиданно вошел Педро и необычным для него, взволнованным голосом сказал:

— Камарада команданте! Сегодня в четыре часа состоится воскресная коррида. Я с трудом достал для вас входные билеты. До начала осталось всего 40 минут.

Что было делать? «Надо же когда-нибудь посмотреть на очень популярное в этих краях зрелище — бой быков?» — подумал я, и, не без сожаления отложив в сторону «Красную звезду», пошел за шофером.

Вскоре мы оказались на кишевшей людьми улице де Алкала.

— Это «Пласа де торос» — арена, где проводятся корриды,— сказал Педро, когда мы протиснулись

сквозь густую толпу к большому, круглому, с арками и окнами, похожему на цирк, светлому зданию.

Заняв место на каменной скамейке верхней трибуны, я стал рассматривать быстро заполнявшийся разношерстной публикой многоярусный открытый амфитеатр. Одну из центральных трибун, окаймленную кумачовыми лозунгами, заняло какое-то воинское подразделение во главе с молоденьким лейтенантом. Неудобно держа винтовки, солдаты пили из бутылок лимонад, лузгали семечки, ели апельсины.

Многие зрители, и в том числе женщины, были в военной форме и в комбинезонах. По рядам сновали продавцы пива, лимонада и разных восточных сладостей. Курили все, сигаретный дым стоял столбом. Отовсюду слышался смех и гомон.

Видя, с каким интересом я рассматриваю «Пласа де торос», Педро с нескрываемой гордостью сказал:

— Это самая большая в Испании арена. Она вмещает от 22 до 25 тысяч человек.

— Да, очень много,— ответил я, удивляясь не столько вместительности сооружения, сколько беспечности устроителей такого сборища, расположенного буквально в нескольких кварталах от передовых позиций и безусловно в зоне артогня противника. Как совместить все это с развешенными по всему городу призывами к бдительности и дисциплине?

Зазвучали фанфары, извещая о начале корриды, и ровно в четыре часа дня из широко распахнутых ворот в деревянном заборе, огибающем круглую арену, медленно выехали два всадника.

Черные бархатные костюмы плотно облегали их ладные фигуры, а в руках поблескивали золотистые трубы.

Один из всадников подъехал к президентской ложе за разрешением начать корриду, и тотчас на арену вышла приветствуемая зрителями праздничная процессия матодоров, тореадоров, пикадоров и бандерильеров. Все ее участники, и особенно матадоры и тореадоры, были одеты в красочные бархатные костюмы, расшитые золотом и серебром. На головах некоторых из них были монтерос [1], из-под которых виднелись коротенькие косички.

[1] Треуголки.

После того как парадная процессия сделала два круга почета и скрылась за забором, из небольших ворот на арену выбежал бурый бык. Навстречу ему, размахивая красными плащами, вышли два тореодора.

Дразня быка мулетами, тореадоры заставляли его метаться по всей арене. В один миг мне показалось, что острые рога свирепого быка настигли и вот-вот поразят тореадора, но тот как-то грациозно изогнулся и ловко увернулся от опасности, чем вызвал возгласы одобрения публики. Нельзя было не обратить внимания на то, что чем ближе бычьи рога приближались к тореадору и чем большему угрожала опасность, тем более восхищались зрители и кричали: «Оле! Оле!» Вскоре тореадоры удалились.

Вдруг вновь весело заиграли трубы, и на посыпанную желтым песком арену выехали всадники с пиками в руках и в высоких жестяных сапогах. Их кони были покрыты свисающими к самому полу защитными металлическими попонами.

Умело орудуя острыми копьями, пикадоры стали колоть быка, все более раздражая его.

Затем в опасную игру вступили бандерильеры, вооруженные короткими дротиками, оплетенными цветными лентами-бандерильями. Вонзая в холку быка бандерильи, они еще больше раздразнили животное, которое в бешенстве носилось по арене, стараясь рогами и копытами поразить своих противников. Продемонстрировав высокое мастерство и ловкость, бандерильеры под возгласы одобрения ушли с арены.

— Сейчас будет самое интересное,— сказал Педро.

И вот наступил наиболее захватывающий и драматический момент корриды. На арене под приветственный гул появился стройный красавец матадор.

Держа в руках мулету, он смело пошел навстречу взбешенному быку. И в тот момент, когда острые бычьи рога были готовы пронзить его, смельчак с неподражаемой грациозностью и улыбкой едва заметно уклонился в сторону, пропуская быка.

Шквал приветствий и одобрений пронесся по трибунам. Трудно неспециалисту описать мастерство и выдержку матадора. Все его движения и приемы очень красивы и артистичны. Вместе с восторженной публикой я хлопал в ладоши и кричал:

— Оле! Оле! Муй бьеп!

Да, это настоящее искусство! Я начинаю понимать любовь испанцев к корридам и их увлеченность лучшими матадорами. Еще долго с большим мастерством, риском для жизни и отменным изяществом играл отважный матадор со своим обезумевшим, диким противником, пропуская его на волосок от себя.

Затем, обернувшись красным полотнищем, матадор заставил разъяренное животное вертеться вокруг себя. Публика неистовствовала. Наконец матадор поднял вверх короткую шпагу. Обессиленный бык, точно загипнотизированный, остановился перед ним. Удар, и поверженное животное у ног человека. Наступила мертвая тишина, а затем разразился такой взрыв всеобщего энтузиазма и возбуждения, что трудно было усидеть на месте. На арену со всех сторон полетели береты, сумки, фрукты, туфли, веера, словом, все, что зрители имели в этот момент под руками.

Еще не остывший от боя, счастливо улыбающийся матадор совершил круг почета, по-республикански приветствуя публику.

Оркестр заиграл «Интернационал», и 25 тысяч человек встали и подхватили слова пролетарского гимна.

Когда страсти на трибунах несколько утихли, на арене появились другие участники корриды и началось новое представление.

Спустя два часа мы возвратились в гостиницу усталые, как после тяжелой работы, но полные незабываемых впечатлений.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПРАЗДНИК

Начало ноября застало наш полк в небольшом городке Вальекасе, что в 8 километрах на юго-восток от Мадрида.

Стояла препротивная слякотная погода. Шел снег. По грязной улице то в сторону Мадрида, то в сторону Валенсии шмыгали разукрашенные в замысловатые «защитные» цвета автомобили.

Непривычные к холодам южане, закутавшись в одеяла, жались к кухонным очагам. Запах вареной фасоли на оливковом масле приятно щекотал в носу, напоминая о приближении обеда.

Под Мадридом наш танковый полк оказался в ожидании участия в большой наступательной операции где-то в Эстремадуре, которую задумало республиканское командование.

Недалеко от школы, где помещался наш штаб, расположились танки с настороженно торчащими стволами пушек. В башнях машин дежурили наблюдатели за воздухом. В вырытых под танками ровиках устроились экипажи. Здесь было сухо и тепло. Крохотная «буржуйка» позволяла просушить промокшую одежду, обувь и даже подогреть пищу.

В этот период республиканская Испания испытывала большие продовольственные затруднения. Стремясь голодом задушить молодую республику, правители буржуазных стран всячески препятствовали доставке сюда продовольствия. Несколько лучше, чем у гражданского населения, но далеко не достаточное питание было у бойцов действующей армии. Армейский рацион был однообразен и состоял главным образом из вареных бобов, трески, чечевичной каши на оливковом масле, суррогата кофе и слабого виноградного вина. Командование полка и бойцы питались из одной кухни.

5 ноября во двор школы въехала грузовая машина, нагруженная небольшими фанерными ящиками, на которых восседали лейтенант Ганс Шрамм и Елизавета Кольцова.

— Привезли вам письма и посылки из России! — весело крикнула Лиза.

Вместе с письмами от родных и близких каждый из нас получил объемистый «наркомовский» праздничный подарок. Раскрыв посылку, я был приятно удивлен ее содержимым. Чего только не было в этом милом кузовке: большие банки с икрой, керченской селедочкой, белыми грибами, вишневым вареньем, сливками и натуральным кофе, свертки с балыком, семгой, ветчиной, копченой колбасой, бужениной, шоколадом и двумя бутылками нашенской, русской водки!

Нельзя сказать, чтобы мы были избалованы этакой гастрономией у себя дома, но все-таки понимали в ней толк. Когда в зале, где раздавались подарки, появился Степан Иванович Кондратьев, к нему обратился Владимир Кручинин:

— Товарищ полковник, каждый из нас, получив эти продукты, безусловно разделит их со своими экипажами.

— А как же иначе? — вмешался в разговор Павел Демкин.

— Со своими экипажами поделимся, а с другими однополчанами, которые не входят в танковые экипажи, нет? Разве это справедливо?

— Что же вы предлагаете? — нетерпеливо спросил Кондратьев.

— Я думаю, что полученные в посылках продукты надо распределить поровну между всеми без исключения бойцами и командирами полка.

— Согласны! — ответил хор голосов.

— Товарищ Кручинин говорит дело. Было бы неплохо устроить общеполковой, посвященный 20-й годовщине Октябрьской революции вечер с ужином, — предложил П. С. Фотченков.

— Правильно! Правильно! Устроить октябрьский банкет! — воскликнул Губанов.

Все присутствующие поддержали идею об устройстве общего ужина.

— Банкет так банкет! — согласился Кондратьев.

По предложению Петра Семеновича Фотченкова тут же была избрана организационная комиссия с наказом «не подкачать».

Известие о торжественном праздновании Октябрьской годовщины и о предстоящем «русском» ужине с быстротой молнии облетело все подразделения и даже просочилось в среду вальекаских сеньоритас.

С утра следующего дня все наши ребята стали поспешно стирать белье, бриться и мыться. Ротные медсестры и санитарки вымыли и празднично украсили коридор, зал и классы школы, вложив в это дело много выдумки и инициативы.

Большие хлопоты доставила хозкомиссии столовая утварь и предметы сервировки, но при помощи всеумеющих сеньоритас и эта «проблема» была успешно решена.

6 ноября вечером, задолго до назначенного срока, экипажные тройки собрались у входа в школу, благоухая духами и одеколоном, которые все же оказались не в состоянии вытравить запах машинного масла.

Настроение у танкистов было чудесное. Советские добровольцы с нескрываемым удовольствием принимали поздравления с 20-летием Великого Октября.

Прозвучал школьный звонок. Широко распахнулись двери, вышел Степан Иванович Кондратьев и пригласил всех в большой ярко освещенный зал. Две линии со вкусом сервированных столов ломились от яств и вин. Когда все уселись, Степан Иванович сказал:

— Боевые друзья! Социалистический Октябрь — это праздник трудящихся всех стран. Первый тост за родину Октября — верного друга угнетенных и эксплуатируемых, друга испанского народа!

— Вива ла Унион Советика! Вива Эль Партидо Комуниста! Виван лос танкистас советикос! — мощно прозвучало в ответ.

Все встали и подняли бокалы, стаканы, кружки и даже мензурки, позаимствованные из школьного химкабинета.

Со знанием дела угощали наши ребята своих стеснительных друзей рыбкой, икоркой, грибками и прочим «самым вкусным». Оживление за столами возрастало.

После тостов Леша Разгуляев немного охрипшим, но приятным голосом запел:

Широка страна моя родная...

Песню подхватил разноязыкий хор:

Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!..

С душевным волнением смотрел я на вдохновенные лица поющих. Мне и в голову не приходило, что эту песню так хорошо знают и любят люди многих национальностей.

По лицам поющих антифашистов было видно, что они горды страной социализма и любят ее.

Родина! Как емко это понятие. В нем воедино сплавлены дорогие сердцу слова: мать, ленинская партия, Волга, сосновое приволье Подмосковья...

Для большинства наших друзей русская кухня, и особенно водка и икра, явились настоящим открытием. Они не ели, а священнодействовали. Отовсюду слышались возгласы одобрения:

— Очень хорошо! Вкусно! — и ответ хлебосольных хозяев:

— Кушайте на здоровье.

После тоста за свободную Испанию разговоры за столами стали непринужденнее. Полились песни.

Наши испанские друзья, похлопывая в ладоши, запели «Кукарачу», которую с радостью поддержали все собравшиеся. Вместе с французами мы пели «Марсельезу», с итальянцами — «Бандьера Россу», с немцами — «Красный Вединг», а затем свою задушевную «Реве та стогне Днiпр широкий».

— Давайте потанцуем,— предложил Паша Демкин не сводившим с него глаз сеньоритам. Его атлетическую, ладную фигуру облегал светло-серый костюм, а немного скуластое, добродушное лицо с милыми веснушками заливал яркий румянец. Смахнув с большого лба густую прядь рыжеватых волос, он поклонился девушкам, взял в руки аккордеон и заиграл «На сопках Маньчжурии».

Закружились пары. Ничего, что среди гостей было мало женщин. В вихре вальса кружились водитель с башнером, а командир танка с мотоциклистом. Девушки были на седьмом небе, от ухажеров рябило в глазах.

После вальса техник Рамон Гомес и медсестра Эла с испанской грациозностью и мастерством танцевали танго.

— Вот это да! — только и смог сказать наш чемпион по танцам Петр Сиротинин. Затем пошли фокстроты, бостоны, краковяк.

В образовавшийся круг вошел Ваксин и стал танцевать лезгинку. И до того он ее комично плясал, что вызвал восторг у испанских товарищей, а раскрасневшийся Шевцов вложил в его руку вилку. Так с вилкой в зубах со свирепым видом «отколол» свой триумфальный танец Мотя Ваксин. Вслед за Ваксиным в круг вошли молодые испанцы и стали с уморительными гримасами отплясывать лезгинку, держа в зубах ножи. Иван Губанов и Христо Дамянов, нарядившись в женские платья с яркими платочками на головах, отплясывали «барыню».

Каких только народов песни не пелись и танцы не танцевались в этот замечательный вечер интернациональной дружбы! Встреча удалась на славу.

ТЕРУЭЛЬСКОЕ СРАЖЕНИЕ

ТАНКИ В ГОРАХ

В первых числах декабря командира полка вызвал к себе в генеральный штаб полковник Висенте Рохо.

По возвращении из Барселоны Степан Иванович проинформировал нас о положении на фронтах и, между прочим, сказал:

— После успеха на севере и получения значительных итало-германских подкреплений мятежники добились большого перевеса в силах и готовятся к генеральному наступлению на Мадрид. Республиканское командование решило предпринять упреждающую наступательную операцию на теруэльском участке Восточного фронта.

— На теруэльском вместо Эстремадуры? — недоуменно спросил Фотченков.— Почему на этом второстепенном, трудном для танков участке?

— Потому что этот, как вы изволили выразиться, второстепенный участок фронта, вклинившись в республиканскую территорию, угрожает Валенсии и открывает противнику доступ к Средиземному морю.

Доводы Степана Ивановича показались нам малоубедительными, так как было хорошо известно, что неоднократные попытки республиканских войск захватить город-крепость Теруэль закончились неудачей. Применение же быстроходных танков в горных условиях ничего хорошего не предвещало.

— Разрешите в порядке подготовки поделиться имеющимися у меня сведениями о Теруэле,— попросил В. И. Кольнов и, получив разрешение, продолжал:

— Теруэль расположен на высокой горе, окруженной хорошо укрепленными скалами. С юго-запада

город прикрыт широкой рекой Турией. В Теруэле, Конкуде и в ряде других прилегающих к ним населенных пунктах приспособлены для обороны массивные каменные дома. Наиболее сильно укреплен участок к северу от города на высоте Санта Барбара, где сооружены пулеметные гнезда с перекрытиями, окопы полного профиля, проволочные заграждения и убежища.

— Расскажите о расположении и численности противника в этом районе,— перебил я его.

— Оборону во всех перечисленных укреплениях несут одиннадцать батальонов 52-й пехотной дивизии мятежников, общей численностью в 20 тысяч человек...

Далеко за полночь затянулось наше совещание, были намечены первоочередные мероприятия, связанные с действиями в горах.

— Хорошо, что республиканское командование пытается вырвать стратегическую инициативу из рук врага,— в итоге беседы сказал Кондратьев.

С утра следующего дня во всех подразделениях закипела работа по подготовке машин и личного состава к действиям в горных условиях.

Тщательнейшим образом была проверена и отрегулирована материальная часть, упорядочена боевая укладка. За каждым танком, кроме основного, был закреплен резервный механик-водитель. На всех танках надежно установили ящики со вторым комплектом боеприпасов и дополнительные бочки с горюче-смазочным и водой, а экипажи получили семидневный запас продовольствия. В каждую роту были выделены машины, специально оборудованные такелажными и саперными средствами.

12 декабря в четыре часа утра наш полк был поднят по боевой тревоге и после недолгих сборов двинулся по указанному командованием армии Леванта безлюдному маршруту.

Дул встречный, холодный ветер, заметая и без того еле видный проселок и машины.

Танки двигались ротными колоннами на небольшой скорости, при затемненных фарах. Несколько выдвинувшись вперед, следовал отряд обеспечения движения, в его задачу входила расчистка и исправление дорог.

К рассвету головная колонна достигла горного района с его узкими и обрывистыми тропами. Здесь в ожидании посланной вперед разведгруппы был устроен привал. С тревогой смотрели мы на преградившую путь огромную гору, вершина которой уходила к облакам.

Вернувшийся из разведки лейтенант Евграф Аристов доложил, что в район сосредоточения республиканских войск ведет узкая, со множеством крутых поворотов тропа, опасная для движения танков. Только большие мастера смогут перевалиться через эти заснеженные пирамиды. О проходе колесных машин не может быть и речи.

Как раз эта единственная прямая дорога и вела в нужный нам район.

После краткого обсуждения с офицерами создавшегося положения полковник Кондратьев принял решение: колесные машины отправить по шоссе кружным путем, а танкам идти на штурм горы.

Автомобильная колонна повернула на шоссе в сторону Сагунто.

А мы вслед за командирским танком под управлением Павла Демкина с интервалом в 15—20 метров двинулись на штурм горы.

Сначала все шло нормально, но подъем становился все круче и труднее. Головокружительные повороты, опасные спуски и крутые подъемы чередовались один за другим. Начали перегреваться моторы и гореть тормоза.

Чем выше в гору забирались танки, тем тяжелее, обрывистее и опаснее становилась тропа. Сквозь густой туман и вьюгу не было видно передних машин. Малейшее неверное движение грозило падением в бездну. На ладонях водителей появились кровавые бугры.

— Полундра! — раздался чей-то истошный голос.— Танк сползает!

Подбежав поближе, мы были потрясены увиденным. От горной тропы отделилась глыба и медленно оседала, увлекая за собой накренившуюся машину Демкина. Еще один миг — и танк покатился бы в бездну. Но механик-водитель проявил исключительное самообладание и высокое мастерство. Это казалось чудом, что он вывел машину из опасности, а глыба с

грохотом рухнула вниз, оставив на дороге солидный провал.

— Ну и орел же Паша Демкин! — восхищенный мастерством своего товарища, сказал Саша Евликов.

— Да! Ничего не скажешь, молодец! — ответил заместитель командира роты по технической части Василий Гредасов.— Завидное хладнокровие, помноженное на отличное знание машины, плюс везение.

Пока ремонтировали дорогу, мы решили покурить. Паша Демкин шутливо рассказывал окружавшим его друзьям:

— До чего же неохота, ребята, задом вниз сползать... Жуть! Включил первую передачу. Ну, думаю, вывезет ли родная? Мы с «бетушкой» чуть-чуть вперед, а часть дороги назад... вот так и разошлись.

— Почему вы не оставили танка, могли успеть? — спросил кто-то с иностранным акцентом.

— Вот чудак, я бы успел, а мой командир и башнер? Что стало бы с ними и с машиной? — ответил Демкин и многозначительно повертел большим пальцем у виска, укоризненно глядя на задавшего вопрос.

Штурм горы продолжался с прежним упорством.

Большая перегрузка механизмов привела к выходу из строя тормозных лент, дисков фрикциона, траков и резиновых бандажей на ряде машин.

Руки и ноги механиков-водителей немели от усталости. Кровавые мозоли на ладонях прорвались, превратившись в кровоточащие раны. Но комсомольцы-танкисты не дрогнули. Они помогали друг другу устранять неисправности и, превозмогая боль, одолевали последние метры крутизны.

После долгой и упорной борьбы со стихией и собственной усталостью, мы наконец добрались до покрытой снегом и туманом горной вершины.

— Наши советские танки в облаках знойной Испании! — шутил Володя Кручинин, растирая снегом побелевшее ухо.

— По цій бік гора, по тій бік гора. За тіимі крутимі горами стояла гора! — запел никогда не унывающий Миша Борисов. И действительно, куда ни посмотришь — всюду были заснеженные горы. Усталые, но довольные успешным переходом танкисты принялись за ремонт машин.

Спуск проходил значительно легче, но не без приключений. Метель свирепствовала вовсю, и на крутом повороте один из танков наткнулся на идущий впереди и чуть было не свалился вниз. К счастью, все обошлось только небольшой поломкой кривошипа ленивца. Благодаря правильной организации марша, взаимопомощи, высокому мастерству, выдержке и физической натренированности механиков-водителей ни один танк не сорвался с горы, не застрял на препятствии и даже на продолжительное время не отстал от колонны. Труднее было танкам, буксировавшим ремонтные мастерские и бензоцистерны, но и они надолго не задержались. На самом спуске полку была придана испанская рота потрепанных танков Т-26.

В середине хмурого и морозного дня 13 декабря, к большому удивлению местных жителей и радости пехотинцев, танки, белые от инея, спустились к небольшой деревне Мора-де-Рубиэлос.

Узенькие, горбатые и зигзагообразные улочки этой деревушки были запружены медленно движущимися к фронту республиканскими войсками. Несмотря на 15-градусный мороз, многие из бойцов были одеты полетнему и обуты в альпаргаты — сандалии на веревочной подошве.

Создавались пробки. Слышались негодующие крики, ругань. В переулке к небольшому домику прижались два искалеченных легковых автомобиля, загораживая проезд.

Мы миновали деревушку и сделали привал у деревни Вальбона. Командование полка со штабом разместилось в небольшом особняке около разрушенной церкви.

В то время когда мы приводили себя в порядок, гостеприимная хозяйка готовила ужин. В доме приятно запахло не кофе, к которому мы никак не могли привыкнуть, а настоящим, нашенским чаем. Мы не пили чая со дня отъезда, а тут один из советников подарил Кондратьеву пачку китайского чая.

Предвкушая удовольствие, мы с большим аппетитом съели красную сильно наперченную колбасу — чорисо — с фасолью. Хозяйка поставила на стол тарелки со столовыми ложками и кастрюлю с чаем. Мы удивленно переглянулись.

Сняв крышку, увидели густую черно-коричневую кашицу.

— Что это такое? — разочарованно спросил Степан Иванович.

— Разве не видите, это чай по-испански,— ответил Фотченков, стараясь скрыть от гостеприимной хозяйки сожаление о погубленной пачке чая.

Оказалось, что хозяйка чай готовить не умела и, высыпав всю пачку чая в котелок, сварила его, как варят кашу. Посудачив о загубленной пачке чая, мы по всем правилам попили чайку, а оставшуюся кашицу разлили по флягам — не пропадать же такому добру!

Остаток этого дня ушел на приведение в порядок техники, дозаправку ее горючим и на отдых личного состава.

ВНЕЗАПНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

Поздно вечером в расположение полка прибыл советник при генштабе полковник Ф. И. Терехин и рассказал, что скрытое сосредоточение республиканской армии Леванта в составе 18, 20 и 22-го армейских корпусов у Теруэля подходит к концу и что не сегодня-завтра по теруэльскому выступу фронта противника этой армией будет нанесен концентрический удар с трех сторон.

По мнению советника, наш полк, усиленный батальоном бронемашин и двумя ротами танков Т-26, должен быть использован поротно с задачей поддержки пехоты по овладению городом Теруэлем.

Ночью группа танковых командиров выехала на рекогносцировку, во время которой были согласованы вопросы взаимодействия пехоты и танков.

Не ставя перед собой цели детального исследования этой весьма интересной и поучительной боевой операции, полагаю нужным несколько подробнее остановиться на ходе первоначальных действий республиканских войск, непосредственным участником которых мне довелось быть.

Глубокой ночью 14 декабря республиканские войска скрытно вышли на исходные для боя позиции, а утром без предварительной артиллерийской и авиационной

подготовки, неожиданно для мятежников начали общее мощное наступление с севера, юго-востока и юга.

Северная группа войск в составе 11-й и 25-й пехотных дивизий, наступая от Вильяльба Баха и Тортахады на Конкуд и Теруэль, прорвала фронт противника.

К исходу дня 11-я дивизия под командованием отважного сына Испании коммуниста Энрике Листера, поддержанная батальоном танков Т-26, действуя умело и решительно, вышла на фронт 2 километра северо-западнее линии Конкуд — Сан-Блас, захватила в плен свыше 400 человек и много оружия и перешла к обороне фронтом на северо-запад. 25-я дивизия в этот день продвинулась вперед лишь на 1,5 километра.

Центральная группа республиканских войск в составе 40-й и 68-й пехотных дивизий и подразделений танкового полка в этот день трижды атаковала сильно укрепленные позиции противника вдоль шоссейной и железной дорог Сагунто — Теруэль и на Кастральво, но, встретив упорное сопротивление, успеха не добилась.

В это же время 64-я пехотная дивизия южной группы республиканских войск при поддержке батальона танков атаковала высоту Прадо-Кемадо и высоты южнее Кампильо, но также неудачно. Малоопытная пехота за танками не пошла. Только после третьей танковой атаки, в 15 часов 30 минут все высоты, преграждавшие путь дивизии, были ею захвачены.

16 декабря 11-я дивизия, отражая контратаки фашистов, закрепилась на занятом рубеже, а 25-я дивизия с большим трудом, преодолевая сопротивление противника, к исходу дня продвинулась еще на 2 километра и вышла на линию железной дороги Теруэль — Сарагоса.

В этот же день отлично действующие 16-я и 81-я бригады 64-й Коммунистической дивизии при поддержке двух танковых рот заняли Кампильо, захватив при этом свыше 200 пленных и несколько орудий, а 83-я бригада этой дивизии заняла высоту Педриса, где были пленены остатки батальона мятежников.

Выполнив задачу дня, 64-я дивизия вышла в район Сан-Блас, где вошла в связь с левым флангом 11-й дивизии и заняла оборону на рубеже Сан-Блас — Ла-Ос, фронтом на северо-запад.

При активной поддержке второй и четвертой рот быстроходных танков БТ-5 части 34-й дивизии отбросили противника на 7 километров к высоте Муэла-де-Теруэль, однако овладеть этой хорошо укрепленной и господствующей над городом высотой в этот день не смогли.

В результате двухдневного успешного наступления республиканских войск к вечеру 16 декабря Теруэль был окружен. 11-я и 64-я дивизии заняли оборону на внешнем полукольце теруэльского выступа, в 6 километрах к северо-западу и западу от города. Окруженные семь батальонов мятежников продолжали ожесточенно сопротивляться.

Стояла необычная даже для этого высокогорного района Испании холодная и вьюжная погода. Мороз доходил до 20 градусов, а слой снега достигал 30—40 сантиметров.

Такой холодной погоды здесь давно не было. Испанцы шутили, что морозы привезли с собой русские друзья. Особенно мучили морозы по-летнему одетых республиканцев. Каждый метр территории им приходилось отвоевывать у засевших в дотах мятежников, преодолевая сугробы снега и обледенелые скалы.

Несколько выручали «манта» — одеяла, с которыми испанские солдаты никогда не расстаются. В холодную и дождливую погоду одеяла служили им вместо пальто и плаща, а в жаркую — вместо подушки и матраца.

В первые дни четыре танковые роты и броневой батальон нашего полка, насчитывающие 42 танка и 30 бронемашин, поддерживали наступательные действия войск центральной и южной групп. Вторая и четвертая танковые роты взаимодействовали с 68-й и 94-й бригадами 34-й дивизии, первая танковая рота и батальон бронемашин под общим командованием полковника Кондратьева наступали на Теруэль вдоль западного берега реки Турии, а третья танковая рота поддерживала наступление 87-й бригады 40-й дивизии, а затем частей 68-й дивизии в направлении на Вильяэспесу, Кастральво и Кастельяр. Вдали над желто-коричневым Теруэлем высились четыре церковных шпиля.

Разрушив трехрядные проволочные заграждения, танки третьей роты капитана Ивана Губанова вплот-

ную подошли к широким вражеским окопам и, поджидая следовавшую позади пехоту, стали маневрировать по полю, обстреливая обороняющихся. Однако республиканская пехота за танками не пошла. Когда противотанковая артиллерия из района Кастельяра повредила две машины, танкисты, прикрывая их отход, вынуждены были повернуть назад. 17 декабря эта танковая рота пять раз ходила в атаку, но безуспешно.

Четвертый боекомплект обрушивает на врага из своей танковой пушки итальянский коммунист Марселино Бидзари. Под обломками разбитого им домика — дота у шоссе нашли могилу фашистские артиллеристы.

Его товарищ по экипажу механик-водитель Игнасио Пронто, завидя вражеский пулемет, направил на него свой танк.

Этот пулемет долгое время поливал смертоносным огнем республиканскую пехоту, отсекая ее от ушедших вперед танков. Вдруг страшной силы удар потряс и вздыбил машину, отделение управления заволокло едким пороховым дымом: противотанковая мина пробила бронированное днище. Пронто оторвало правую ногу. Истекая кровью, он довел машину к своим окопам, и тут силы покинули его. Когда товарищи вынесли его из машины, сердце героя уже не билось.

Утром следующего дня совместными усилиями частей 68-й дивизии и танков противник с большими потерями был выбит из занимаемой позиции между Кастральво и Вильяэспесой. 19 декабря 218-я бригада с помощью танков овладела Кастральво.

С юга наступали пехотные батальоны 34-й дивизии. При поддержке дерзко атакующей второй танковой роты Алексея Разгуляева они 18 декабря овладели высотой Муэла-де-Теруэль, при этом танки чехословацких коммунистов Йозефа Грушки и Бржетислава Шкарвады захватили 18 пленных и орудие.

20—21 декабря республиканские подразделения в сопровождении наших танков ворвались на восточную, юго-восточную и южную окраины города. В ночь на 22 декабря 34-я дивизия была сменена подошедшей из резерва 70-й дивизией республиканцев, имевшей своей задачей вместе с бронетанковой группой Кондратьева овладеть городом.

22 декабря, преследуя отступающего противника, бронетанковая группа совместно с 32-й пехотной бригадой 70-й дивизии с боями продвинулась к западной окраине города. На узком шоссе, лежащем у подножья горы, и вдоль западного берега реки Турии вытянулась колонна танков БТ-5 и бронеавтомобилей. В километре-двух от каменного моста через Турию под воздействием интенсивного огня противника боевым машинам пришлось спешно занять оборону.

Между засевшими в массивных зданиях на высоком восточном берегу реки мятежниками и открытыми как на ладони танками завязалась артиллерийская дуэль. В это время к горе медленно продвигалась республиканская пехота. Прицельный артогонь противника уже вывел из строя два броневика и много бойцов. На танке Григория Баранова разбило натяжной механизм и порвало гусеницу. Укоротив обе гусеницы, экипаж продолжал наступление, следуя рывками за своим подразделением.

От вражеского снаряда загорелась пушечная бронемашина. Ее экипаж растерялся и бежал в укрытие, но вскоре, устыдившись проявленного малодушия, испанские товарищи отчаянно бросились в самое пекло объятого пламенем броневика. Обжигая руки, с риском для жизни, стали они выносить наружу готовые в любую минуту взорваться горячие снаряды. Когда с боеприпасами было покончено, командир бронемашины Альварес Кастро и шофер Луис Прадо с помощью товарищей потушили пожар, отстояли, казалось бы, уже обреченную на гибель боевую машину.

Я слышал, как в ответ на обвинение своего ротного в безрассудстве молодой коммунист Альварес Кастро ответил:

— Безрассудно было бы не преодолеть животный страх; отвоевав у огня броневик, мы избежали позора.

Тот, кто хотя бы однажды побывал под бомбежкой и испытал тревожное, сжимающее сердце в комок тоскливое чувство беспомощности и неуверенности, знает, что нет нормальных людей, равнодушных к летящим на них авиабомбам. Одни бомбежку переживают вне-

шне сдержанно, другие, наоборот, очень бурно, вплоть до потери самообладания.

Так вот, самый молодой член нашего боевого коллектива вихрастый работяга-электрик Саша Кирюхин, к сожалению, принадлежал к группе бурно реагирующих на бомбежки. Услышав гул приближающихся самолетов, электрик, не рассуждая об их принадлежности, бросался в укрытие или на землю и в страхе закрывал руками уши и глаза. Зная эту Сашину слабость, наши доморощенные остряки придумывали ради потехи разного рода «шумовые аттракционы», с большой достоверностью имитирующие летящих «капрони», и дико хохотали, когда их злая шалость производила впечатление на электрика.

Так продолжалось довольно долго, и неизвестно когда бы кончилось, если бы не случай. В тот вечер Кирюхин, наладив капризное электрооборудование танка, усталый возвращался к своей ремонтной летучке, как вдруг услыхал гул приближающегося вражеского самолета. Не раздумывая, он опрометью бросился назад к машинам и буквально пулей влетел в боевое отделение танка Разгуляева. Лучшей защиты в этих условиях было трудно найти. Не успел Саша отдышаться от бега, как в машину ворвались ее хозяева, получившие приказ контратаковать просочившуюся пехоту противника, поддержанную авиацией. Несмотря на тесноту, Разгуляев не выдворил из машины электрика, и танк рванулся в атаку. За своим командиром громить врага двинулись и другие танки. После успешного выполнения боевого задания танкисты невредимыми вернулись на сборный пункт.

— Кирюхин, которого мы считали, ну, скажем, не совсем храбрым парнем, вел себя в этом бою отлично, а когда надо было под пулеметным огнем противника ремонтировать ходовую часть и натягивать разорвавшуюся гусеницу, он вместе с механиком-водителем Гаврилиным сделал это отменно,— впоследствии рассказывал скупой на похвалы лейтенант Разгуляев.

После этого случая Сашин авторитет был восстановлен, и «шумовые аттракционы» прекратились.

Тесня противника, передовые подразделения 32-й бригады под прикрытием танков медленно продвигались вперед. Вместе со стрелково-пулеметным от-

делением, перебегая от дерева к дереву или ползком, по-пластунски, продвигался Фотченков, за ним я. Наконец с винтовками наперевес мы ворвались в узкий проезд между заснеженной высотой и трехэтажным домом, но под огнем противника, засевшего на горке и в доме, были вынуждены залечь в небольшом углублении для окон подвального этажа.

Слышались стоны раненых. Несколько наших товарищей было убито. Мы поняли, что попали в ловушку, и решили как можно скорее выйти из нее. Покинув траншею, бросились в открытую дверь дома и очутились в подъезде с крутой лестницей. Вскоре в дом вбежала группа республиканцев.

Здесь мы почувствовали себя увереннее и, немного передохнув, стали осторожно подниматься наверх. После короткой стычки дом был очищен от врага, и его новые обитатели с чердака повели огневое наступление на соседнюю высоту. Противник, теснимый со всех сторон, стал отступать к городу.

В захваченном доме, кроме штабеля немецких снарядов и батареи бутылок с зажигательной смесью, оказался небольшой склад с оружием и с итальянскими консервами. Все это нам пригодилось, так как нужда в оружии, боеприпасах и в продуктах питания была очень велика.

Заняв важный рубеж на крутом повороте Теруэльской дороги и получив подкрепление в пехоте, полковник Кондратьев решил в этот же день захватить мост через Турию и ворваться в город.

Как только первый танк Ивана Дворягина с помощью фашин преодолел вырытый поперек дороги противотанковый ров и продвинулся вперед, скрытое за поворотом фашистское орудие открыло огонь. Поврежденный танк остановился, но стремительной атакой других танков все три немецкие противотанковые орудия вместе с прислугой были уничтожены.

Танки, бронемашины и пехотные подразделения устремились к мосту, где их встретил массированный огонь неприятеля. Танк Ивана Мрквы с грохотом и огнем ворвался на самую середину моста, но, встретив на пути нагромождения непреодолимых каменных глыб, металлических обломков и мешков с песком, повернул назад.

После упорных боев 116-я и 117-я бригады 25-й дивизии овладели несколькими холмами к северу от города, а в ночь на 23 декабря захватили господствующую над городом высоту Санта-Барбара и вышли на северную окраину Теруэля. При этом было захвачено 250 пленных, 24 пулемета, орудие и другое военное снаряжение.

УЛИЧНЫЕ БОИ В ТЕРУЭЛЕ

Попытки танков разрушить преграду на мосту ни к чему не привели. Неудачей закончились и поддержанные танками две другие атаки пехотного батальона.

Командиры 70-й дивизии и танкового полка решили в течение ночи построить две переправы, после чего одновременно в трех местах форсировать Турию.

Темная и морозная ночь. Вдоль шоссе, повернув пушки в сторону семинарии, вытянулись танки БТ-5 и бронеавтомобили. В просторных помещениях склада сельхозмашин, укутавшись в одеяла, кучками расположились усталые и продрогшие бойцы 92-й бригады.

Степан Иванович Кондратьев и я стояли у двери небольшой хибарки и вели разговор о предстоящих танковых боях в городе. Ночную тишину нарушали выстрелы, доносящиеся со стороны города. До начала решительного штурма оставалось 30 минут. Вдруг командир полка вскрикнул и с перекошенным от боли лицом стал опускаться на землю. Я бросился к нему и с помощью товарищей перенес в дом. Его ранило шальной пулей. Командование полком принял майор Владимир Иванович Кольнов.

В назначенное время бойцы 92-й республиканской бригады вместе с бронетанковой группой пошли в наступление. Действуя согласованно и решительно, танковые, броневые и стрелковые подразделения сломили сопротивление оборонявшихся. Артиллерийско-пулеметный огонь фашистов заметно ослабел.

К счастью, из-за плохой погоды вражеская авиация в этот день не действовала.

Под прикрытием танков стрелковые бригады 70-й дивизии одновременно в трех местах форсировали реку Турию и после непродолжительного, но

упорного боя захватили плацдарм на ее восточном берегу.

После того как нижний приречный Аррабел был очищен от противника, смешанные танко-стрелковые группы республиканцев двинулись штурмовать расположенные на большом холме центральные районы Теруэля. На крутых, перерезанных противотанковыми рвами и баррикадами заснеженных улочках завязались ожесточенные бои за каждый метр городской территории, за каждый квартал и дом. Противник защищался с отчаянностью обреченного, умело используя заранее подготовленные для обороны капитальные здания и разветвленную сеть тесно связанных между собой подземных коммуникаций.

На рассвете потери атакующих заметно возросли. Был момент, когда наступление, казалось, захлебнется. Однако остановить наступательный порыв окрыленных успехом антифашистов уже было невозможно. Небольшие группы испанских патриотов в сопровождении танковых взводов лейтенантов Евграфа Аристова, Ивана Мркквы, Михаила Сучкова, Николая Хорошкова, Кирилла Савова и даже отдельных танков под управлением Павла Демкина, Василия Власова, Прокопия Лобанова, Ольдржиха Хакена, Михаила Данилина и Владимира Кручинина растеклись по западной окраине города, находя бреши в обороне противника, смело штурмуя его многочисленные опорные пункты.

Много находчивости, отваги и самопожертвования проявили молодые воины народной армии в борьбе с кадровыми частями окопавшегося в городе-крепости сильного врага. Энергично взаимодействуя со стрелковыми частями и подразделениями, быстроходные танки БТ-5, предназначенные главным образом для высокоманевренных полевых и массированных действий, были вынуждены втянуться в невыгодные для них и чреватые тяжелыми последствиями уличные бои, где из каждого окна, подвала, чердака и подворотни их подстерегали поджигатели, где скоростные и бронезащитные особенности машин сводились на нет.

Несмотря на очень тяжелые условия, молодые танкисты-интернационалисты воевали отлично. Танковые взводы и отдельные машины, около которых группировались бойцы стрелковых подразделений, обстрели-

вали из пушек и пулеметов огневые позиции фашистов, давая возможность своим пехотным группам без особых потерь продвигаться вперед и захватывать строение за строением.

В тех редких случаях, когда боевые машины отрывались от своей пехоты на «непрочесанные» улицы, на них с верхних этажей домов сыпались вражеские «зажигалки» и связки гранат. По этой причине на танке Аполлинария Леськова и на двух броневиках возникли пожары. Заметив огонь в трансмиссионном отделении, водитель танка не растерялся и, развив высокие обороты двигателя, с помощью воздушного вентилятора выбил наружу пламя вместе с остатком зажигательной смеси, быстро потушил пожар. Броневики же отстоять не удалось.

Медленно, шаг за шагом преследуя огрызающегося противника, продвигались 32-я и 92-я бригады 70-й дивизии и поддерживающие их танки к центру города. Некоторые, особенно упорно защищаемые противником, здания пришлось обойти.

Петля окружения фашистских войск, оборонявших город, понемногу затягивалась, и наши части вышли в центр Теруэля. Словно празднуя народную победу, из-за хмурых туч выглянуло солнышко. На центральной площади Торико мы увидели тела двадцати зверски замученных фашистами республиканцев. Забинтованные головы, руки, ноги погибших свидетельствовали о том, что их взяли в плен ранеными.

На улицах города царил хаос. Магазины, церкви, богатые дома и типография оказались разграбленными. Повсюду на мостовых и тротуарах битые стекла, обломки мебели, домашний скарб и рождественские открытки. Потом выяснилось, что фашисты согнали мирных жителей в подвалы подготовленных к обороне зданий и учинили грабеж, рассчитывая отнести эти злодеяния за счет Народной армии.

После занятия стоящего на перекрестке трех улиц огромного дома механик-водитель танка Лонгвин Мещеркин и командир башни Цезаре Прадо подвели ко мне двух пленных.

— Посмотрите, пожалуйста, на этих «идейных» сеньоров,— сказал Лонгвин и с помощью Прадо стал вытряхивать из карманов фашистов разные вещи. На

постланное на земле одеяло полетели золотой и серебряный портсигары, разбитый на части массивный церковный серебряный крест с золотым распятием, золотые часы, кольца, цепи, браслеты, нательные крестики, броши, драгоценные камни, американские доллары и другие ценности.

Мародерами оказались капитан и сержант франкистской армии. На мой вопрос через переводчика, как совместить понятие об офицерской чести с ограблением мирных жителей, капитан ответил:

— В войну мы, военные, платим крупно — своей жизнью, а жители — мелочью, так что переживут. Деньги не пахнут. Если бы эти ценности не тронули мы, то их все равно взяли бы другие.

Надо сказать, что и в дальнейшем при обыске пленных у многих из них были обнаружены ценные вещи и драгоценности, похищенные у населения и в храмах. После того как все изъятые у грабителей ценности были оприходованы, они вместе с философствующим мародером были отправлены в Валенсию.

В течение последующих двух дней подавляющее большинство вражеских очагов сопротивления в городе было ликвидировано. Исключение составили тактически выгодные для обороны здания семинарии, Арагонского банка, монастыря «Санта Клара», госпиталя и дома гражданского губернатора, в которых прочно засели и продолжали упорно сопротивляться крупные гарнизоны противника численностью свыше 10 тысяч человек.

Фашистское командование, обескураженное падением неприступного Теруэля, в спешке пыталось отбить город, бросив в бой свои резервы. Республиканские воины мужественно отразили более двадцати атак противника. Понеся значительные потери, фашистские вожаки поняли, что наскоком Теруэль не взять и, отменив наступление на Мадрид, стали накапливать силы для решающего удара.

— Тут бы нашим танкам с двумя-тремя дивизиями пехоты ударить по противнику. Захватить участок железной дороги Теруэль — Сарагоса и отнести фронт на 50—60 километров западнее Теруэля! — возбужденно сказал майор Фотченков, когда у нас речь зашла о дальнейшем развитии успешно начатой операции.

Все мы понимали, что занятые республиканскими войсками всего в 5 километрах от Теруэля неудобные для обороны рубежи очень ненадежны и серьезной защитой города не являются.

— Будем надеяться, что наше командование военную инициативу врагу не отдаст,— ответил Кольцов и почему-то тяжело вздохнул.

Поверив заверениям Франко о скорой деблокаде Теруэля, потерявшие от страха разум руководители окруженных мятежников насильно согнали запуганных горожан в сырые подвалы своих казематов, обрекая детей, женщин и стариков на голод, болезни и страдания. Они жестоко расправились с теми, кто требовал прекращения бессмысленного сопротивления и кто отказался следовать за ними.

Трусливо прикрываясь детьми, женщинами и стариками, они думали спасти свои шкуры. Чтобы избежать напрасного кровопролития и разрушений, к осажденным было направлено обращение:

«Республиканское Правительство, стремясь уменьшить количество жертв, отдало приказ республиканским войскам облегчить выход из Теруэля гражданскому населению без ограничения возраста и пола... Республиканское Правительство гарантирует жизнь и свободу всем лицам, которые выйдут из города... а также жизнь бойцам, сдавшим оружие».

В ответ на это гуманное предложение фашистские группы в городе усилили диверсионно-террористическую деятельность. От их пуль пострадали не только бойцы, но и многие жители, главным образом дети и старики.

Недалеко от банка во время перевязки тяжелораненого бойца фашистским снайпером была выстрелом в спину убита юная санитарка, любимица танкистов Лючия. В районе семинарии фашистские диверсанты убили шофера водоцистерны Рамона Рубио, пытавшегося обеспечить население водой. Ими были взорваны электростанция, водопровод и хлебопекарня.

Все это вынудило республиканское командование принять действенные меры по уничтожению бандитских логовищ.

Находясь в самой гуще событий, по горло занятые заботами по очистке города от вражеских гарнизонов, мы по-настоящему оценить тогда теруэльскую победу не смогли.

Несколько позже, по прочтении газет, нам стало понятно, что поражение мятежной военщины у Теруэля вызвало большое ликование трудового народа Испании, гордость за свою армию, которая проявила героизм и умение воевать не только в обороне, но и в наступлении. «Это огромная оперативная победа молодой республиканской армии»,— писала одна валенсийская газета. И действительно, бои у Теруэля показали несомненный рост боевой готовности, силу и большие возможности Народной армии, самоотверженность и героизм ее бойцов. Они подняли боевой дух испанского народа и привлекли внимание антифашистов во всем мире.

Одновременно с этим был сильно подорван престиж мятежной военщины и ее итало-германских союзников, которые были вынуждены прекратить, по существу, законченную подготовку крупной наступательной операции с целью захвата Мадрида и спешно перебросить войска и боевую технику на восстановление положения у Теруэля.

Даже такой непримиримый враг республики, как немецкий посол в Саламанке фон Штерер, вынужден был признать большой успех республиканских войск под Теруэлем. В донесении Берлину он писал:

«Главным результатом битвы является то, что она показала, что красные сумели значительно повысить боеспособность и боевой дух своих войск и захватить благодаря этому инициативу. В последнее время порядок и дисциплина преобладают в тылу у красных».

В этот период большого подъема в республиканских войсках и растерянности фашистского командования военная инициатива полностью перешла в руки Народной армии. Можно было ожидать от высшего республиканского командования дальнейших трезво продуманных решений и действий. Однако, вместо того чтобы решительно использовать выгодно сложив-

шуюся для народных войск обстановку и сорвать готовящееся новое фашистское контрнаступление, военный министр Индалесио Приэто и генеральный штаб, вопреки здравому смыслу, поспешили объявить операцию законченной и снять с фронта большую часть войск.

В обороне на теруэльском участке фронта были оставлены лишь 11-я, 64-я, 39-я и 70-я сильно ослабленные в боях дивизии.

Это была роковая ошибка Приэто и его штаба.

40-я дивизия и наш танковый полк продолжали бои по ликвидации окруженных фашистских гарнизонов. 27 декабря подразделения 87-й бригады и танки БТ-5 из роты капитана Губанова сломили сопротивление фашистов, засевших в здании Арагонского банка, и пленили большую группу мятежников. Из подвалов банка было освобождено много заложников из местного населения, состояние которых было ужасным. В семинарии начался большой пожар.

В этот день в Теруэль приехала Долорес Ибаррури. Счастливые и гордые победой, радостно встречали воины свою Пассионарию. Примостившись у танковых башен, мы во все глаза смотрели на одетую в черное платье, скромную и простую, как сама Испания, революционерку, окруженную еще не остывшими от боя и радостно возбужденными бойцами и жителями. Несмотря на радость победы, ее гордое и красивое лицо носило печать большой усталости и озабоченности. С состраданием она смотрела на лица освобожденных из фашистской неволи детей и по-матерински гладила головку очень худенькой девочки.

Поравнявшись с нашим танком, Ибаррури остановилась и спросила сопровождавшего ее офицера, можно ли в настоящее время чем-либо накормить детишек и стариков. По жестикуляции офицера и ставшему еще печальнее лицу Долорес мы поняли, что ответ ее не обрадовал. Надо сказать, что в эти дни положение с продовольствием в республиканских войсках под Теруэлем было напряженное, и это мы чувствовали на себе.

При виде истощенных от голода теруэльцев мы решили немного помочь им. Нет нужды объяснять, что для бойца на войне означает НЗ (неприкосновенный

запас) продуктов и как воин дорожит им, сохраняя до самого что ни на есть исключительного случая.

Для танкового же экипажа НЗ дороже втройне. Во-первых, потому что он коллективный — один на троих, а во-вторых, и это главное, что позволяет в случае автономных действий в отрыве от тылов или во вражеском окружении вести борьбу продолжительное время.

И вот, не будучи сами вполне сытыми, понимая, что нарушаем порядок использования НЗ, мы стали выкладывать перед жителями банки консервированного мяса, рыбы, молока, сухари, копченую колбасу и шоколад.

Трудно описать радость голодных людей, и особенно матерей, получивших немного молока и сухарей для своих полуживых детей. Когда Долорес Ибаррури увидела посветлевшие лица теруэльцев, получивших подарок танкистов, глаза ее повлажнели и, подойдя к нашей группе и сердечно пожав всем руки, она взволнованно сказала:

— Мучас грасиас, танкистас! [1] Это по-братски, по-русски! Салуд, камарада!..

В книге «Единственный путь» Долорес Ибаррури, вспоминая о теруэльских днях, пишет:

«Приехав в Теруэль вскоре после его освобождения республиканскими войсками, я разговорилась с бойцами и жителями «города влюбленных».

Торопливо, нервозно, еще находясь во власти страшного кошмара, жители рассказывали об ужасах фашистской оккупации, о преступлениях, совершавшихся на площади Торико, куда сгоняли на расстрел всех мужчин и женщин, известных своими демократическими убеждениями» [2].

Как и можно было ожидать, генерал Франко воспользовался пассивностью и недальновидностью высшего республиканского командования, беспрепятственно сосредоточил западнее Теруэля свои лучшие армейские корпуса «Галисия» и «Кастилья», а также Иностранный легион и марокканские части общей чис-

---

[1] Большое спасибо, танкисты!

[2] *Долорес Ибаррури.* Единственный путь. М., Госполитиздат, 1962, стр. 386.

ленностью более 100 тысяч человек, сотни самолетов и 50 танков.

Утром 30 декабря противник перешел в наступление. Его северная группа в составе 54-й, 62-й и 83-й пехотных дивизий при поддержке танков и авиации обрушились из района Серро Гордо — Кауде на позиции, занимаемые 39-й и 11-й дивизиями республиканцев, а четыре дивизии южной группы франкистов наступали на фронте Сан-Блас — Кампильо против 70-й и 64-й дивизий республиканцев. Разгорелся ожесточенный бой.

О напряженности боя и героизме испанских патриотов красноречиво свидетельствуют приводимые ниже боевые донесения командиров 1-й, 9-й и 100-й бригад 11-й дивизии товарищей Качо, Родригеса и Ривеса:

«1-я бригада... 30 декабря. На рассвете, после сильной артиллерийской подготовки, противник начал новую бешеную атаку с использованием еще большего количества оружия и людей, чем накануне. Наши войска продолжали сражаться с непревзойденным героизмом, но в некоторых местах вынуждены были отойти. В результате героических усилий мы вернули потерянное, принудив танки противника, уже достигшие наших позиций, отступить».

«9-я бригада... 30 декабря. После длительной авиационной и артиллерийской подготовки противник бросил большое количество людей и техники в яростную атаку, направленную главным образом против сектора 100-й бригады. Мы встретили его сильным фланговым огнем, отбили все атаки и причинили большие потери. Этот маневр был совершен быстро и с большой отвагой».

«100-я бригада... 30 декабря. Накануне мы сохранили наши позиции в итоге ожесточенного боя, в котором противник понес огромные потери. Сегодня он предпринял новую атаку крупными силами людей, поддержанных большим количеством танков и другими военными средствами, эта атака, как и вчера, была отбита нашими солдатами со сверхчеловеческим напряжением. Мы сходились в рукопашной схватке не только с людьми, но даже с танками, достигшими линий нашей обороны. Причем люди не покинули своих позиций, они вывели из строя несколько танков

противника, а других обратили в бегство. Тела раненых и трупы мятежников покрывают поле боя. Враг не подбирает их»[1].

С неменьшим напряжением и ожесточением развернулись бои и на других участках фронта. Сильно поредевшая от непрерывных боев 64-я дивизия, не имея авиационного прикрытия, не выдержала ударов бомбардировочной авиации и под напором двенадцати батальонов противника отступила на ранее занимаемые позиции у Лома Гордо — Рубиалес. Противник занял высоты Лос Моронес, Педриса и Кампильо.

На рассвете следующего дня две дивизии мятежников, поддерживаемые несколькими эскадрильями итало-немецкой авиации и сорока танками, обрушились на Конкуд и Муэла-де-Теруэль. 68-я дивизия республиканцев, сменившая 11-ю дивизию, не выдержала такого мощного удара и оставила Конкуд. К восемнадцати часам до восьми батальонов вражеской пехоты с танками впереди, под прикрытием самолетов подошли к западной окраине Теруэля, предполагая с хода ворваться в город. Когда густые цепи мятежников с танками «ансальдо» приблизились к отдельным домам городской окраины, пушечным огнем из засады встретили их наши танки. Два «ансальдо» окутались черно-желтым дымом.

В этот критический момент большой фашистский отряд с боем прорвался из окруженной республиканцами теруэльской семинарии и ударил в спину подразделений 87-й бригады, оборонявших западную окраину. Республиканская рота не выдержала внезапного удара с тыла и, оставив позиции, бежала.

Сотня метров отделяла «семинарцев» от спешивших им навстречу фашистских батальонов. К счастью, вблизи кладбища в этом районе располагались наши танки. Увидя прорвавшихся с тыла мятежников, майор Кольнов повернул против них танковые взводы болгарина Сиби Дичева и Михаила Сучкова, а сам с остальными танками занял позиции, оставленные бежавшей ротой. Круша неприятеля пулеметным огнем и гусеницами, танкисты отбили все его атаки, принудили остатки «семинарцев» вернуться в свое логово.

[1] *Энрике Листер.* Наша война, стр. 200—201.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Во второй половине последнего декабрьского дня погода окончательно испортилась, но артиллерийская перестрелка не затухала. Положение наших частей, ведущих бой на два фронта — с наступающими с северо-запада батальонами противника и его недобитыми группами в городе, крайне осложнилось. К вечеру небо заволокло черными тучами и разбушевался ветер. Острые, как иголки, крупинки сухого снега больно кололи застуженные лица, слепя смертельно уставших бойцов. Разглядеть ничего нельзя — сплошное море тумана. Вдвое сложенные одеяла, накинутые на головы и плечи, не в состоянии защитить от пронизывающего ветра. Забившись в окопы, бойцы жались друг к другу, чтобы согреться, но постепенно их засыпало снегом. Разложить костер, конечно, невозможно. Спать? Разве можно спать при таком холоде? Уснешь — и конец.

Рассвирепевший ветер яростно срывал кровлю с домов, с корнями вырывал деревья. Внутри заснеженных танков было несколько лучше, однако и тут от стужи зуб на зуб не попадал.

Воспользовавшись темнотой и непогодой, мы решили увести с нейтральной территории подбитые накануне танки. При помощи бронированного тягача и двух танков БТ-5 все машины были эвакуированы из опасной зоны, и наша небольшая колонна двинулась на сборный пункт аварийных машин, расположенный рядом со штабом полка. Густой снег при встречном ветре затруднял видимость и заставил двигаться со скоростью пешехода. На площади Торико нам повстречалась группа солдат. На мой вопрос, куда они торопятся, молоденький лейтенант взволнованно ответил:

— Омбре! [1] Франкисты ворвались в город. Если не хотите попасть к ним в лапы, следуйте за нами!

Обозвав лейтенанта и его спутников паникерами, мы по пустынным улицам добрались до штабного особняка, но никого там не застали. Вышли на Сагунтское шоссе. Оно было запружено бегущими из Теруэля людьми. Выбрав удобный для обороны участок мест-

[1] Человек!

ности и расставив танки у развилки дорог, мы вместе с двумя испанскими офицерами предприняли попытку остановить военных и организовать их для отпора врагу, но тщетно. Нас никто не слушал. Выведенные из себя испанские офицеры направили на толпу пулеметы и надрывая горло пытались остановить ее, но объятые паникой люди обходили заставу. На южной окраине мы наткнулись на машину майора Кольнова и танки. На мой недоуменный вопрос о причинах столь поспешной передислокации техники Владимир Иванович ответил, что был вынужден это сделать, потому что пехотные бригады, оборонявшие город, не предупредив танкистов, оставили свои позиции и ушли из Теруэля.

Все попытки связаться с вышестоящими штабами, чтобы выяснить этот вопрос и сориентироваться в сложившейся обстановке, ни к чему не привели. Несмотря на отход пехоты, танковые подразделения долгое время продолжали держать оборону одни. Наступила полночь, а обстановка не прояснялась.

Предполагая, что республиканская пехота оставила город по приказу свыше, который до него не дошел, и не желая быть отрезанным от своих войск, майор Кольнов отвел танки на южную окраину, продолжая попытку связаться со штабами корпуса и армии.

Создалось беспрецедентное и пикантнейшее положение, когда успешно наступающие на Теруэль и жаждущие его захвата дивизии франкистов вдруг, как загипнотизированные, остановились у распахнутых ворот города, оставленного республиканскими войсками. Такое могло случиться лишь потому, что войсками обеих сторон не велась активная разведка, и в частности разведка боем. Основным источником информации о противнике здесь считали визуальное наблюдение, чему благоприятствовал характер местности. А что можно было наблюдать в такую темную и вьюжную ночь!

Я рассказал Кольнову и собравшимся офицерам о том, что совсем недавно видел в Теруэле, и предложил, пока не поздно, исправить допущенную ошибку и вернуться на старые позиции. Это предложение было принято. Не прошло и часа, как возглавляемый мною передовой отряд из пяти танков и бронетягача под завывание вьюжного ветра, сквозь тьму и сугробы вышел

на западную окраину и беспрепятственно занял переправу через Турию. Вслед за нами старые позиции заняли и другие танки полка.

Под утро нами была налажена связь с находящейся севернее города танковой ротой Алексея Разгуляева, а из штаба корпуса был получен запоздалый приказ: «Танковому полку отбить атаки противника, наступающего из Конкуда, и обеспечить возвращение в город частей 40-й дивизии». К чести танкистов, они своевременно исправили допущенную ошибку и первыми, задолго до рассвета, вернулись в Теруэль, чем предотвратили захват его фашистами.

Между тем бежавшие из города пехотинцы 40-й дивизии, под воздействием ротных политделегатов замедлили шаг и вскоре остановились у аппетитно пахнувших кухонь. Затем сытые и отдохнувшие от утомительного «марафонского» бега солдаты, подталкиваемые попутным ветром, зашагали по укатанному танками шоссе обратно в Теруэль.

Остаток ночи мы с Кольновым, Дамяновым и Мартинесом провели в полуразрушенном особняке рядом с церковью Сан-Педро. В камине с треском горели обломки мебели, освещая увешанную картинами, богато обставленную гостиную. У покрытого газетами стола хозяйничал наш помпохоз Христо Дамянов. Длинной навахой он вытащил из консервной банки покрытые янтарным жиром куски тушенки и разложил на ломти черствого хлеба, а затем налил из бурдюка в кружки вино.

Подняв кружку, Мартинес сказал:

— Вива либра Эспаниа! Вива Ла Унион Советик! [1]

— За Родину! — одновременно с Кольновым ответил я.

После ужина или завтрака мы с Владимиром Ивановичем устроились на широком диване возле камина.

— Дома праздничная елочка! Хотя бы одним глазом взглянуть на своих,— мечтательно сказал я.

— Я тоже скучаю по жене и дочурке,— сквозь сон ответил он.— Вспоминают ли они о нас?

Передо мною встали запорошенные снегом наро-

---

[1] Да здравствует свободная Испания! Да здравствует Советский Союз!

фоминские ели, а среди них резвятся Сашенька и Колюха...

Артиллерийская канонада прервала короткий сон. Фашистские войска пошли в атаку на наши позиции. Наступило первое утро 1938 года.

В ОБОРОНЕ

В день относительного затишья на нашем участке я и Фотченков разговаривали у развернутой топокарты. Вдруг штабной переводчик, настраивавший капризный радиоприемник, крикнул:

— Поймал Севилью! Сейчас будет говорить Кейпо де Льяно.

Наслышанные о скандальных выступлениях этого фашистского «радио»-генерала, мы побросали дела и поудобнее уселись у приемника. Не доверяя своим зыбким знаниям испанского языка, попросили переводчика как можно подробнее переводить речь соратника генерала Франко.

В начале Кейпо де Льяно заявил, что утверждение красных о взятии ими Теруэля — бесстыдная ложь.

— В настоящее время неприступную крепость Теруэль твердо держит в своих руках десятитысячный гарнизон националистических войск под командованием подполковника Рей д'Аркура,— говорил он.— Я вас спрашиваю, как же там могут находиться красные? Разве что в качестве пленных? Я со всей ответственностью заявляю, что красным не видать Теруэля как своих ушей!

Тут мы рассмеялись.

— Ну и дает же пройдоха! — закатываясь смехом, проговорил Фотченков.

— Если бы не отборные русские дивизии, то мы давно бы покончили с коммунистами. Среди русских танкистов в Испании орудуют такие большевистские фанатики, как генерал Павлов, полковник Кондратьев, майоры Фотченков, Ветров...

Услышав свою фамилию, я опешил, настолько это было неожиданно. «Характеризуя» нас, Кейпо де Льяно обливал грязью советских добровольцев, нагромождая одну нелепицу на другую.

Позднее лживое утверждение фашистского генерала об участии в испанской войне «русских дивизий» было подхвачено многими буржуазными борзописцами и даже историками. Встречались и такие воинствующие антисоветчики, которые утверждали, что на стороне республиканской Испании было лишь 86 советских добровольцев. Истины ради следует сказать, что в рядах республиканской армии в те годы сражались 772 советских военных летчика, 351 танкист, 100 артиллеристов, 222 общевойсковых советника, 77 военных моряков, 339 военных инженеров, техников и других военных и промышленных специалистов, а также 202 переводчика, вклад которых в антифашистское сопротивление был очень большим. Однако, если бы не итало-германская интервенция и предательская политика Англии, Франции и США, испанский народ сам бы справился с мятежной военщиной.

Утром 7 января после упорных боев с применением танков в Теруэле был захвачен фашистский гарнизон численностью 2500 человек во главе с подполковником Рей д'Аркуром, а несколько позже еще один гарнизон, в котором было пленено до 5 тысяч человек и захвачено много оружия и боевых припасов. 8 января со всеми окруженными в городе фашистскими гарнизонами было покончено. По оценке республиканского командования, действия Интернационального танкового полка были признаны умелыми, самоотверженными и результативными.

Ошибочно считая, что противник, понеся большие потери, откажется от попыток захвата Теруэля, командование народных войск вторично вывело 20-й и 21-й армейские корпуса в резерв. Воспользовавшись этим, мятежники начиная с 13 января направили все свои усилия на захват господствующих над Теруэлем высот Альто-де-лас-Селадас, Эль-Мулетон, Санта-Барбара, Мансуето.

Только для взятия Альто-де-лас-Селадас и Эль-Мулетон генерал Франко выделил 4 пехотные дивизии, 40 танков и 160 самолетов. 15 и 16 января мятежники обрушили на защитников Альто-де-лас-Селадас сотни бомб и снарядов. Малочисленная республиканская артиллерия была не в состоянии противостоять превосходящей во много раз артиллерии противника,

а республиканские самолеты в это время находились на ремонте.

К этому времени танковые и броневые роты нашего полка были приданы дивизиям и бригадам, оборонявшим город. 17 января армада вражеских самолетов в течение целого дня непрерывно бомбила Альто-де-лас-Селадас, а франкистская артиллерия произвела по этой высоте большой мощности артналет. Потеряв более половины своего состава, 39-я дивизия республиканцев была вынуждена отступить.

20 января севернее Теруэля появилась эскадрилья вражеских самолетов и, пользуясь отсутствием у республиканцев авиационного и зенитного прикрытия, стала с небольшой высоты бомбить наши позиции. И снова, в который раз за день, прятались мы в дрожащем от взрывов окопчике под танком, лелея надежду остаться живыми.

Вслед за самолетами по нашему участку обороны ударила артиллерия, и сразу же со стороны Конкуда на город двинулись цепи франкистов, сопровождаемые танками. Чтобы сорвать их наступление, танковая рота капитана Петра Сиротинина перешла в контратаку. Появление стремительно несущихся БТ-5 остановило, а затем и расстроило ряды противника. Многие солдаты залегли на открытой местности, а другие, неся потери, стали пятиться...

Танк лейтенанта Ивана Мрквы, ведомый Павлом Демкиным, стремительно вырвался вперед и, врезавшись в гущу мятежников, стал утюжить их гусеницами. Выстрел, другой, и ближайший «ансальдо», неуклюже подпрыгнув, остановился. В его борту зияло большое дымящееся отверстие. Недалеко ярким пламенем горели два его собрата, подбитые Сиротининым и Гонсалесом.

Танкисты действовали смело и решительно. Они отсекли пехоту от «ансальдо» и, маневрируя по равнине, пулеметно-артиллерийским огнем и гусеницами уничтожали фашистскую пехоту. Три танка БТ-5 пустились вдогонку за удиравшими танками противника и подбили три из них. Снежное поле покрылось трупами. Чадящий дым стлался от горящих танков.

Желая предотвратить полное уничтожение своих танков и пехоты, командование фашистов вновь на-

правило против нас авиацию и открыло заградительный артиллерийский огонь. Преследование прекратилось, и все наши танки вернулись на свои позиции.

В этом небольшом боевом эпизоде отчетливо проявилось превосходство республиканских танкистов и советских танков перед фашистскими. И в самом деле, если грозный для африканцев и первых защитников Мадрида итальянский танк «фиат-ансальдо» был вооружен одним пулеметом, и то без башенной установки, то советский высокоманевренный, колесно-гусеничный танк БТ-5 имел установленную во вращающейся бронебашне 45-миллиметровую пушку, спаренную с пулеметом ДТ, и боекомплект из 115 снарядов. Что же касается силовой установки, запаса хода, скорости движения и проходимости, то применяемые в испанской войне итальянские и немецкие танки значительно уступали танкам БТ-5.

Безусловно, германское командование знало о подавляющем превосходстве советских танков над итало-немецкими. Оно не скрывало, что рассматривает Испанию как полигон для испытания своей военной техники, вооружения, приемов их боевого использования и тактики войны. «Испытывая в течение двух лет в Испании наше военное снаряжение и тренируя там наших солдат, мы значительно опередим другие государства»,— писал в докладе своему начальству в 1938 году немецкий генерал Рейхенау.

Уже позже, под влиянием опыта войны в Испании, гитлеровское командование ускоренными темпами завершило разработку пушечно-пулеметных танков Т-II, Т-III и Т-IV.

Однажды вечером я забрался в небольшую пещеру, которая служила командным пунктом и госпиталем, и удобно устроился рядом с ранеными на тюфяке, недалеко от жаркой «буржуйки». В центре пещеры на скамье рядом с телефонным аппаратом стояла закоптелая «летучая мышь», тускло освещая усталые и осунувшиеся лица Петра Сиротинина, Павла Демкина, Александра Евликова и медсестры Эллы, а на печке шумел видавший виды помятый чайник.

— Паша, сыграй что-нибудь веселенькое,— попро-

сил Евликов, протягивая Демкину аккордеон с перламутровой инкрустацией.

Демкин нехотя взял инструмент и задумчиво прошелся по клавишам, вздохнул и сказал:

— Не могу, ребята. Не то настроение,— и передал аккордеон Евликову.

Но и у того, несмотря на большое старание, ничего не получилось. Вообще в этот вечер общий разговор как-то не клеился.

Воспользовавшись уходом товарищей, я подсел к Демкину и спросил, чем объясняется его хандра.

— Не спокойно что-то мне,— сказал он задумчиво и, не давая мне сказать хотя бы слово, стал сбивчиво говорить о семье и о неосуществленных планах...

Допоздна сидели мы у дымящей печурки, пили кофе с трофейным ромом и вспоминали детство и беспокойную комсомольскую юность...

Утром, уезжая на другой участок фронта, я встретил Павла Демкина за маскировкой своего танка на новом месте. Он был, как всегда, деловито сосредоточен и приветлив. От вчерашней хандры не осталось и следа.

К обеду я вернулся и, войдя в пещеру, увидел Демкина. Он лежал на матраце. В лице ни кровинки...

— В спину фашистские гады убили нашего Пашу,— сквозь слезы сказал Евликов.

Смерть Павла Демкина глубоко опечалила всех, знавших этого храброго солдата, верного друга и самоотверженного интернационалиста. Напряженная обстановка на теруэльском фронте не позволяла отдать воину должных почестей, и, завернув его тело в простыню, мы на броневике отправились на южную окраину, чтобы оттуда наши люди отвезли его на одно из тыловых кладбищ.

Преодолев образовавшиеся за ночь завалы на улицах города и полуразвалившийся мост, мой броневик, постукивая поршневыми пальцами, стал медленно подниматься по крутой и разбитой дороге. Вскоре показались искалеченные дома южной окраины. Почти на самом подъеме горы нашу колонну неожиданно атаковали пикирующие бомбардировщики. Пули и осколки бомб и камней забарабанили по бронекорпусу. Остановив машину, водитель броневика выско-

чил наружу, за ним бросился и я. Пробежав шагов десять, я укрылся в дымящейся, еще горячей воронке.

От разрыва бомб, дыма и пыли потемнело, а затем вдруг все смолкло...

Очнулся я от толчков шофера. По его губам понял, что он что-то говорит, но ничего не слышал. В ушах страшный гул. Пошатываясь, вышли на дорогу. Наш броневик лежал на боку...

С многочисленными ссадинами и в изодранной одежде мы уселись на один из уцелевших броневиков и с большим трудом выбрались из руин. В медроте нам оказали первую помощь. Несколько дней я ничего не слышал, шумело в голове и болела левая нога. В обстановке тяжелых оборонительных боев было не до лечения. В скором времени с помощью медиков головная боль стала терпимой, но левое ухо перестало слышать навсегда.

26 января 27-я и 46-я дивизии при поддержке четырнадцати наших танков предприняли попытку овладеть высотой Альто-де-лас-Селадас и участком дороги Теруэль — Сарагоса, но под воздействием авиации противника были вынуждены отступить на старые позиции. Как нам позже стало известно, в последнем бою храбростью и выдержкой отличился экипаж танка под командованием чехословацкого коммуниста Ярина Шонбаха.

Дерзко атакуя основательно окопавшегося и огрызающегося противника, БТ-5 перемахнул через вражеский окоп и стал огнем и гусеницами уничтожать огневые средства и живую силу франкистов. «Боеприпасы на исходе, пора возвращаться за пополнением»,— подумал Ярин и в этот миг увидел дымную вспышку огня.

— Пушка слева! — крикнул он механику-водителю Ивану Биреву и повернул башню в ее сторону. В этот момент бронекорпус танка вздрогнул от гулкого удара. Из ниши башни вниз полетели диски и запасные стволы.

Командир башни Игнасио Пенья, обливаясь кровью, свалился со своего места. Ярин застонал и руками обхватил окровавленную голову. Осколки металла раскаленными иголками вонзились в шею Бирева. Горячие ручейки крови потекли по спине. Стис-

нув зубы, не отрываясь от смотрового прибора, он направил машину на суетившихся у орудия фашистов. Нервы артиллеристов не выдержали и, бросив орудие, они разбежались.

Раздавить лафет противотанковой пушки, разбить штабель снарядов и покончить с орудийной прислугой было делом нескольких минут. Разделавшись с орудием, Иван повел машину к видневшейся вдали линии телеграфных столбов, надеясь по этим ориентирам добраться до своих.

Уже смеркалось, когда танк вышел на Теруэльское шоссе. Не успел он пройти и километра, как от взрыва противотанковой мины с машины была сорвана гусеница, а в днище образовались трещины и выпуклости. Танк потерял подвижность. Убедившись, что машину не восстановить, Бирев задраил люки, оказал медицинскую помощь товарищам и вместе с Шонбахом приготовился к обороне. Однако вскоре в моторном отделении возник пожар, и оставаться в танке было опасно.

Захватив гранаты и пулемет с дисками, танкисты выползли через аварийный люк под днище танка и перенесли туда тяжелораненого товарища. Они решили отбиваться до последнего патрона. Когда наступила темнота, Бирев взвалил на спину Игнасио и пополз вперед. Волоча пулемет, за ним с трудом передвигался Ярин. Ползти по глубокому снегу было тяжело. Болели раны, мерзли руки, окоченели ноги. Вскоре выбившегося из сил Бирева сменил Шонбах. Попеременно сменяясь, они метр за метром продвигались к железнодорожной насыпи. Только к рассвету еле живые танкисты добрались до передовой линии республиканской бригады и принесли спасенного побратима.

ЗАТИШЬЕ

После боя за Альто-де-лас-Селадас противник прекратил атаки на Теруэль. Республиканское командование, используя наступившую паузу на фронте, в третий раз отвело свои главные силы в резерв. В связи с тем что танковые батальоны, участвовавшие в пер-

воначальных боях, были выведены на ремонт, вся тяжесть танкового обеспечения обороны Теруэля легла на плечи нашего полка.

В целях укрепления республиканской обороны все танки и бронемашины были поротно рассредоточены по боевым участкам вдоль оборонительной полосы республиканских войск от Муэла-де-Теруэль до Эль-Мулетона. На передовую прибыли саперные подразделения и группы медиков. Они унесли из окопов раненых, похоронили убитых. Затем были восстановлены изрядно разрушенные траншеи, вырыты бомбоубежища и углублены укрытия для танков.

Стрелковые подразделения получили пополнение в людях, вооружении и боеприпасах. Танки были приведены в полный порядок и пополнены боеприпасами и горючим. Словом, защитники Теруэля сделали все возможное для должного отпора врагу.

Ночь под 1 февраля выдалась холодной, но безветренной. После кромешного ада недавних боев на нашем участке фронта установилась такая тишина, что ушам было больно.

В одиноком каменном сарае западнее Эль-Мулетона, где по соседству с танками устроились свободные от дежурства экипажи танковой роты лейтенанта Алексея Разгуляева, было накурено, я вышел на свежий воздух и присоединился к некурящим товарищам. Они вели разговор о превратностях местного климата.

— Разве это зима? — снисходительно усмехнувшись, сказал механик-водитель Прокопий Лобанов.— Вот у нас в Сибири, это зима!

— Тише, ребята! Тише! — попросил Александр Гаврилин, к чему-то прислушиваясь. Разговор оборвался, и мы услышали далекое пение. Слаженная группа голосов выводила мелодию известной русской песни:

Во-ку, во-кузнице!
Во-ку, во-кузнице!
Во-кузнице молодые кузнецы!..

— Вот дают! — восхищенно сказал Гаврилин и стал вполголоса подпевать незнакомым певцам. За ним стали петь и мы.

Услышать пение на передовой, где еще недавно кипел кровопролитный бой, не совсем обычное явление.

Но трижды удивительно было услышать в горах Испании старинную песню русских солдат.

«Кто может так душевно и в то же время залихватски, с присвистом петь? Ведь у советских добровольцев совсем другие песни»,— подумал я и предложил Разгуляеву пойти на голоса.

Когда мы подошли к окопам, вырытым на обратных скатах возвышенности, оттуда неслось:

Солдатушки — бравы ребятушки, а кто ваши жены?
Наши жены — ружья заряжены, вот кто наши жены!

В просторном бомбоубежище, куда мы вошли, около неказистой жестяной печурки в разных позах расположились пожилые, усатые воины. Не нужно было быть физиономистом, чтобы сразу же узнать в них старых русских солдат.

— Салуд, камарадас! — поздоровался я.

— Салют, салют! — ответил кто-то, не скрывая недовольства непрошеными гостями.

— Хорошо поете,— по-русски сказал я, присаживаясь на снарядный ящик.

Усачи удивленно переглянулись и с интересом посмотрели на нас.

— Кто вы такие? Что здесь делаете? — спросил меня рядом сидящий боец во французской каске.

По известным соображениям мы не могли рассказать им об участии в этой войне советских добровольцев и поэтому придумали историю о нашем, якобы мексиканском гражданстве.

— Мексиканские танкисты на советских танках?! — недоверчиво сказал он, но дальше вопросов не последовало.

Во время завязавшейся беседы, прерываемой шутками и смехом, мы узнали, что находимся в стрелковом подразделении интернациональной бригады, состоящем из русских эмигрантов во Франции, большинство из которых в свое время служили рядовыми или младшими офицерами царской и белой армий.

На вопрос, что заставило их, далеко не молодых и много испытавших людей, оставить семьи и взяться за оружие, мы услышали:

— Прекраснее нашей матушки России страны нет! Мы, члены парижского «Союза возвращения на Родину», присоединились к антифашистской борьбе по-

тому, что ненавидим фашизм, а также потому, что желаем в бою с врагами России заслужить право называться советскими гражданами и возвратиться на священную землю наших предков...

Полковой связной прервал эту интересную беседу, и мы с сожалением покинули убежище новых друзей.

Несколько позже я узнал, что на стороне республиканской армии Испании храбро сражались сотни русских эмигрантов, которых судьба разметала по многим странам. Кроме интернациональных бригад, они честно несли боевую службу в артиллерии, авиации, инженерных частях, госпиталях и в военной промышленности. Многие из них сложили головы в борьбе за свободу Испании, другие сражались с фашизмом в отрядах французского и итальянского сопротивления, а затем возвратились на родину.

СНОВА БОИ

Прошел короткий период фронтового затишья. Получив значительные подкрепления, противник с лютой яростью возобновил атаки. И вновь, не зная отдыха, заметно поредевшие боевые порядки республиканских войск, и в частности танковые и броневые подразделения нашего полка, отбивали попытки фашистов прорваться к Теруэлю.

Третьи сутки танковая рота Алексея Разгуляева, в которой я был вынужден задержаться, вместе с отважными бойцами 35-й пехотной дивизии, вела тяжелые оборонительные бои севернее Теруэля.

Наша оборонительная полоса у Эль-Мулетон была изрыта воронками. В разрушенных окопах валялись винтовки, патронташи, солдатские шапки и клочья одеял. Воздух пропитался гарью и пылью.

Под прикрытием чудом уцелевших стен разбомбленных домов расположились танки БТ-5. В небольших ровиках под машинами укрылись их экипажи. В глубоком дрожащем от взрывов разгуляевском ровике устроился и я.

От душераздирающего завывания снарядов, свиста пуль и оглушительного грохота авиабомб трещала голова и ныло сердце. Прошло более получаса с начала

артиллерийского и авиационного налета противника, а конца его не было видно. В то время как итальянские бомбардировщики «капрони» бомбили Эль-Мулетон, фашистские истребители поливали республиканские боевые порядки свинцовым дождем.

В небе и на земле стоял невообразимый шум. Смертоносный шквал пуль, снарядов, камней, бомб обрушился на обороняющихся. Несмотря на то что мы находились в укрытии, нас засыпало землей. Когда первая группа «капрони» отбомбилась, появились новые бомбардировщики, и все повторилось. За этой группой самолетов прилетела следующая...

Эта авиационная вакханалия продолжалась довольно долго и закончилась так же неожиданно, как и началась. Наступила зловещая тишина. Через десять минут на нас пошли вражеские танки, а за ними — большие группы пехоты. Отдельные подразделения республиканцев, деморализованные бомбежкой и танками, побросав оружие, оставили позиции и бежали в тыл. Большинство же, по примеру танкистов, держалось по-боевому.

Под огневым прикрытием передние ряды франкистов подходили все ближе и ближе к нашим позициям. Когда они подошли на расстояние около километра, наши танки открыли огонь. Я увидел, как один из снарядов разорвался в самой гуще наступающих. Вскоре почти что одновременно загорелись два итальянских танка. Атака противника захлебнулась.

Воспользовавшись небольшой паузой, мы оставили старые позиции и сделали это вовремя, так как появившиеся в небе вражеские самолеты вновь забросали их бомбами. И снова мы, как кроты, прятались в канавах и окопах, отбивали яростные атаки остервенелого врага, не подпуская его к Теруэлю.

Лучи заходящего солнца скупо освещали заснеженные, изрытые бомбовыми воронками теруэльские холмы. Кругом трупы, брошенное оружие и дымящие останки танков. Не добившись своего, франкисты прекратили атаки. Мы с облегчением вздохнули. Выигран еще один день, так нужный для подтягивания республиканских резервов. Мы перегруппировали танковые и броневые подразделения, а пехотинцы принялись за восстановление разрушенных укреплений и пополне-

ние своих изрядно поредевших подразделений. В неглубокой, но просторной пещере, прорубленной в скале Санта-Барбара приютились свободные от боевого дежурства и легкораненые танкисты. Мигающий огонек коптилки еле освещал их осунувшиеся, давно не бритые лица. Одни в изнеможении растянулись на покрытом танковым брезентом полу, Василий Власов стонал, когда медсестра Тереза без наркоза извлекала осколок из его раны, другие вяло жевали заплесневелые сухари из НЗ или же чинили изорванную одежду.

Только лейтенант Сергей Лапутин, примостившись у снарядного ящика, рядом с мерцавшей чугунной печуркой, что-то увлеченно читал. Затем он встал и, не отрываясь от книги, воскликнул:

— Ребята! Вы только послушайте, что пишет Сергей Есенин?

Услышав имя любимого поэта, я подошел к Лапутину. Он поднял близко к глазам развернутую книгу со стройной березкой на обложке и стал нараспев читать:

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я задумался. На миг передо мною возникли милые сердцу березки, плакучие ивы Подмосковья... Мама...

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

Лейтенант продолжал читать.

В нашем убежище словно посветлело и прибавилось воздуха. Тяжелые думы куда-то отодвинулись. Ребята оживились, стали переговариваться.

— Прочитай еще что-нибудь,— слабым голосом попросил Василий Гредасов.

Польщенный вниманием товарищей, лейтенант прочитал еще несколько стихотворений Есенина, из которых я хорошо запомнил одно:

Побегу по мягкой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая!
Дайте родину мою».

После Лапутина поднялись Владимир Кручинин, Степан Шевцов и другие. Они продекламировали стихи Некрасова, Пушкина, Блока.

Я с интересом смотрел на своих товарищей. Куда только делись недавняя усталость, тревога и грусть? Они, к большому удивлению испанских соратников, затеяли спор, какой из российских поэтов лучше, и в доказательство своей правоты запальчиво читали полюбившиеся стихотворения.

Даже я, не шибко разбиравшийся в этом вопросе, отстаивая новаторство нашего поэта, отважился прочитать услышанное в исполнении Маяковского стихотворение о его необычайном приключении летом на даче, которое заканчивается строками:

Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

Полковой врач капитан Антоньито Мехиас и медсестра, закончившие обход раненых, присели на патронные ящики и внимательно слушали моего адъютанта Беркча, переводившего им русские стихи. По довольным и улыбающимся лицам было видно, что нашенские стихи им понравились.

Улучив момент, когда Евграф Аристов закончил «Левый марш» Маяковского, Мехиас сказал, что в Испании также много хороших поэтов, однако молодой Федерико Гарсиа Лорка, недавно павший от фашистской пули, один из лучших. Слыхали ли мы о нем?

Мы признались, что слышим впервые, и попросили прочитать стихи этого поэта и рассказать о нем. Антоньито Мехиас смутился и ответил, что на память помнит немногое и, по-видимому, не самое лучшее из написанного Лоркой. Запинаясь, он прочел:

И тополя уходят —
но след их озерный светел.
И тополя уходят —
Но нам оставляют ветер.
И ветер умолкнет ночью,
обряженный черным крепом.
Но ветер оставит эхо,
плывущее вниз по рекам.
А мир светляков нахлынет —
и прошлое в нем потонет.
И крохотное сердечко
раскроется на ладони.

По нашей просьбе капитан прочел «Зарю» и еще одно стихотворение этого поэта и рассказал о встрече поэта с композитором Сергеем Прокофьевым, который женат на испанке Лине Кодина, дружившей с Рахманиновыми. Затем мы запели:

Вечерний звон, как много дум наводит он...

Уже засыпая, я слышал:

Орленок, Орленок, товарищ крылатый,
Ковыльные степи в огне...

17 февраля мощная группировка итало-немецких и франкистских войск в составе одиннадцати дивизии при поддержке двухсот самолетов и сорока танков перешла в решительное наступление на семь потрепанных дивизий республиканцев, оборонявших Теруэль. 67-я дивизия республиканцев, занимавшая оборону между высотами Серро Гордо и Тортахада, отступила, позволив противнику захватить плацдарм на восточном берегу Альфамбры.

Утро 20 февраля выдалось безоблачным. Можно было ожидать появления вражеской авиации. Спешно роем укрытия для личного состава и машин. Примеру танкистов следуют стрелки пехотных подразделений, углубляя свои траншеи. В самый разгар земляных работ над высотами Санта-Барбара и Мансуето появилась армада итальянских самолетов и начала бом-

бить наше расположение. Навстречу смело бросилась эскадрилья республиканских истребителей. Один из «капрони», задымив, камнем рухнул на землю. Вскоре загорелся республиканский «чатос». Несмотря на самоотверженные действия истребителей, подавляющее численное превосходство неприятельской авиации дало себя знать, и «чатос»[1] вышли из боя.

Вскоре по Санта-Барбара и Мансуето открыла огонь фашистская тяжелая артиллерия, а бомбежка усилилась. Небо потемнело от самолетов. Сотни тонн металла обрушились на защитников этих высот. Казалось, что не осталось клочка земли, которого бы не коснулась разрушительная сила, что не осталось в живых ни одного защитника Теруэля, а огневое наступление все усиливалось. И вот в атаку двинулись неприятельские танки, а за ними густые цепи пехоты. Несмотря на огромные потери, народные войска отчаянно сопротивлялись.

Только на северо-западном участке обороны Мансуето, где натиск марокканской пехоты и танков был особенно силен, республиканский батальон дрогнул и стал откатываться. В этот момент из засады по врагу открыли прицельный огонь танки Алексея Разгуляева. Два немецких танка Т-1 окутались черным дымом и застыли на месте.

Не давая противнику прийти в себя, лейтенант Разгуляев во главе пяти БТ-5 стремительно контратаковал танки врага. Еще три фашистские машины, неуклюже скособочась, замерли, а остальные пустились наутек.

Танк австрийского коммуниста Генриха Пуркшталлера, увлекшись погоней за немецким Т-1, далеко оторвался от своих. Смешавшись с неприятельской пехотой, БТ-5 утюжили и расстреливали ее из пулеметов. Самолеты противника, желая отбить танковую контратаку, беспорядочно бомбили район действия танков, а заодно и свою пехоту. Наступление противника на Мансуето было отбито, и по сигналу командира танки повернули назад. Последним следовал танк Пуркшталлера, прикрывая отход товарищей.

---

[1] «Курносые» — так испанцы называли советские истребители И-15.

Озлобленные неудачей фашистские самолеты принялись преследовать танки, осыпая их мелкими бомбами и обстреливая из пулеметов. Искусно маневрируя на местности, четыре танка достигли укрытия. Машина же Пуркшталлера войти в укрытие не успела. Вражеской бомбой на ней была разрушена силовая установка, командир танка и заряжающий Доминго Ортега были тяжело ранены.

Механик-водитель Владимир Кручинин, отличившийся в бою под Фуэнтес-де-Эбро и представленный за это к званию Героя Советского Союза, был ранен в спину.

На неподвижный республиканский танк фашистские стервятники обрушили лавину огня. В боевом отделении машины возник пожар. Кручинин мог через аварийный люк в днище выбраться под машину и ползком оставить опасную зону, но он решил спасти истекавших кровью товарищей. Выждав, когда огонь приутих, он бережно взял на руки обессиленного командира и вынес его через люк наружу. И тут пулеметная очередь пикирующего фашистского истребителя сразила героев. Несколько позже мы увели кручининский танк и с почестями похоронили антифашистов.

В последующие дни неприятель захватил Санта-Барбара, Мансуето, Вильяэспесу и Кастральво, окружив Теруэль. 22 февраля последние части Народной армии оставили город.

Бесспорно, что длившаяся в течение двух с половиной месяцев битва за Теруэль по своему размаху и ожесточенности была одной из крупнейших в испанской войне. В глубокой тайне хорошо подготовленное наступление республиканской армии оказалось неожиданным для франкистов и немецко-итальянских интервентов и привело к срыву намеченного ими генерального наступления на Мадрид.

Захват Народной армией города-крепости Теруэля говорил о росте ее боеспособности, умении не только обороняться, но и успешно наступать. Все это позволило республиканскому командованию развивать наступление и вынести фронт на 50 и более километров к западу от Теруэля, где имелись удобные для обороны позиции.

Широкий фронт прорыва рассредоточил бы усилия противника и заставил вести бои в невыгодных для него условиях. Однако высшее командование республиканцев на это не пошло. Вырвав на короткое время военную инициативу из рук противника, оно в дальнейшем добровольно от нее отказалось.

Не доверяя испанскому народу и его армии, порочное военное руководство республики считало, что Народная армия способна осуществлять лишь операции, преследующие ограниченные цели. Поэтому оно мало заботилось об оперативном сотрудничестве различных фронтов, не занималось созданием резервов и не сумело использовать первоначальный успех теруэльской операции для нанесения неприятелю сокрушительного удара, который мог бы коренным образом изменить весь ход войны.

«Только пассивность высшего командования спасла франкистов от разгрома, которым могла бы закончиться эта битва, продолжавшаяся два с половиной месяца и представлявшая собой по ожесточению и количеству использованных в ней технических средств самую крупную битву из всех имевших место до сих пор»[1].

В этом сражении большую роль сыграли республиканские танкисты, которые показали пример четкого взаимодействия с пехотой, как в наступлении и при ликвидации окруженных фашистских гарнизонов, так и при длительной обороне Теруэля.

Танкисты, костяк которых составляли советские добровольцы, не зная устали, действовали на наиболее опасных участках фронта. Танковые роты и даже взводы нередко без пехоты контратаковали рвущегося вперед, хорошо вооруженного врага, поражая его живую силу, артиллерию и танки.

В теруэльских боях стойкость и героизм показали все республиканские части, однако самоотверженность, организованность и доблесть 11-й, 64-й, 34-й и 35-й коммунистических дивизий снискали Коммунистической партии Испании славу и глубокое уважение народа.

Теруэльские бои вконец измотали наш полк. Тан-

---

[1] «История Коммунистической партии Испании». М., Госполитиздат, 1961, стр. 181.

ковые и броневые подразделения его сильно поредели. Из ветеранов в строю осталось менее трети, а из сорока двух танков и тридцати броневых машин кое-как передвигались пятнадцать до предела изношенных или же искалеченных танков и восемь броневиков. Не хватало запасных частей, боеприпасов и горючего, а из специальных и транспортных автомобилей уцелели лишь единицы.

Если сделанные из добротной стали боевые машины не выдержали напряжения 68-дневных боев, что же тогда говорить о людях? От нервного и физического истощения многие танкисты буквально валились с ног.

Воспользовавшись наступившим затишьем, командование Маневренной армии вывело нашу часть в свой резерв и предвидя возможность вражеского наступления в направлении Валенсии, приказало нам расположиться в окрестностях горной деревушки Формиче Бахо, в 20 километрах восточнее Теруэля. Первые сутки мы все, кроме караульных, отсыпались. С рассвета следующих суток, по примеру советских добровольцев, танковые экипажи были у своих машин и приводили их в порядок. Это вызвало недовольство некоторых молодых испанцев, считавших справедливым отдохнуть не одни сутки, как это сделали мы, а сначала как следует отоспаться и восстановить силы, и уж затем приниматься за машины.

— Разве может настоящий танкист спокойно отдыхать, когда его машина неисправна и не заправлена? — спрашивали наши ребята. И отвечали: «Сделай дело, гуляй смело!»

Не прошло и недели, как на многих машинах были заменены отработавшие свой срок моторы и другие механизмы и детали, а в местах пробоин на бронекорпусах появились свежие бронезаплатки. Все танки и бронеавтомобили укомплектованы боеприпасами, горючим, налажено регулярное питание личного состава горячей пищей. Беспокоила лишь задержка с обеспечением подразделений санитарными машинами и медикаментами.

В подразделениях возобновились занятия группы политического и общего образования. Появились газеты «Правда», «Мундо обреро», «Френте рохо», из которых мы узнали о событиях на Родине.

В ГОСПИТАЛЕ ИНТЕРБРИГАД

Февральской холодной ночью я проснулся от острой боли. Пытался встать, но левая рука не повиновалась. Отказала и левая нога. Стал звать на помощь, но никто не отозвался. По-видимому, хозяин дома, старый бобыль, не услышал моего голоса. Только утром санитарная машина увезла меня из деревни Формиче Бахо в далекий госпиталь. После медицинского осмотра с иглоукалыванием врачи установили, что у меня парализована левая часть тела. «Это результат не излеченной в свое время контузии»,— сказали мне врачи.

Было от чего опечалиться. В такое время выйти из строя! Много часов, изнемогая от жары, провел я в электротепловой ванне, принял уйму горьких лекарств, подвергся неприятным уколам и другим процедурам. Мало-мальски придя в себя, я ознакомился с приютившей меня больницей. Оказалось, что это лечебный корпус имени Эрнста Тельмана, расположенный на побережье Средиземного моря Беникассимского интернационального госпиталя. В лечебных корпусах имени Георгия Димитрова, Иосифа Сталина, Хосе Диаса залечивали раны сотни антифашистов из многих стран мира. Кроме испанского медперсонала здесь работали врачи и медсестры из Германии, Франции, Чехословакии и других стран. Все они жили на госпитальной территории и, не зная отдыха, несли свою нелегкую службу.

Благодаря квалифицированному лечению и хорошему уходу мое здоровье стало восстанавливаться. Заработала рука. Несколько хуже было с ногой и особенно со слухом, но и здесь наметились сдвиги. До сих

пор с благодарностью вспоминаю я остроглазую, веселую и заботливую медицинскую сестричку Катюшку.

Заинтересовавшись русским именем этой милой девушки, я узнал, что настоящее ее имя Карменсита, а Катюшкой ее как-то ласково назвал раненый советский летчик, которому она в тяжелую для него минуту отдала много своей крови.

Популярное, благодаря известной советской песне, русское имя понравилось пылкой комсомолке, и она не задумываясь присвоила его. Как ни уговаривали ее подруги и знакомые не изменять своего благозвучного имени, как ни доказывали ей, что никто не волен менять данное при рождении имя, она упрямо отвечала:

— Революция все может. Мое имя Катюшка, и другого мне не надо.

Настойчивая девушка добилась своего. В свидетельстве, выданном ей по какому-то поводу местной администрацией, в графе «имя» черным по белому было написано: «Катюшка». К этому имени она привыкла, а на имя Кармен не отзывалась.

За веселый нрав, отзывчивость и общительность эта статная и обаятельная девушка стала общей любимицей. Удивительной была ее работоспособность, я бы сказал, самоотверженность в работе. От рассвета до поздней ночи носилась она из палаты в палату, ни на минуту не переставая щебетать. Многим помогла она своей кровью. Где бы ни появлялась Катюшка, всюду слышались шутки, смех и цвели улыбки на лицах.

Однажды в мою палату вслед за Катюшкой, опираясь на палку, вошел плечистый брюнет.

— Людвиг! Дорогой!.. Жив?! — обрадованно воскликнул я, узнавая в вошедшем однополчанина, австрийского коммуниста Людвига Фульнителя, которому у Фуэнтес-де-Эбро пришлось удалить висевшую на сухожильях раздробленную ногу. И мы по-братски обнялись.

— Я свое отвоевал,— с грустью сказал он, усаживаясь на кровать.— На днях в числе выздоравливающих вместе с испанскими детьми отправляюсь в Советский Союз. Беспокоит лишь мысль о крайне тяжелом положении инвалидов, вынужденных возвратиться к своим семьям в буржуазные страны, где их ожидают преследования властей и нищенское существование...

Невеселой была наша беседа. Вспомнили о боевых друзьях, погибших в боях с фашистами. Из советских добровольцев-танкистов погиб каждый шестой, а увечья получили почти все. Я рассказал Людвигу о боевых буднях танкистов и о новостях, полученных с Родины. Через три дня Людвиг уехал, оставив на память свою любимую трубку и пистолет.

Несмотря на улучшение здоровья, настроение оставалось прескверным. Отрыв от боевого коллектива и больничная обстановка действовали удручающе. «Поскорее бы стать на ноги и вернуться к товарищам»,— мечтал я. В теплый солнечный день Катюшка усадила меня в кресло-коляску и вывезла на госпитальный двор с цветником и круглым бассейном посредине. Совсем рядом, блестя многочисленными «зайчиками», плескалось Средиземное море. Убаюкиваемый шуршанием прибрежной гальки, я задремал.

— Камарада танкиста, довольно спать. Вас спрашивает русская сеньора! — услышал я голосок сестрички. Открыл глаза. Передо мною стояла Катюшка и незнакомая белокурая, с крупными веснушками на румяном лице женщина.

— Мне сказали, что вы русский танкист. Правда ли это? — спросила она по-испански. Я утвердительно кивнул.

— Тогда вы должны знать моего мужа, словака Яна Мркву? — и, по-видимому, приняв мое замешательство за нежелание вести разговор, поспешно продолжала: — Меня зовут Эмилия Нитшнейдерова-Мрквова. Я послала Яну много писем о том, что у нас будет ребенок, но ответа не получила. Может быть, адрес изменился? — тревожно спросила она, глядя на меня счастливыми, голубыми глазами.

«Что ответить этой простодушной, по-детски доверчивой и радостно настроенной на встречу с любимым женщине? — лихорадочно думал я.— Надо быть последним человеком, чтобы в таком ее положении сказать правду о недавней гибели ее мужа, которого все мы называли по-русски Иваном. Пусть хотя бы на дни отодвинется от нее огромное, на всю жизнь горе невосполнимой утраты».

— Иван Мрква командир взвода в нашей танковой части, с которой в настоящее время всякая связь зат-

руднена. Это очень храбрый и верный товарищ. Все его ценят и любят,— ответил я и рассказал о боевых подвигах Яна Мрквы и его чехословацких друзей. Эмилия, восторженно улыбаясь, слушала, а затем, поблагодарив за хорошие вести, ушла, обещая наведываться.

На следующий день она пришла с цветами и рассказала, что устроилась санитаркой в далеком корпусе этого же госпиталя. Расспрашивала о Яне. Рассказала, что он был в своей стране известным спортсменом-рекордсменом по легкой атлетике. Еще несколько раз навещала меня Эмилия Мрквова и вдруг исчезла.

Обеспокоенный этим, я попросил сестричку справиться, не заболела ли она. Вскоре Катюшка вернулась вся в слезах.

— У Эмилии фалангистские подонки убили мужа, который воевал за нас в танковом полку. Она в отчаянии. Врачи боятся за ее жизнь...

Через несколько дней Эмилия пришла. Трудно было ее узнать. Не укоряя меня ни в чем, она попросила рассказать о последних днях ее мужа. Не находя слов утешения, я поведал ей, что во время тяжелого боя за Теруэль, 26 января, танковый взвод лейтенанта Яна Мрквы несколько раз атаковал наступающую по Теруэльскому шоссе большую моторизованную колонну противника с целью помочь республиканским батальонам вырваться из вражеского окружения.

Преодолевая сугробы, три танка смело бросились в седьмую за этот день контратаку и наконец прорвали кольцо неприятельского окружения. В образовавшуюся брешь стали выходить подразделения республиканской пехоты. Прикрывая их выход, Иван Мрква и его товарищи длительное время вели неравный бой с преобладавшими в силах частями мятежников, поддерживаемых авиацией и танками.

Раненный в голову и в грудь, Ян продолжал вести огонь по фашистам, прижимая их к земле, и обеспечил выход всей стрелковой бригады из окружения на выгодный рубеж обороны. Выполнив до конца боевую задачу, мужественный антифашист заменил за рычагами тяжелораненого механика-водителя, повел танк через мост на шоссе, где и был сражен неприятельским снарядом...

Той же ночью мы с лейтенантом Лапутиным перевезли останки героя на кладбище деревни Формиче Бахо и похоронили.

В СТАНЕ БРАГА

На восьмой день однообразной больничной жизни шофер моей машины Педро Мера привез письмо от командира полка. Описывая полковые будни, Степан Иванович Кондратьев, снова возглавивший полк, дал понять, что в ближайшее время весьма возможны некоторые фронтовые перемены, в ожидании которых наши танки передислоцировались из Формиче Бахо в новый район южнее Теруэля.

Моему терпению пришел конец, и я настоятельно попросил лечащего врача из французских антифашистов выписать меня из госпиталя, мотивируя это тем, что смогу долечиться и в полковой медроте. Получив отказ, я решил оставить госпиталь самовольно.

При содействии медицинской сестрички Катюшки, снабдившей меня обмундированием, разными порошками и увесистой сучковатой палкой, я ночью тайком выбрался из палаты и при помощи Педро дошел до автомобиля. Утром «авбурн» довез нас до деревни Ла-Пуэбла-де-Вальверде, в окрестности которой расположился наш Интернациональный танковый полк.

Это было затерявшееся в горах небольшое каталонское селение с узкими, горбатыми и кривыми булыжными улочками. Мрачного вида, сложенные из грубого камня, под черепицей, приземистые, подслеповатые дома сиротливо жались к церковной громаде с устремившейся в небеса пикообразной колокольней. Рядом примостилось перенаселенное кладбище.

Величественный готический собор как нельзя резко подчеркивал убогость окружавших его крестьянских домов и нищету деревни. Такую же безотрадную картину мы наблюдали и во многих других районах благодатной Испании.

Штаб полка, танковые роты и батальон бронемашин разместились в большой оливковой роще за деревней, а медицинская рота и хозяйственный взвод заняли пустовавшее трехэтажное, по-видимому, цер-

ковное, здание рядом с собором. Здесь же в светлых залах второго этажа разместился и полковой госпиталь.

Полковник Кондратьев, его испанский дублер Патрисио Барберо и майор Петр Фотченков занимали комнату в почерневшем от времени двухэтажном домике, покосившиеся окна которого выходили на соборную площадь с каменным распятием и водяной колонкой посредине. В светлой комнатке на втором этаже с двумя железными кроватями, комодом, камином и подвесной керосиновой лампой жил мой помощник капитан Рамон Гомес. Здесь же устроился и я.

Утро четвертого марта 1938 года выдалось солнечным. Политработник (она же и переводчица) Елизавета Николаевна Кольцова привезла из Валенсии письма и свежие газеты. Настроение сразу поднялось. Я уединился и с жадностью стал читать каракули сыновей. Жена писала, что вместо долгожданной дочери у нас в январе родился третий сын, в честь Ленина названный Владимиром. Со своей радостью я тотчас же поделился с товарищами, которые соответственно отреагировали на это сообщение. Появилась бутылка ароматной мансанильи и чорисо. Но в это время послышался близкий самолетный гул, и в безоблачном небе появилась стая фашистских бомбардировщиков и черной тучей нависла над Ла-Пуэбла-де-Вальверде.

Мы выбежали на площадь и вслед за женщинами и детьми устремились к церкви, желая укрыться за ее массивными стенами, но не успели и уже во время взрыва бомбы юркнули в подвернувшийся подвал церковной сторожки. Послышались раскатистые разрывы бомб и грохот. Кирпичный свод подвала дал трещины, и на наши головы посыпались штукатурка и песок. От сильного, точно землетрясение, толчка я ударился о стену. Запахло гарью и порохом. Подвальный проход завалило камнями и стало совсем темно и душно. Когда бомбежка прекратилась, мы приступили к разборке завала, но тщетно. Отдохнув, вновь принялись за работу и только после упорного труда, исцарапав в кровь руки, вышли наружу. Первым, что мы увидали, были дымящиеся развалины собора.

Трехэтажный дом с огромным опознавательным знаком красного креста на крыше, в котором еще час назад врач и медсестры вели прием больных и

раненых, был разрушен до основания. Отовсюду неслись стоны и крики о помощи... Нашего домика и колонки как не бывало.

В течение нескольких минут селение, созданное тяжелым трудом поколений горцев, фашистские стервятники превратили в груды развалин, под которыми были погребены дети, женщины, старики.

Еще дважды в этот день прилетали фашистские самолеты и сбрасывали свой смертоносный груз на деревню, препятствуя спасательным работам. Пренебрегая опасностью, танкисты продолжали раскопки развалин. Десятки жителей были спасены. Закончив работы, мы перебрались в танковый парк, куда, к счастью, не попала ни одна бомба.

В результате бомбежки полк потерял убитыми четырнадцать человек, а более двадцати было ранено. При этом погибли запасы медикаментов, продовольствия, а также все медико-хозяйственное оборудование и четыре специальных автомобиля.

Не могу умолчать о неприятной истории, в которую по недоразумению попал я со своими помощниками в первые дни марта. После суток напряженной работы вместе с ремонтной бригадой, корпевшей над аварийным танком, я с адъютантом Максом Беркчем и шофером Педро в автомобиле возвращался из района Вальдесебро в Эскриче. Тихий вечер, монотонное посапывание мотора действовали усыпляюще. Клонило ко сну.

— Камарада команданте, поспите немного, пока мы движемся по знакомой дороге, а я подежурю,— предложил услужливый адъютант, видя, каких больших усилий мне стоит борьба с одолевающей дремотой.

«Действительно, почему бы не прикорнуть?» —подумал я. Несмотря на заверения Педро в том, что он отлично знает дорогу, я поручил адъютанту строго следовать по отмеченному на топографической карте маршруту, а сам удобно устроился на заднем сидении и вскоре заснул.

Как я позже узнал, мои попутчики некоторое время тихо переговаривались. Вскоре Педро услыхал храп «дежурного», но будить его не стал. Стемнело. Освободившись от офицерской опеки, самонадеянный шофер некоторое время катил по прямой дороге, но за-

тем задумался и, вместо того чтобы повернуть направо, к речке, тянувшейся к Эскриче, поехал в противоположную сторону и заблудился.

Разбуженный им Макс не смог сориентироваться в сумерках и еще больше запутал положение...

Разбудили они меня, когда автомобиль, светя тусклыми фарами, медленно приближался по укатанной лесной дороге к видневшемуся полосатому шлагбауму.

— Разрешите остановиться и расспросить о дороге? — виновато спросил Макс.

— Спрашивайте,— ответил я, еще не вполне проснувшись.

К остановившемуся «авбурну» нехотя подошел часовой с винтовкой в руке.

— Приятель, не скажешь ли, как добраться до Эскриче? — обратился к нему Педро.

— Откуда мне это знать, я не здешний,— ответил тот.— Спроси у офицера в автобусе, за поворотом. А кто вы такие? — спохватившись спросил он.

— Мой начальник танковый офицер! — с гордостью ответил Педро, протягивая пачку документов. Тот махнул рукой и, не посмотрев на бумаги, открыл шлагбаум. Когда машина тронулась, он выпрямился и гаркнул:

— Арриба, Эспанья! [1] — Затем вытянул вперед правую руку, по-фашистски приветствуя нас.

— В чем дело? Где мы находимся? — с тревогой спросил я, толком не понимая, что происходит. Из сбивчивого рассказа Беркча я понял все.

«Неужели попали к фашистам? Надо что-то делать!» — подумал я и сказал шоферу:

— Поворачивай обратно к шлагбауму,— тот согласно кивнул. Не успел Педро притормозить машину, чтобы дать задний ход, как из-за поворота дороги, гремя котелками, флягами, навстречу нам вышла колонна солдат с офицером впереди. Поравнявшись с машиной, офицер осветил нас ручным фонарем, а затем по-фашистски отдал честь. На его фуражке виднелась франкистская кокарда.

Пришлось медленно продолжить движение в глубь леса. Осмотревшись по сторонам, я заметил между

[1] Франкистское приветствие: «Подымайся, Испания!»

деревьями большие грузовики со снарядными ящиками и железными бочками в кузовах. Сомнений не было — мы попали в расположение автомобильной части мятежников. Вскоре деревья скрыли от нас колонну. Показался штабной автобус.

— Педро, разверни машину. Будем пробиваться. В случае чего открываем огонь! — сказал я адъютанту и стал прилаживать автомат в боковой дверце лимузина. Макс последовал моему примеру. С погашенными фарами машина медленно двинулась вслед за удалявшейся колонной.

В тот момент, когда солдаты подошли к часовому, подъехали и мы. Навстречу вышел офицер и потребовал остановиться. Времени для раздумья не было, и я скомандовал:

— Быстро вперед! Ломай перекладину! — и почти одновременно с адъютантом открыл огонь по фашистам. От сильного удара шлагбаум отлетел в сторону, а мы были осыпаны осколками ветрового стекла. Путь был свободен.

По-видимому, огонь автоматов вызвал переполох среди фашистов, ибо вдогонку нам, и то не сразу, последовали лишь отдельные выстрелы. В другом бы случае нам не сдобровать. Правда, одна пуля все же угодила в заднее стекло, но никого не задела.

Опасаясь вражеской погони, Педро погнал машину прямо в лес. Вскоре мы оказались в безопасности. Я облегченно вздохнул, довольный относительно легкой расплатой за грубую оплошность. Однако нас подстерегала новая беда. Начал чихать, а вскоре и вовсе заглох двигатель машины.

«Беда в одиночку не ходит»,— с горечью вспомнил я, когда выходил из машины. Поврежденный пулей бензиновый бак был пуст. Запасного же горючего у нас не оказалось. Пришлось оставить машину. Захватив автоматы, мы двинулись в путь и только к утру добрались до Эскриче, а на следующий день ремонтники прибуксировали туда нашу машину.

ФАШИСТСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Погожим утром 10 марта в оливковую рощу у Ла-Пуэбла-де-Вальверде приехал нарочный с приказом начальника генерального штаба республиканской ар-

ми генерала Висенте Рохо о спешной передислокации нашего полка в район Сегура-де-Лос-Баньос — Монтальбан, где, по словам штабного офицера, развернулись ожесточенные боевые действия. На нашу просьбу подробнее рассказать о положении народных войск он с горечью ответил:

— Вчера утром крупные силы фашистских интервентов и мятежников неожиданно атаковали наши войска на Восточном фронте, от Фуэндетодос до Монтальбана, и в ряде мест очень потеснили их. На участке 24-й анархистской и 30-й дивизий отступление наших вылилось в паническое бегство. Для того чтобы закрыть образовавшиеся бреши и остановить противника, в район прорыва стягиваются резервные войска, и в частности ваш танковый полк...

Поднятые по боевой тревоге танковые и броневые подразделения полка форсированным маршем последовали на север, оставляя далеко позади себя еще не оправившийся от недавней бомбежки тыл.

Не прошло и трех часов, как восемь танков БТ-5 передового отряда, возглавляемого командиром первой танковой роты капитаном Петром Сиротининым, преодолев почти 60-километровый извилистый участок дороги, свернули влево, на гладкое шоссе, проложенное в горной теснине западнее Монтальбана, и неожиданно натолкнулись на встречную, растянувшуюся на сотни метров, пехотную колонну фашистов, которая, по всей видимости, следовала без боевого охранения.

Сидевший на башне переднего танка капитан Сиротинин молниеносно оценил обстановку и, развернув разноцветные флажки, просигнализировал следовавшим за ним командирам: «Внимание! Делай, как я!» — и ударил из пулемета по хвосту колонны, отрезая фашистам путь к отступлению.

Танкисты взводов Ольдржиха Хакена, Бенито Суареса и Михаила Сучкова, следуя примеру своих командиров, с ходу атаковали голову и середину вражеской колонны. Они врезались в самую гущу растерявшихся легионеров и стали давить их гусеницами и расстреливать из пулеметов.

Действия танкистов были столь стремительны и согласованы, что противник не успел прийти в себя и

организовать какое-либо сопротивление. В мгновение асфальтное полотно покрылось вражескими трупами, кровью, оружием, одеждой...

Мало кому из беспечных фашистов удалось спастись от танкового огня и гусениц. 40 человек было взято в плен, а среди больших трофеев оказались 3 пушки, 12 пулеметов и более 300 винтовок.

В конце этого сражения, которое продолжалось не более получаса, к нам присоединились остальные подразделения. Выслав вперед разведотряд и отправив в тыл пленных, полк медленно двинулся на Мартин-дель-Рио и Утрильяс. Западнее деревни Вальдеконехос танки разведотряда были встречены артиллерийским и пулеметным огнем противника и перешли к обороне по линии западнее Мартин-дель-Рио — Вальдеконехос.

Стемнело. Перестрелка утихла, и экипажи занялись своими машинами, пополнили их боеприпасами и горючим, стали рыть танковые траншеи. Для установления контакта с пехотными частями и штабами республиканских войск нами были направлены офицеры связи на броневиках.

Пользуясь наступившим затишьем, к нам с севера потянулись группы бойцов разбитых частей 12-го армейского корпуса республиканцев. Нещадно ругая своих трусливых и продажных анархистских начальников и жалуясь на бесчинствующую немецко-итальянскую авиацию, они просили зачислить их в танковый полк. И вместо того чтобы немного отдохнуть, нам пришлось поспешно заняться сколачиванием из них стрелковых подразделений.

По мокрому Монтальбанскому шоссе, минуя танковые заставы, на юго-восток шли толпы беженцев. Совсем недавно эти люди, как и весь трудовой народ Испании, радовались теруэльской победе и возлагали надежды на близкое поражение фашистской военщины, а теперь, укоризненно глядя в нашу сторону, уходили с обжитых мест.

Глубокой ночью из резерва подошла 92-я бригада 70-й дивизии и принялась за устройство оборонительных позиций впереди наших танков. Полковник Кондратьев и командир бригады быстро договорились о совместных действиях.

Утром мощная артиллерия противника открыла по республиканским позициям в районе Монтальбана ураганный огонь, одновременно с этим десятки «савойя», «юнкерсов» и «фиатов» обрушили сотни бомб и град пуль. Хорошо, что накануне танковые экипажи как следует окопались, иначе бы нам не миновать беды. Те из пехотинцев, которые, несмотря на наши советы, поленились отрыть окопы глубокого профиля, понесли большие потери.

После бомбежки показались 20 танков «ансальдо», а вслед за ними двигались цепи пехоты. У некоторых республиканцев не выдержали нервы, и они стали откатываться назад, но, увидя БТ-5, успокоились и вернулись в окопы.

Подпустив итальянские танки на расстояние 500—800 метров, мы открыли по ним пушечный огонь. На одном «ансальдо» слетела гусеница, и он беспомощно завертелся волчком. Другой остановился, объятый черно-желтым пламенем. Однако остальные танки, ведя огонь, продолжали наступление, увлекая за собой пехоту.

Республиканская бригада встретила врага дружным ружейно-пулеметным огнем. Цепи франкистов заколебались, а когда на дороге запылали еще два их танка, они дрогнули и бросились врассыпную. Перегоняя друг друга, наутек бросились остальные «ансальдо».

Трижды противник атаковал монтальбанские позиции и всякий раз наталкивался на стойкое сопротивление республиканской пехоты, поддержанной нашими танками, и с большими потерями откатывался назад.

В тот же день мы получили приказ генерала Висенте Рохо выделить из состава полка танковую и броневую роты и срочно направить их в распоряжение командира 35-й дивизии генерала Вальтера[1] для поддержки 13-й и 15-й интернациональных бригад, которые в это время вели тяжелые бои с бандерами[2] марокканского корпуса в районе Каспе, Ихар, Альканьис.

---

[1] Польский коммунист Кароль Сверчевский.

[2] Подразделение иностранного легиона, соответствующее батальону.

Бронетанковый отряд под командованием комиссара полка Петра Семеновича Фотченкова в составе танковой роты Алексея Разгуляева, броневой роты капитана Фелипе Гольяго и взвода боевого обеспечения спешно снялся с занимаемых позиций и помчался на помощь друзьям.

Забегая несколько вперед, скажу, что бронетанкисты отряда майора П. С. Фотченкова быстро добрались до места назначения и сразу же втянулись в бой с марокканской пехотой, наступавшей на Ихар. Впоследствии Фотченков рассказывал, что бои на этом участке фронта отличались особой ожесточенностью.

Фашистские генералы, не считаясь с потерями марокканских, испанских, португальских и итальянских солдат, бросали их в атаку за атакой. Отражая натиск пехотных и кавалерийских частей противника, поддержанных авиацией и танками, республиканцы, и в частности танкисты, проявили большую стойкость и выдержку. Они не позволили врагу окружить сколько-нибудь значительные группы антифашистов.

Во время нашей контратаки в районе Ихара — Альбалате-дель-Арсобиспо танк БТ-5 лейтенанта Алексея Разгуляева, управляемый механиком-водителем Михаилом Данилиным, неожиданно оказался в окружении пяти немецких пулеметных танков Т-1. Одного «немца» Разгуляев поразил с первого же артвыстрела, а вести прицельный огонь по другим уже не смог, потому что оптические и смотровые приборы бронебашни его танка оказались разбитыми.

Понимая, какую большую опасность представляют вражеские танки для расстроенных боевых порядков республиканской пехоты, Разгуляев и Данилин решили любой ценой сорвать их наступление и пошли на таран. От сильного удара лобовой частью бронекорпуса БТ-5 ближний немецкий танк отлетел в сторону, опрокинулся на бок и загорелся. Экипажи остальных фашистских машин струсили и, бросив на произвол судьбы свою пехоту, пустились наутек. Атака противника была сорвана. Преследовать удиравших не было смысла, и Данилин повернул назад.

Первый танковый таран в испанской войне был совершен раньше Разгуляева и Данилина командиром танка Т-26 лейтенантом Семеном Осадчим и механи-

ком-водителем Иваном Егоренко во время боя под Сесеньей 29 октября 1936 года. «Танки уничтожили артиллерию противника, пулеметные гнезда и два танка «ансальдо», причем один из танков был сброшен лейтенантом Осадчим в ущелье»,— писал о том боевом эпизоде командир танковой роты, советский доброволец капитан Поль Арман[1]. Разгуляев и Данилин повторили подвиг своих друзей.

В последующие два дня танковые и броневые подразделения под командованием полковника С. И. Кондратьева активно действовали в обороне из засад, нанося чувствительные удары по рвущимся к Монтальбану батальонам противника. Когда атакующая пехота мятежников, вклинившись в передний край обороны, попадала под перекрестный огонь с флангов и из глубины обороны и в течение некоторого времени должна была задержаться, чтобы закрепиться и организовать огонь для дальнейшего продвижения, в этот момент наши танки внезапно бросались из засады и отсекали ее от собственных танков, а затем уничтожали ее огнем и давили гусеницами.

Пасмурным днем на командный пункт полка, расположенный в лощинке западнее деревни Утрильяс, пришел высокий, лет сорока, представительный брюнет. Одет он был скромно: коричневая замшевая куртка на «молнии» вылиняла от солнца, широкие брюки цвета хаки и черные ботинки износились. Чисто выбритое полное лицо его выглядело усталым.

— Коронель Малино, консехеро дел мандо дел эхерсито де маниобрас[2],— представился он.

— Команданте дел рехимиенто де танкес, коронель Антонио Льянос[3],— в свою очередь представился Кондратьев и, указывая на меня, добавил:

— Есте ес ми супленте Валентин Рубио[4].

— Вот и познакомились,— перейдя на русский, улыбаясь сказал Малино.

---

[1] Коммунисты Поль Арман и Семен Осадчий первыми в нашей стране из танкистов стали Героями Советского Союза.

[2] Полковник Малино, советник командующего Маневренной армией.

[3] Командир танкового полка полковник Антонио Льянос.

[4] Это мой заместитель Валентин Рубио.

Несмотря на штатскую одежду советника, я сразу же узнал в нем полковника Родиона Яковлевича Малиновского, с которым два года назад жарился на сочинском пляже и с азартом играл в волейбольной команде военного санатория. Беседы с этим бывалым воином, общительным и остроумным рассказчиком о его солдатских мытарствах в русском экспедиционном корпусе во Франции и о гражданской войне мы, молодые командиры, запомнили надолго. Хитровато подмигнув, он по-дружески поздоровался, а затем сказал:

— Мне приятно сообщить, что десять дней назад Советское правительство наградило вас, Степан Иванович, и вас, Александр Александрович, орденами Красного Знамени. Высокими наградами отмечены и другие советские танкисты, с самой лучшей стороны проявившие себя в теруэльском сражении. Поздравляю с наградой и желаю боевых успехов и невредимыми вернуться домой!

Весть о награждении орденами взволновала меня. Я не предполагал, что Советское правительство так высоко оценит наш скромный вклад в антифашистскую борьбу. «Такая награда высоко поднимает человека и обязывает его быть лучше, чище и смелее в борьбе против фашистских варваров»,— подумал я.

Армейский советник, выслушав Кондратьева о состоянии полка и о положении на монтальбанском участке фронта, рассказал, что четырнадцать дивизий интервентов и мятежников, которые 9 марта в нескольких местах прорвали Восточный фронт, за истекшую неделю глубоко вклинились в оборону 18-го армейского корпуса народных войск и серьезно угрожают Каспе, Андорре и Алькорисе.

— Фашистское наступление в нижнем Арагоне к югу от реки Эбро преследует вполне ясную цель — отрезать Каталонию от центральной части страны, выйти на средиземноморское побережье и совершенно лишить республику связей с внешним миром,— не скрывая тревоги, сказал он.

В заключение беседы полковник Малино вручил Кондратьеву письменный приказ командующего Маневренной армией, в котором нам предписывалось оставить в районе Монтальбана роту бронеавтомобилей,

а с остальными подразделениями немедленно двигаться на помощь республиканским частям, отступающим под натиском итальянских войск на Андорру и Алькорису.

ТЯЖЕЛЫЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ

Через два часа после выхода из Монтальбана головной отряд полка под командованием командира третьей танковой роты капитана Ивана Губанова подошел к деревне Лос Олмос. Здесь он был обстрелян подходившей к шоссе большой группой фашистов. Смяв и рассеяв легионеров, пытавшихся перерезать важную дорогу, танкисты повернули налево и в боевом порядке ударили по флангу итальянцев, осадивших республиканский гарнизон Алькорисы.

Своевременный приход танков БТ-5 облегчил положение республиканской бригады, оборонявшей Алькорису, а попытка противника перерезать дорогу, соединяющую Андорру с Алькорисой, была вовремя сорвана. Мало того, один батальон итальянских легионеров оказался в республиканском окружении и был почти полностью уничтожен.

Вскоре противник подтянул к Алькорисе свежие силы и при поддержке авиации и танков пытался сломить сопротивление наших войск, но безуспешно. Остервенелые от неудачи фашистские вояки четыре раза атаковали наши позиции и каждый раз откатывались назад, оставляя на поле боя много раненых и убитых.

13 и 14 марта авиация фашистов свирепствовала, как никогда прежде. Армада «капрони», «юнкерсов», «савойя», «мессершмиттов» и других немецких и итальянских самолетов беспрестанно бомбила и обстреливала оборону республиканских войск по всему фронту от Пина и Альканьиса до Монтальбана. Малочисленная республиканская авиация неоднократно бросалась в неравные схватки, но помешать фашистскому наступлению была не в силах.

Пользуясь подавляющим превосходством в самолетах, артиллерии и вводя в бой значительные резервы, противник все больше и больше теснил изрядно

уставшие и понесшие большие потери народные войска. Требовались подкрепления и боевые припасы, но они почему-то не поступали.

Отбиваясь от наседавших с фронта и флангов марокканских частей, отряд Петра Фотченкова медленно отступал, пушечным огнем прикрывая отход республиканских батальонов от Ихара и Альбалате, и ночью вышел на западную окраину Альканьиса.

Утреннее солнце еще не поднималось, а майор Фотченков, наклонившись над картой, договаривался с командиром пехотной бригады о взаимодействии при обороне города. В это время за их спинами тревожно зазвенели церковные колокола и поднялась ружейно-пулеметная стрельба. Оказалось, что в Альканьисе подняла мятеж «пятая колонна». Мятежники захватили крепость, арестовали многих офицеров штаба 18-го корпуса республиканцев и открыли огонь по улицам. В городе поднялась паника. В это время с юга на Альканьис двинулись итальянские танки и мотопехота легионеров.

Под угрозой вражеского окружения отряд Фотченкова был вынужден вслед за пехотной бригадой отойти на новые позиции восточнее города, где в это время сосредоточивались батальоны 11-й дивизии Энрике Листера.

В небе появилась сопровождаемая истребителями группа «юнкерсов» и «савойи». На республиканские позиции посыпались бомбы. Вдруг со стороны моря на бомбардировщиков бросилась стайка из девяти истребителей «москас»[1]. Два «юнкерса» задымили и, резко снижаясь, рухнули на землю. Несмотря на двукратное превосходство истребителей противника, республиканские летчики действовали дерзко и самоотверженно. По-видимому, израсходовав горючее и боеприпасы, они вскоре без потерь вышли из боя и скрылись из виду.

15 марта передовые отряды противника, наступавшего на Вальдерробрес, встретили упорное сопротивление пехотных бригад 11-й дивизии и танков БТ-5, платя дорогой ценой за каждый метр территории.

---

[1] Советские истребители И-16.

В этот день франкисты дважды атаковали республиканские позиции по линии Мартин-дель-Рио — Вальдеконехос, но все их атаки были отбиты. Оставив на поле боя три танка и десятки убитых и раненых, они прекратили бесплодные попытки.

Вскоре нами была установлена тесная связь с бронетанковым отрядом Петра Фотченкова, который вместе с 9-й бригадой дивизии Листера отражал удары противника в районе Торревилилья. Нехватка боеприпасов заставила танкистов экономить каждый патрон и снаряд. Редкий огонь велся исключительно по танкам или скоплению пехоты.

17 марта войска интервентов и мятежников возобновили наступление на широком фронте. Вначале республиканские позиции в районе Андорры и Алькорисы бомбила итало-немецкая авиация и обстреливала тяжелая артиллерия. Затем в наступление двинулись юркие танки Т-1 и «ансальдо», а за ними с гиком и воем пошли вооруженные до зубов марокканские наемники.

Вражеские бомбы и снаряды разрушили окопы республиканцев, нарушили линию связи между частями и нанесли большой урон личному составу. От прямого попадания авиабомбы вышел из строя танк БТ-5, а три бронемашины получили серьезные повреждения.

Республиканская пехота не выдержала напора неприятельских танков и попятилась. Контратака наших пушечных танков заставила пулеметные «ансальдо» с потерями отступить, но остановить лавину марокканских войск оказалась не в состоянии. Потеряв еще один танк и один броневик, мы вслед за пехотой оставили Андорру и Алькорису и отошли на новые позиции. Позже мы узнали, что в этот же день фашистами был взят город Каспе.

Наступление итальянского корпуса и дивизии мятежников «Наварра» на оборонительные позиции 11-й дивизии севернее Альканьиса до Торревелилья после упорных боев с помощью танков БТ-5 было отбито.

Озлобленные неудачей, фашистские войска на следующий день с еще большим упорством возобновили свое наступление. Атаки танков и пехоты следовали одна за другой. Однако коммунистические батальоны

прославленной дивизии Листера и танки Петра Фотченкова стойко оборонялись, а иногда и переходили в контратаку. Бой продолжался более восьми часов. Был момент, когда части итальянской дивизии «Литторио» прорвали оборону 1-й бригады 11-й дивизии и захватили ее позиции по линии Торресилья-де-Альконис — Ла-Кондоньера, но совместными действиями танкистов и пехотинцев были вскоре оттуда выбиты.

В этом районе основные силы танкового полка соединились с поредевшим отрядом майора Фотченкова. Вместе с 1-й и 9-й бригадами 11-й дивизии и частями 3-й дивизии мы заняли оборону по линии Кастельсерас — Ла-Кондоньера — Торревелилья. Не потеряв надежды сломить упорное сопротивление республиканцев, фашистское командование предприняло еще ряд атак, но народные войска держались стойко.

Минуло восемь дней с начала нашего участия в оборонительных боях на Восточном фронте, дней изнурительных контратак, отступления и безвозвратных потерь. За это время более половины солдат и офицеров полка были ранены или убиты. Их заменили прибывшие из танковой школы молодые испанские патриоты. Командирами танковых подразделений вместо выбывших из строя иностранных антифашистов были назначены отличившиеся в боях испанские товарищи.

Потери бронетанковой техники были очень велики и составили более половины от первоначальной численности.

Если бы не самоотверженная работа бойцов ремонтно-эвакуационной службы под руководством Рамона Гомеса, спасавших и буквально воскресавших изувеченные машины, то полк давно бы потерял боевую способность.

Багряный диск солнца склонился к вершинам безжизненной сьерры. Вторая танковая рота лейтенанта Алексея Разгуляева, в которой осталось в строю лишь шесть танков БТ-5, расположилась за линией окопов 11-й дивизии, проложенных у перекрестка дорог западнее деревни Терревелилья. Толстые стены крестьянских домов и высокие каменные заборы, окружавшие их, служили неплохим укрытием для людей и машин. Здесь был колодец и можно было развести костер,

подогреть пищу и отдохнуть. Зная, что противник избегает вести военные действия в ночное время, свободные от боевого дежурства танковые экипажи занялись кто чем. Одни копошились у машин, другие перевязывали раны или же готовили кофе, а третьи, сильно ослабев от напряжения последних дней, отдыхали.

— Черт возьми! Танкес фасистас! — что есть мочи взволнованно закричал молоденький лейтенант Хосе Санчес. Он стоял на башне своей машины и, не отрываясь от бинокля, свободной рукой показывал на дорогу, змейкой тянувшуюся из деревни Кастельсерас.

— По машинам! — подал команду я.

— По машинам! По машинам! — повторяли бегущие к своим танкам антифашисты.

Далекий лязг гусениц нарушил наступившую вдруг тишину. Едва уловимое движение танковых перископов БТ-5 свидетельствовало о том, что вражеские машины взяты на мушку. Всмотревшись в бинокль на дорогу, я увидал пыльное облако и выползающий из него танк. На башне танка полоскалась белая лента.

— На машине, кажется, белый флаг? — спросил я у Разгуляева, не спускавшего глаз с дороги.

— Да. Танк с белым флагом очень похож на нашу бетушку,— ответил тот.— Может быть, кто-либо из наших?

— Хорошо бы,— ответил я и приказал, чтобы без команды огонь не открывали.

Предположение Разгуляева оказалось правильным. Не прошло и десяти минут, как к нашим позициям подъезжал почерневший от копоти, с оборванными бортовыми полками и погнутым дулом пулемета танк БТ-5. На корме его сидела группа солдат, а на привязи волочились две пушки.

Когда машина сошла с дороги и остановилась за кучей щебёнки, ее окружили любопытные. Подошел и я. Медленно открылся передний люк и показалось скуластое в кровоподтеках, осунувшееся лицо механика-водителя Виталия Валуева, которого мы уже считали погибшим. Его медные волосы прилипли к большому лбу, а воспаленные от ожога глаза без ресниц смотрели настороженно. Держа наготове пистолет, он недоверчиво оглядывал обступивших. Вдруг его взгляд остановился на мне.

— Камарада Рубио? — слабым голосом, неуверенно спросил он.

— Си, омбре! Си! [1] — радостно ответил я и помог ему выбраться из танка.

Вслед за Валуевым на землю сошли остальные члены экипажа и солдаты. Обнявшись, мы с Виталием пошли на командный пункт.

Возвращение с «того света» боевых друзей обрадовало всех нас. Особенно мы были рады возвращению Виталия Валуева, которого в полку любили за коммунистическую убежденность, открытый, отзывчивый характер, русскую смекалку, смелость в бою и высокое танковое мастерство, которым он щедро делился с любознательными испанскими товарищами.

За скромной едой, молниеносно приготовленной поваром пехотинцев в честь валиентес танкистас [2], мы узнали обо всем, что произошло с валуевским экипажем за последние дни. А дело обстояло так.

Прикрывая отход остатков республиканского батальона из горящей Алькорисы, танк Валуева из засады обстрелял мотоколонну противника, мчавшуюся по дороге на Каланду. Передняя автомашина опрокинулась в кювет, подмяв под себя людей. Неся потери от танкового огня, итальянские легионеры с других машин стали спешиваться и вскоре при поддержке неизвестно откуда появившихся пушек повели наступление на республиканский арьергард.

В завязавшейся артиллерийской дуэли одно орудие умолкло, но и БТ-5 получил повреждение — с него была сорвана гусеничная лента. Завертевшись на одной гусенице, танк наклонился на бок и медленно сполз в небольшой овраг. По бронекорпусу забарабанили пули, заняться ремонтом в таких условиях было неблагоразумно, и друзья решили дождаться благоприятного момента.

Командир танка Анхел Менендес и заряжающий продолжали отстреливаться, не позволяя легионерам приблизиться к танкам. Наступили сумерки. Огонь приутих. Вдруг послышался звон разбитого стекла, и в моторном отделении вспыхнул пожар. Это подкрав-

---

[1] Да, человече! Да!
[2] Доблестных танкистов.

шиеся со стороны кормы фашисты бросили бутылки с самовоспламеняющейся зажигательной жидкостью.

Долго экипаж боролся с огнем, защищая бензиновые баки. Поздно ночью с пожаром было покончено, и Валуев с Менендесом вышли наружу, чтобы отремонтировать ходовую часть машины. Поблизости никого не было, только глухая стрельба с востока говорила, что противник глубоко вклинился в оборону народных войск.

После того как гусеница была поставлена на место, Валуев завел двигатель. Что только он ни делал, чтобы сдвинуть машину с места, но из этого ничего не получалось. Одиннадцатитонный танк днищем сидел на большом камне. Двигатель надрывался от перегрузки, а машина ни с места.

Забрезжил рассвет. Близость шоссе со снующими неприятельскими машинами не позволила танкистам вести наружные работы, и они, наглухо закрывшись изнутри, решили дождаться темноты. В середине дня они услышали лязг гусениц и увидали, как на шоссе остановилась длинная колонна приземистых итальянских танков.

Вскоре БТ-5 окружила толпа говорливых итальянцев. Защелкали фотоаппараты. Кто-то взобрался на башню и пытался ломом взломать запоры люка, но безуспешно. Послышалась команда, и легионеры бросились к своим машинам. Через несколько минут танковая колонна двинулась в путь, а два «ансальдо» приблизились к республиканскому танку и, закрепив его за буксирные крюки стальным тросом, стали тянуть за собой.

Почувствовав, что машина сошла с камня, Валуев завел двигатель и включил вторую передачу, рванул вперед. Ослабленный буксирный трос вышел из зацепления. Озадаченные итальянцы дали тягу на запад — подальше от греха, а наши — на восток, к своим.

Чтобы избежать нежелательных встреч, Валуев свернул с шоссе и со всеми предосторожностями повел танк по проселку, обходя населенные пункты. Однако деревню Агуавиву обойти не удалось, и на перекрестке двух дорог наши друзья неожиданно натолкнулись на замаскированную неприятельскую батарею. Орудийные расчеты растерялись и без сопротивления сда-

лись в плен. Отняв у легионеров оружие, танкисты усадили их на машину, а пушки тросом закрепили за буксирные крюки...

С 22 по 26 марта свежие силы марокканского корпуса повели мощное наступление к северу от реки Эбро. Сломив сопротивление деморализованных частей республиканцев, они устремились к средиземноморскому побережью. В это же время дивизии итальянского экспедиционного корпуса с новыми силами возобновили боевые действия против батальонов 11-й дивизии. Завязались упорные бои.

В течение десяти дней геройски отбивали все атаки фашистов воины дивизии Листера и наши танкисты по линии западнее Альканьис — Кастельсерас — Ла-Кондоньера — Торревелилья. Только после того как противник обошел нас с флангов, мы были вынуждены отойти на новые рубежи по линии Касерас — Вальдерробрес. Республиканские войска отходили, истекая кровью, с упорством цепляясь за каждую высоту и населенный пункт.

30 марта мы с боями отошли к Гандесе. Здесь нас ожидал приказ республиканского командования о выводе в резерв на пополнение.

БАРСЕЛОНА — ПАРИЖ — МОСКВА

ДО СВИДАНИЯ, ИСПАНСКИЙ ДРУГ!

В результате мартовских боев на Восточном фронте Интернациональный танковый полк понес ощутимые потери в людях, лишился почти что половины танков и броневых машин. Из ветеранов полка, и в частности советских и других иностранных добровольцев, в строю остались немногие.

По приказу республиканского командования все оставшиеся в строю иностранные добровольцы переводились в другие бронетанковые бригады республиканской армии в качестве инструкторов по боевому использованию и ремонту бронетанковой техники, а Интернациональный танковый полк, укомплектованный из испанских антифашистов, получил новое наименование: Бронетанковая бригада.

Вместе с капитаном Рамоном Гомесом, заменившим меня на посту заместителя командира бригады, и испанскими танковыми техниками я в последний раз иду в танковый парк, чтобы проститься с отважными испанскими патриотами и взглянуть на свои подмосковные танки. Покореженные бортовые полки, поручневые антенны, фары, глушители и многочисленные заплатки и вмятины на бронекорпусах свидетельствовали об упорстве, проявленном танкистами в боях, и о живучести добротных советских танков.

На прощание мы с Рамоном обмениваемся фотокарточками.

— Амиго Валентин, мы с тобой еще встретимся на свободной земле Испании! — сказал он.

— Верю, брат! До свидания! — ответил я, еще не представляя себе, какие тяжелые испытания выпадут на долю испанских побратимов.

Последующие три дня наша группа из восемнадцати советских танкистов провела в пахнувшей морем и продуваемой всеми ветрами древней Таррагоне. Заняв небольшой особняк в опустевшем приморском районе, мы смыли с себя месячную грязь, подлечили болячки, отоспались и даже приоделись. Провели техническую конференцию, на которой составили перечень производственных и конструктивных недостатков, выявленных на танках в процессе их боевой эксплуатации, и направили в Москву рекомендации конструкторам, с просьбой учесть их в дальнейшем усовершенствовании машин.

Перед самым отъездом из Таррагоны нам были выданы советские паспорта. По пути на испано-французскую границу заехали в Барселону. Переночевали в гостинице «Диагональ». Утром вышли на центральную площадь Пласа-де-Каталунья, а с нее — на широкий бульвар Рамблас де лас Флорес. Это очень красивая и оживленная центральная магистраль протяженностью более километра, связывающая площадь Каталонии с портовым районом и проходящая через весь новый город с северо-запада на юго-запад. По обеим сторонам Рамбласа проложены асфальтированные тротуары и дороги, а посредине тянется зеленая лента засаженного вековыми платанами и цветниками сквера.

В нижних этажах больших и светлых домов расположены многочисленные магазины, бары и рестораны. Бульвар, как и другие улицы, в этот солнечный воскресный день был до отказа заполнен гуляющими. На перекрестках улиц стояли цветочницы с ароматными гвоздиками и розами. Столики, установленные на тротуарах у кафе и баров, были заняты разношерстной публикой. Звеня и тарахтя, мимо проносились размалеванные в защитные цвета трамваи и автомобили. Миновав 60-метровую колонну со статуей Христофора Колумба наверху, мы попали в лабиринт узеньких и кривых улочек самого густонаселенного портового района Барриочино. Здесь также шумно и многолюдно, несмотря на то что причалы второго по величине порта в мире были пусты.

Зашли в небольшой бар, чтобы перекусить, но официантка ничего съестного не предложила, однако в разговор вмешался хозяин бара и, узнав, что мы рус-

ские добровольцы, щедро угостил нас жареной рыбёшкой и маслинами, а от предложенных денег категорически отказался. Так было нередко,— обильно угощая советских добровольцев, многие хозяева испанских кафе, баров и ресторанов отказывались брать с них плату.

Из портового предместья мы направились в старый город, где увидали архитектурные памятники средневековья. Сияющая на солнце, светлая южная красавица, столица автономной Каталонии, нам очень понравилась. Хотелось поближе познакомиться с барселонцами и достопримечательностями города, но времени не оставалось.

На следующее утро наши автомобили миновали разрушенный вражеской авиацией Фигарес и доставили нас в пограничный городок Порт-Боу. На вокзале с крытой полутемной платформой Сергей Лапутин завизировал наши паспорта.

— В Сербер поедете поездом через туннель или пойдете пешком? — спросил нас военный комендант.

— А как лучше?

— Поездом лучше, но он недавно ушел, а следующий отправится только через три часа.

— Пошли! — решил С. И. Кондратьев, и мы зашагали по щебеночному извилистому шоссе, проложенному в лощине между двумя холмами к пограничному посту, где железная цепь отмечала границу Испании. Дальше дорога спускалась вниз к французской деревне, на пути к которой стоял светлый одноэтажный дом с полосатым шлагбаумом.

Подойдя к французскому пограничнику, стоящему у закрытого шлагбаума, мы предъявили паспорта. Повертев в руках синие книжицы, он, не сказав ни слова, понес их в домик. Через несколько минут к нам вместе с пограничником вышел офицер и, возвращая паспорта, на испанском языке объявил, что не может нас пропустить, так как не имеет на это распоряжения из Парижа.

Объяснение Степана Ивановича Кондратьева, что на наших паспортах имеются французские визы, на него не произвело никакого впечатления. После долгих уговоров он нехотя взял обратно наши документы и, пообещав что-либо сделать, скрылся в домике.

Более двух часов продержали нас французские пограничники на ничейной территории под нещадно палящим солнцем, где не было ни укрытия, ни скамейки. Прохаживаясь по горячему шоссе, мы видели злобно смеющиеся лица наблюдавших за нами жандармов, видимо, попавших под обработку наших недругов, но о том, что нам тяжело, вида не подавали. Только после нашего категорического требования связаться по телефону или телеграфу с советским послом в Париже, по вызову которого мы следуем, жандармы пропустили нас на французскую территорию.

Во французском городе Сербере мы вскоре встретились с выехавшими туда поездом товарищами и вместе с ними занялись экипировкой.

В ПАРИЖЕ

Ночью на путях вокзала нас ожидал курьерский поезд Сербер — Париж. В международном вагоне, куда мы вошли вслед за проводником, было шумно. Три изысканно одетых молодых испанца прощались с грациозной молодой женщиной. Из приоткрытой двери купе на них с беспокойством поглядывала строгого вида пожилая дама в черном.

Поезд тронулся. Кроме двух женщин и нас, никого в вагоне не оказалось. Перед тем как улечься спать, я вышел из купе и увидел стоящую у окна молодую испанку. Подошел к ней и, чтобы завязать разговор, спросил ее, когда наш поезд прибывает в Париж. Она приветливо ответила и в свою очередь спросила, не русский ли я. Я удивился ее проницательности и поинтересовался, по каким признакам она об этом догадалась.

— По акценту и... по активному методу завязывать знакомства с женщинами,— звонко смеясь, ответила она.

Во время оживленной беседы Лауренсия — так звали мою спутницу — очень лестно отозвалась о советских людях и о их неоценимой помощи республиканской Испании. Долго текла наша веселая беседа. Ни покашливание товарищей, ни сердитые взгляды дуэньи не могли прервать ее. Только под утро мы

разошлись по своим купе, условившись позже закончить интересный разговор.

Проснулся я поздно, когда наш поезд уже подходил к Парижу. Лауренсия с улыбкой заговорщика встретила меня в проходе и попросила подержать ее маленький саквояж из крокодиловой кожи. Подбирая слова, она стала рассказывать о красоте столицы Франции, ее театрах, музеях. Вдруг поезд замедлил ход и остановился. Лауренсия и ее спутница пошли к выходу. На перроне заиграл оркестр, и к нашему вагону подошла группа людей с цветами в руках.

— Не провокация ли это местных белогвардейцев? — спросил идущий сзади меня Кондратьев.

О возможности провокационных действий со стороны профашиствующих элементов и белогвардейского отрепья нам еще в Таррагоне прожужжали все уши. Оглянувшись на друзей, я понял, что и они обеспокоены такой встречей.

Вслед за молодой женщиной я вышел на перрон, желая поскорее избавиться от саквояжа. Не успел я приблизиться к моей знакомой, как к ней подошел седой господин со знаком ордена «Почетного легиона» в петлице и, вручая букет красных роз, произнес приветственную речь. Оркестр заиграл испанский гимн, а затем и «Марсельезу».

«Что-то не похоже на провокацию»,— с облегчением подумал я и, улучив момент, с извинением возвратил дуэнье Лауренсии саквояж и поспешил ретироваться.

— По-видимому, ваша знакомая довольно важная персона? — с подковыркой спросил меня С. И. Кондратьев, когда мы ехали на такси.

— Простого смертного с такой помпой встречать не будут,— резонно заметил В. И. Кольнов.

Вместе с товарищами недоумеваю, что все это значит, но ничего путного придумать не могу. Позже все разъяснилось. Вечерняя газета на первой странице оповестила парижан, что в их гостеприимный город приехала почетная гостья — племянница президента Испанской республики... На большом фотоснимке запечатлен момент торжественной встречи знатной гостьи на перроне вокзала, а в глубине... моя смущенная физиономия.

Стоит ли говорить о том, что эта тема в течение ряда парижских дней была главной в нашем молодом коллективе, а газету с памятной фотографией купили все.

В советском полпредстве, которое размещалось в солидном особняке на Рю де Гренель, 79, нас встретил посол. За чашкой чая он рассказал о последних событиях на Родине, о том, какую предательскую политику в отношении Республиканской Испании проводит французское правительство, а также в общих чертах ознакомил нас с планом Парижа и посоветовал, куда в первую очередь пойти.

В сопровождении работника посольства мы приехали на тихую мощенную булыжником Университетскую улицу и удобно устроились в номерах небольшого уютного отеля. Во второй половине дня, взяв такси, мы выехали на авеню Эмиля Золя, а затем на Марсово поле, бульвар Сен-Жермен. Подъехали к мутноватой труженице Сене и, перемахнув через мост Сюлли, попали на площадь Бастилии, потом пересекли бульвар Вольтера и очутились на бульваре Менильмонтан.

На протяжении всего пути мы не переставали любоваться широкими проспектами, зелеными бульварами, красивыми ансамблями величественных зданий, историческими памятниками, мостами и парками. Вскоре наши «ситроены» остановились в отдаленном от центрального входа северо-восточном углу кладбища Пер-Лашез, где высилась невысокая стена из грубого серого камня с надписью: «Мертвым Коммуны!»

Эта безмолвная свидетельница расстрела парижских коммунаров была испещрена выбоинами и следами ружейных пуль.

— На этом месте 27 мая 1871 года были расстреляны последние защитники Коммуны. Среди активных борцов Коммуны были и наши соотечественники Петр Лавров, Елизавета Дмитриева, Анна Корвин-Круковская,— сказал Петр Сиротинин.

— А в декабре 1911 года на похоронах Поля и Лауры Лафарг здесь выступал Владимир Ильич Ленин,— добавил Евграф Аристов.

Отдавая должное бессмертному подвигу коммунаров, мы возложили у подножья стены красные розы.

Недалеко за стенами кладбища, на авеню Гамбет-

та, в небольшом сквере мы увидели памятник скульптора Поля Моро-Вотье. Марианна, прислонившись к стене и раскинув руки, защищает своих сынов-коммунаров, чьи скульптурные изображения искусно высечены на камне. Говорят, что Вотье хотел установить этот памятник у Стены Коммунаров, но власти запретили.

Побывав у могил Мольера, Россини, Шопена, Барбюса, Бизе, Франса, мы обратно шли пешком. Большие дома с покосившимися оконными проемами и обвешанными бельем ветхими балконами рабочего Бельвиля выглядели неприветливо. Шагая посредине очень узкой, без тротуаров, улочке и делясь впечатлениями о контрасте между бьющей в глаза красотой и богатством центральной части Парижа и нищетой и запущенностью его рабочего района, мы не обратили внимание на чей-то оклик сверху и были за это тотчас же наказаны — облиты помоями.

Возмущенный этим, Василий Власов забыл об осторожности, стал по-русски выражать свое негодование. В ответ из окна второго этажа дома показалась пожилая женщина и, жестикулируя, прокричала:

— Я же предупреждала! Извините! Мы выливаем помои на улицу, потому что в этом проклятом допотопном доме нет канализации. Зато платим за квартиру почти половину заработка. Не уходите. Сейчас сойду и помогу вам почиститься.

Такое, пусть и уважительное, объяснение случившегося не могло поправить дело. Чертыхаясь и с опаской поглядывая по сторонам, мы чуть не бегом выбирались из лабиринта заселенных бедняками улиц. Вскоре показалось здание отеля. С помощью услужливой хозяйки и горничной последствия опрометчивой прогулки были ликвидированы.

После ужина мы стали просматривать местные газеты на русском языке. Мое внимание привлекла белоэмигрантская газета «Последние новости» под редакцией небезызвестного Милюкова.

Нет нужды пересказывать приведенные в ней злобные антисоветские измышления, однако «Обращение» редакции этой газеты к «русским ребятам» крайне заинтересовало меня и других моих друзей. С подозрительной осведомленностью редакция сообщала о

наших потерях в Испании и о якобы ожидавшей нас каре со стороны ГПУ, она призывала нас, советских танкистов и летчиков, остановившихся проездом в Париже, не возвращаться в Советскую Россию, а остаться в «свободном мире». Всячески расписывая «красивую жизнь» в Париже, авторы обещали солидную материальную и прочую помощь.

Реакция товарищей на «Обращение» была очень бурной. Если бы мы в тот момент имели возможность послать ответ авторам этой подлой стряпни, то могу поручиться, что он был бы значительно сочнее и хлеще письма, посланного в свое время запорожскими казаками турецкому султану. Но... собака лает — ветер носит. Высохшие мозги эмигрантской верхушки были не в состоянии понять глубокую сыновнюю любовь и преданность советских людей своей социалистической Отчизне, гордость ее успехами и своим скромным участием в антифашистской борьбе.

Прошло еще несколько дней, и мы решили «слазить» на Эйфелеву башню. Глядя на это построенное полвека назад 300-метровое ажурное металлическое чудо, было трудно поверить, что ее вес составляет 7,5 тысячи тонн.

За небольшую плату электроподъемник доставил нас на кольцеобразную платформу в 60 метрах от земли. Затем мы поднялись на высоту 115 метров до второй, несколько меньшей, обзорной платформы. Здесь продавались различные сувениры с изображением знаменитой башни и можно было подкрепиться горячим кофе.

На промежуточной верхней открытой платформе с высоты 276 метров было видно, как узкая змейка реки Сены разрезает столицу Франции на две части.

— В центре города, посредине Сены, вы видите небольшой островок Ситэ, где два тысячелетия тому назад из поселка Лютеция возник Париж и где ныне стоит собор Парижской богоматери — географический центр столицы,— буквально кричал гид небольшой экскурсионной группы, стараясь преодолеть шум бушевавшего здесь ветра.

— На правом берегу Сены, левее Ситэ, находится Луврский музей — сокровищница произведений изобразительного искусства. А еще левее — площадь Ка-

русель, Тюильрийский сад. Великолепный архитектурный ансамбль — Площадь Согласия, Елисейские поля, Площадь Этуаль с Триумфальной аркой, Трокадеро и Булонский лес с оловянными пятнами озер.

От знакомых по французским романам названиям улиц, площадей, памятников архитектуры, а также от нахождения на продуваемой ветром, качающейся верхотуре затуманилась голова, и мы спустились на землю.

После эйфелевого качания мы по авеню Клебер вышли на площадь Этуаль и оказались у величественной Триумфальной арки, ставшей символом Парижа.

Ее построил архитектор Шальгрен. На одной из сторон арки я увидел горельеф Рюда «Марсельеза» — каменную песнь во славу революции.

— На этом месте под 50-метровыми сводами Триумфальной арки у могилы Неизвестного солдата в 1920 году был зажжен вечный огонь,— блеснув знанием Парижа, сказал Алексей Разгуляев. И мы увидели небольшую сферическую часть врытого в землю металлического шара со светильником на поверхности.

Отсюда, из центра площади, было видно, как лучами в разные стороны расходились двенадцать широких улиц. «Теперь мне понятно, почему площадь носит название звезды»,— подумал я. Минуя Елисейские поля и площадь Согласия, мы вышли в Тюильрийский сад к Луврскому музею.

Повсюду, как у нас на Родине, здесь в скверах детвора резвилась, строила песочные домики, каталась на качелях. Впереди нас остановилась и стала целоваться молодая парочка.

— Вот это да! Прямо днем! — услышал я голос Кирюхина.

— Не обращайте внимания. Здесь этому не удивляются,— предупредил товарищ из посольства.

— Есть не удивляться! — делая серьезный вид, ответил под общий смех Саша Кирюхин.

Дождливым утром 13 апреля я включил радиоприемник. Полились звуки «Элегии» Массне, и запел бас. Так мог петь лишь один Шаляпин. Вдруг пение прекратилось, и диктор объявил:

— Вчера в своей парижской квартире скончался

величайший артист нашего времени Федор Иванович Шаляпин.

Думая, что не понял французского диктора, я вышел на улицу к газетному киоску.

С первых страниц многих утренних газет глядел Шаляпин. Под большим, в траурном окаймлении, портретом молодого Шаляпина был помещен некролог «Памяти Шаляпина», подписанный Сергеем Рахманиновым.

Мне припомнились 20-е годы, когда мы, молодые рабочие, как и многие советские люди, осудили неверный шаг знаменитого певца, отказавшегося вернуться из сытой буржуазной заграницы в Советскую Россию. И вот закончилась полная драматизма жизнь артиста-скитальца.

Узнать адрес Шаляпина не представляло труда — его знал каждый парижанин. Несмотря на ненастную погоду, напротив большого дома на авеню Эйлау, в котором проживал Шаляпин, собралась большая толпа. Взоры многих были обращены на задрапированные окна пятого этажа. Среди собравшихся — немало русских эмигрантов.

Преждевременно поседевшие головы, отрешенные, скорбные лица, а также скромная, потертая одежда, истоптанная обувь свидетельствовали о нелегкой жизни, которую им приходится коротать на чужбине. Из разговора с пожилым русским таксистом я узнал подробности кончины Шаляпина, долгое время болевшего малокровием, а также о том, что похороны назначены на утро 18 апреля.

Два пригласительных билета на похороны Шаляпина, неведомо каким путем добытые молодым пресс-атташе посольства, по жребию достались мне и Сиротинину. За четверть часа до назначенного срока мы уже были у дома покойного. В начале десятого ближайшие друзья покойного вынесли из дома покрытый красным покрывалом гроб и установили его на погребальную колесницу.

Траурная процессия последовала на улицу Дарю к русской церкви. Войти в храм нам не удалось, однако церковная служба передавалась по радио. По окончании службы траурная процессия направилась к Гранд-Опера, где с триумфом выступал Федор Шаля-

пин и где в день его последних проводов собрались коллеги по искусству и тысячи парижан. Здесь большой русский хор исполнил «Вечную память».

Огромная, растянувшаяся до двух километров процессия направилась на Батиньольское кладбище. Под пение русского хора гроб опустили в могилу. Родные покойного пригоршнями бросили туда сохраненную Шаляпиным родную русскую землю. Многие из близких также бросили в могилу горсти священной русской земли. С прощальными речами выступили друзья покойного, в одном из них я узнал известного по дореволюционным кинофильмам артиста Ивана Мозжухина.

Когда кладбище опустело, мы подошли к могильному холму из венков и цветов. На прислоненной к нему медной плите крупными буквами по-французски было выгравировано:

«Федор Шаляпин, лирический артист, командор ордена Почетного Легиона, 1873—1938».

«СТОЛОВАЯ ОСИПОВА, ЧТО В МОСКВЕ НА МАЛОЙ НИКИТСКОЙ»

Незаметно пробежали две недели нашей беззаботной парижской жизни. За это время мы успели исколесить столицу Франции вдоль и поперек. Насладиться природой в Булонском и Венсенском лесах, на холмах Монмартра. Налюбоваться творениями великих художников и скульпторов в обширных залах Лувра. Облазить этажи собора Парижской богоматери с его каменными химерами. Побывать в Гранд-Опера, в Пантеоне, в Национальной библиотеке.

Познакомились со многими общительными парижанами, и в частности с русскими эмигрантами, которых в ту пору здесь было немало. Об одной из таких встреч хотелось бы рассказать подробнее. Как-то, фланируя по улице Вожирар, мы заметили на фасаде небольшого дома вывеску, на которой было написано по-русски: «Столовая Осипова, что в Москве на Малой Никитской».

Вот диво! Подошли поближе и уставились на вывешенное у входа меню.

— Борщ, каша, ржаной хлеб, во-доч-ка! — удивленно, с нескрываемым удовольствием прочитал Алексей Разгуляев.

Целую вечность не ели мы борща и черного хлебушка. Неужели все это так близко от нас? Не было сил удержаться от искушения, и, несмотря на ожидавший в отеле обед, мы вошли в столовую.

В маленьком зале с белоснежными столиками нас встретила седая, с румянцем на дряблых щеках, в молодости видимо красивая женщина и что-то сказала по-французски. Поняв ее слова за приглашение к столу, мы уселись и стали на «танковом эсперанто» обсуждать меню. И вдруг...

— Васенька! Васенька! К нам пожаловали гости из России! — услышали мы взволнованный голос женщины.

Драпировка внутренней двери приоткрылась, и в зал быстро вошел нездорового вида, сухощавый старик.

— Очень рад соотечественникам! Очень рад! — протягивая обе руки Кондратьеву, взволнованно проговорил он.

Степан Иванович поблагодарил хозяина за внимание, попросил его принести для всех нас борща, рубцов со шкварками и немного водки. Откуда у старых людей взялась такая сноровка? Не прошло и десяти минут, как на столах появились графины с квасом и водкой, глубокие тарелки с наваристым московским борщем и приятно пахнувшим ржаным хлебом.

Стоит ли говорить о том, с какой жадностью мы набросились на все это и какое наслаждение испытали? После борща хозяева принесли второе и присели у нашего столика.

Умиленно глядя на нас, с аппетитом уплетающих рубцы со шкварками и хвалящих высокое кулинарное искусство хозяев, Осипова сквозь слезы спросила:

— Расскажите, пожалуйста, как там у нас, дома, в Москве? Остались ли там церкви? Работают ли театры и музеи?

— Церквей стало меньше, зато театров и музеев во много раз прибавилось,— ответил Кондратьев.

Когда Осиповы узнали, что я проживаю на Малой Никитской, рядом с церковью, в которой венчался

А. С. Пушкин, рядом с бывшим московским домом Осиповых, они страшно обрадовались и забросали меня вопросами: цел ли их дом и кем занят? Открыта ли консерватория? Обучаются ли в МГУ студенты?..

— Вам, молодым, не понять, как на старости лет неудержимо тянет на родину. Нет ли у вас русской землицы? — вдруг, смутившись, спросил старик. Кондратьев пожал плечами, не понимая, о чем идет речь.

— В нашем возрасте надо подумать об уходе в мир иной, а горсть русской земли, брошенная в могилу, символизирует на чужбине священную землю родины,— тяжело вздохнув, ответил Осипов.

Разговор с Осиповыми и со многими другими русскими эмигрантами в Париже, работавшими таксистами, официантами, продавцами в магазинах, швейцарами в ресторанах, а также знакомство с их скитальческой, полной невзгод и лишений жизнью вдали от родины, оставил тяжелый осадок.

ГАВР — ЛЕНИНГРАД

Удивительное дело! В какие бы страны судьба ни забрасывала советских людей, какие бы интересные вещи они там ни видели и как бы им там хорошо ни было, они в скором времени начинают скучать по родным местам, по кипучей, пусть и не всегда вполне устроенной жизни, по родным и близким, словом, по всему тому, что мы любовно называем Родиной.

— Даже кости по родине плачут,— тоскливо сказал Степан Иванович Кондратьев.

Вот и теперь, не переставая восхищаться памятниками зодчества, изумительными творениями художников и инженеров, богатого революционными традициями города, мы все острее и острее стали чувствовать тоску по родине.

«Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва!» — вспомнил я слова поэта, которые, как нельзя лучше, отражали наше настроение. На восемнадцатый день парижской жизни поступило сообщение о прибытии в Гавр ожидаемого советского теплохода «Сибирь», и мы на курьерском поезде помчались к побережью Ла-Манша.

Приветливые лица наших моряков, их гостеприимство, русская кухня, словом, вся обстановка на «Сибири» настраивала на веселый лад. Смех, пение, дробь лихой чечетки были слышны отовсюду.

В то время как трюмы теплохода заполнялись грузом, мы решили прогуляться по улицам рабочего Гавра — северных ворот Франции. Лес кранов на пристани, вагоны и вереница автомобилей у складов, припортовые лавки и пивные очень напоминали одесский порт в разгар летней навигации. Докеры тепло встретили нас, посланцев Советского Союза...

Прощальный гудок, и «Сибирь» отчалила от гаврского пирса к воротам в бетонной дамбе и взяла курс к проливу Па-де-Кале. Вскоре левее нас проплыли туманные берега Великобритании, а с правого борта показались очертания «перекрестка Европы» — Бельгии.

Северное море встретило нас проливным дождем. Огромные волны бросали корабль из стороны в сторону, обдавая палубу шквалом брызг. Несмотря на все это, в кают-компании было весело и шумно. Одни резались в «козла», другие играли в шахматы, третьи, окружив аккордеониста, пели.

В проливе Скагеррак мы увидали контуры левого норвежского и правого датского берегов, миновав которые «Сибирь» круто повернула направо и оказалась в проливе Каттегат. Прижавшись к шведскому берегу, мы вышли в бурные воды Балтийского моря. Здесь вновь стало штормить, да еще как! Даже нам, «бывалым морякам», пришлось отлеживаться в каютах. Однако в час обеда все до одного были за столом и с аппетитом уплетали украинский борщ и шашлычок, специально для нас приготовленные судовым коком.

В Финском заливе вся наша веселая компания стала готовиться к встрече с Ленинградом. Праздничное настроение воцарилось на лайнере. Даже погода улучшилась. Засияло солнышко. Успокоилось и стало изумрудным Балтийское море. Вскоре показалась золоченая мономахова шапка Исаакиевского собора.

Под радостные возгласы собравшихся на палубе «Сибирь» ошвартовалась у безлюдного пирса. Вечером того же дня «Красная стрела» помчала нас в Москву.

Стоит ли говорить о волнующих встречах с родными и друзьями?..

28 апреля нас пригласили в Свердловский зал Московского Кремля, где в торжественной обстановке состоялось вручение правительственных наград группе летчиков и танкистов.

— Поздравляю с боевым орденом. Желаю здоровья и удачи в подготовке танкистов! — проникновенно сказал Михаил Иванович Калинин, вручая мне награду.

— Спасибо. Служу Советскому Союзу! — взволнованно ответил я, стиснув его руку, совсем забыв о просьбе А. Ф. Горкина не делать этого.

С краткими речами от имени награжденных выступили С. Я. Лапутин, С. И. Кондратьев и один из летчиков. Затем нас тепло поздравил всесоюзный староста.

После группового фотографирования мы вышли в длинный сводчатый коридор с узорчатой малиновой ковровой дорожкой. Здесь нас встретил комкор Г. Д. Базилевич и пригласил в свой кабинет. Расспросив нас о том, как действовали танки в теруэльских боях, и о наших пожеланиях по улучшению их боевых качеств, он сказал, что на 4 мая назначено заседание Комитета Обороны при Совнаркоме СССР по танковому вопросу, на которое приглашаются бывшее командование Интернационального танкового полка и Герои Советского Союза С. Я. Лапутин, П. А. Семенов и В. А. Новиков.

— Товарищу Ветрову надлежит подготовиться и доложить Комитету Обороны о боевом применении танков БТ-5 в Испании и дать оценку их боевым и техническим качествам, — сказал он, обращаясь к С. И. Кондратьеву.

Я с недоумением посмотрел на Базилевича, а затем на Кондратьева, не понимая, почему столь ответственное дело поручают мне, младшему по зва-

нию и должности, а не более опытному — нашему командиру. Степан Иванович молчал.

— Для столь важного выступления у меня нет никаких материалов, за исключением отдельных записей в блокноте,— стал отговариваться я, надеясь найти поддержку у С. И. Кондратьева и В. И. Кольнова, но те меня не поддержали.

— Готовьтесь по памяти, посоветуйтесь с однополчанами,— ответил комкор Г. Д. Базилевич и перевел разговор на другую тему, давая понять, что вопрос о моем докладе решен окончательно и, как говорится, обжалованию не подлежит.

Нельзя сказать, чтобы перспектива выступления на совещании такого высокого уровня меня обрадовала. Наоборот, я был очень смущен и расстроен высоким поручением. С волнением я принялся за подготовку к совещанию. Трое суток, не разгибая спины, трудился я над составлением таблицы боевых повреждений и технических неисправностей, выявленных экипажами на танках, а также сравнительной характеристики советских, итальянских и немецких танков, применяемых в Испании. Сохранившиеся у меня и у однополчан записи, а главное, хорошая память помогли справиться с этим нелегким делом.

Анализ боевых повреждений, полученных нашими легкими танками БТ-5, показал, что они, обладая хорошей проходимостью, относительно мощным вооружением и другими значительными преимуществами перед итало-немецкими танками, были, однако, не в состоянии противостоять появившейся у противника противотанковой артиллерии, так как имели всего лишь противопульную бронезащиту.

Положение усугублялось наличием на танках БТ-5 авиационных бензиновых двигателей. Попадание снаряда в танк, как правило, приводило к возникновению на нем пожара. Следует при этом отметить, что наиболее стойкой оказалась носовая часть бронекорпуса с наклонным расположением броневых листов.

Напрашивался вывод о необходимости соответствующей модернизации имеющегося парка этих танков и форсирования работ по разработке нового образца танка с противоснарядной броневой защитой, мощным вооружением и с безопасным в пожарном отношении

дизельным двигателем. Мало того, боевая практика показала, что сложный и громоздкий колесно-гусеничный движитель танка БТ-5 оказался недостаточно надежным. Особенно слабой была его колесная часть. Поэтому я считал целесообразным отказаться от колесного хода и сделать этот танк только гусеничным.

В числе других предложений по повышению боевых свойств машины были рекомендации улучшить внутреннюю и внешнюю радиосвязь, оптические и электрические приборы, боевую укладку, повысить прочность, надежность и доступность ряда механизмов и деталей. Кроме перечисленного были подготовлены предложения по боевому применению танков в разных видах боя, и в частности, в каких случаях выбрасывать танковый десант...

Когда выводы, а главное, конкретные предложения по ним были сформулированы, я свободно вздохнул. Наро-фоминские соратники по испанской войне тезисы выступления одобрили, но посоветовали раздел с критикой колесного хода исключить. Они, вопреки моим доводам, продолжали считать колесно-гусеничный танк наилучшим.

Настал день совещания. За четверть часа до назначенного срока С. И. Кондратьев, В. И. Кольнов, С. Я. Лапутин, В. А. Новиков, П. А. Семенов и я были на месте. Ярко освещенный зал заседаний Совнаркома СССР был заставлен небольшими квадратными столиками, покрытыми зеленым сукном, за которыми расположились 25—30 военных и гражданских. В глубине зала, поближе к председательскому столу и небольшой трибуне, сидели знакомые по портретам члены Политбюро Центрального Комитета партии, наркомы, видные военачальники и конструкторы.

Первым выступил народный комиссар машиностроения СССР А. Б. Брускин. Он доложил о выполнении задания правительства по изготовлению опытного образца нового легкого танка. Нарком привел общие данные о разработанном талантливым коллективом конструкторов танкового завода под руководством М. И. Кошкина 18-тонном колесно-гусеничном танке А-20. Советские танкостроители, говорил А. Б. Брускин, создавшие семейство современных быстроходных

колесно-гусеничных танков БТ-5, БТ-7М, поручили ему доложить о выполнении задания правительства по изготовлению более совершенного образца. На танке А-20 установлены 45-миллиметровая пушка, спаренная с пулеметом, и курсовой пулемет. Бронекорпус сварной, толщиной 20 миллиметров. Вместо бензинового двигателя впервые в мировой практике устанавливается дизельный двигатель В-2. Свою информацию А. Б. Брускин закончил предложением одобрить рассматриваемый образец.

Начальник Автобронетанкового управления Красной Армии комкор Д. Г. Павлов, получивший за отличные действия в Испании звание Героя Советского Союза, высоко оценил новую боевую машину и рекомендовал обязать Наркомат машиностроения в кратчайший срок изготовить опытную партию этих танков. Выступления еще двух-трех ораторов, фамилии которых я не запомнил, свелись к одобрению представленного образца, к просьбам о выделении их ведомствам ассигнований и фондовых материалов.

И вот председательствующий предоставил слово мне, добавив, что «товарищ только на днях вернулся из Испании».

Свое выступление я начал с рассказа о том, в каких боевых операциях участвовал Интернациональный танковый полк, как воевали танкисты. По тому, с каким интересом все слушали, можно было понять, насколько близкими им были события, развернувшиеся в далекой Испании. Отметив отличную маневренность и огневую силу наших танков, их подавляющее превосходство перед итало-немецкими танками, я перешел к перечислению выявленных в процессе боевой эксплуатации характерных недостатков конструктивного и производственного порядка.

— Именно это мы и хотели услышать от вас,— перебил меня Сталин.

Высказав удовлетворение тем, что наше замечание, касающееся замены бензинового двигателя дизелем, учитывается промышленностью, я от имени однополчан попросил присутствовавшего в зале танкового конструктора М. И. Кошкина и остальных конструкторов увеличить бронезащиту танков, сделав ее снарядостойкой, повысить надежность коробок передач,

фрикционов, кривошипов ленивца и других узлов и механизмов. Сидящие в зале военные одобрительно кивали. Представители же промышленности хмурились и с опаской поглядывали на Сталина.

После того как я обосновал необходимость увеличения запаса хода и высказал пожелание в целях экономии моторесурсов танков перевозить последние на специальных танковозах, Сталин спросил:

— Расскажите, как показала себя в испанских условиях ходовая часть танков, и в частности система колесного хода?

Должен признаться, что этот вопрос озадачил меня. Очень уж не хотелось раскрывать разногласия в оценке колесно-гусеничного движителя, и я, по-видимому, не совсем убедительно охарактеризовал его, сказав при этом, что мои однополчане высказались за колесно-гусеничный ход.

Но последовал следующий вопрос:

— Какого же мнения придерживаетесь вы? Большинства?

— Нет, я сторонник чисто гусеничного танка,— после некоторого колебания ответил я.

— Почему?

— Потому, что сложная и далеко не совершенная комбинация колесного и гусеничного движителя не надежна. Потому, что сравнительно высокий, узкий и недостаточно устойчивый танк не может развивать на колесах большую скорость без угрозы опрокидывания даже на небольших поворотах. И, наконец, потому, что при движении колонны танков со снятыми гусеницами по шоссе колеса оставляют глубокую колею. Особенно большому разрушению подвергаются асфальтированные дороги в жаркую пору.

Во время перерыва мы с военным инженером Н. Н. Алымовым вспомнили о наших общих знакомых в Испании и о том, как действовали бронемашины, изготовленные под его руководством на судоремонтном заводе в Валенсии. В это время к нам неожиданно подошел Сталин.

— Машина у нас, по-видимому, получится хорошей, но вот что делать с бронезащитой? — спросил он.— Что вы можете сказать о двухслойной броне?

Я ответил, что не являюсь специалистом в этом вопросе, но вот инженер Алымов здесь хорошо разбирается. Алымов стал говорить о том, что ему было известно по этому вопросу. Из развернувшегося непродолжительного разговора я понял, что вопрос о двухслойной броне не совсем ясен и что проблема усиления бронезащиты танков ждет своего разрешения.

Выступавшие после перерыва ораторы, в том числе и военные, расхваливали рассматриваемый образец танка, особо подчеркивая достоинства его колесно-гусеничного движителя и решительно отвергая «изживший себя гусеничный вариант». Испанский опыт, говорили они, в этом отношении не типичен.

В конце заседания Сталин одобрительно отозвался о проекте нового танка А-20 и предложил принять его за основу «с учетом замечаний и пожеланий вернувшихся из Испании товарищей». Затем он взял в руки макет танка и, обратившись к членам Политбюро, сказал:

— Думаю, что, кроме представленного нам колесно-гусеничного образца с мощным дизельным двигателем и 76-миллиметровой, а не 45-миллиметровой пушкой, следует разработать и изготовить схожий танк, но на гусеничном ходу. После сравнительных испытаний двух образцов окончательно решить вопрос о принятии на вооружение армии показавшего лучшие результаты танка. К этой работе привлечь танкистов с боевым опытом.

Это предложение легло в основу принятого постановления Комитета Обороны. Такое решение чрезвычайно сложного и спорного вопроса не могло не радовать. Ведь в 30-е годы колесно-гусеничные танки считались архисовременными.

У Спасских ворот знакомый инженер из центрального управления Наркомата обороны, не скрывая недовольства, сказал:

— Ну и подвел же ты нас! Вопрос о принятии этой во всех отношениях хорошей машины был почти решен. Неужели американцы глупее нас? А ведь у них лучшим считается не гусеничный, а колесно-гусеничный танк «кристи».

— Но и танк А-20 не отвергнут,— ответил я.— Ему придется доказать свои преимущества в соревновании

с гусеничной машиной, в победе которой я не сомневаюсь. Разве это плохо?

Чтобы закончить с этим вопросом, должен сказать, что изготовленные в 1939 году танковым заводом образцы колесно-гусеничного и гусеничного танков прошли суровые полигонные испытания и показали высокие боевые качества. Однако гусеничный танк Т-32 с 76-миллиметровой пушкой, дизельным двигателем и 25—30 миллиметровой бронезащитой оказался более надежным в работе и проще по конструкции и поэтому был признан лучшим. В августе того же года Главный военный совет одобрил гусеничный вариант танка.

В результате большой творческой работы коллектива конструкторов во главе с талантливым инженером М. И. Кошкиным и рабочих танкового завода по улучшению этой машины был построен исключительный по своим боевым качествам танк Т-34. Он значительно превосходил зарубежные танки того времени и стал, как известно, лучшим танком периода второй мировой войны.

Через несколько дней после совещания в Кремле мы были ознакомлены с приказом наркома обороны К. Е. Ворошилова о присвоении всем механикам-водителям танков и другим младшим командирам, принимавшим участие в испанской войне, командирских званий. Некоторые из них были направлены на учебу в военные академии, другие — в танковые училища.

Слушателями Военной академии бронетанковых и механизированных войск стали В. И. Кольнов, П. Н. Сиротинин, И. Л. Губанов, А. В. Разгуляев, К. П. Гурьянов, С. Я. Лапутин, В. А. Новиков, П. А. Семенов и другие.

С. И. Кондратьев получил звание комбрига и принял командование подмосковной механизированной бригадой. Полковник П. С. Фотченков стал командиром механизированной бригады в Киевском военном округе, а я, в звании военного инженера первого ранга, приступил к работе заместителя командира отдельной танковой бригады, которая стояла на советско-польской границе.

В ноябре этого же года в числе небольшой группы танкистов — участников национально-революционной войны в Испании — я был приглашен в Кремль.

В праздничном Свердловском зале Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин вручил нам медали «За боевые заслуги» и «За отвагу», которыми Советское правительство вновь высоко оценило наш ратный труд.

В результате неблагоприятного для дела мира и демократии соотношения сил на мировой арене явная и скрытая интервенция пяти главных империалистических держав привела к поражению в марте 1939 года Испанской республики. Пламя героизма, которое в течение тридцати двух месяцев, словно зарево, освещало весь мир, которое зажгло дух сопротивления народов, было залито потоками крови, и в этой стране на многие годы воцарился фашистский режим.

В Испании фашистские державы испытывали свое смертоносное оружие, которое затем широко использовали против других народов; но и демократические силы всего мира также испытывали в этой стране силу своего политического оружия в борьбе против наступления фашизма. Испания явилась великой школой сопротивления и антифашистского единства.

По-разному сложились судьбы моих однополчан. В бою с белофиннами погиб комбриг Степан Иванович Кондратьев. Офицеры П. С. Фотченков, В. И. Кольнов, П. Н. Сиротинин, И. Л. Губанов, А. В. Разгуляев, С. Я. Лапутин, К. П. Гурьянов, Е. Я. Аристов, В. В. Ободовский, В. А. Новиков, П. А. Семенов, М. И. Сучков и другие мои товарищи, командуя танковыми батальонами и бригадами, приняли на себя первые удары фашистских полчищ, вероломно напавших на нашу Родину. Они самоотверженно, не щадя жизни отбивали атаки преобладавших в силах фашистских бронированных орд.

Защищая социалистическую Отчизну, отдали свои жизни полковники Петр Семенович Фотченков и Василий Васильевич Ободовский, майоры Петр Никифорович Сиротинин, Алексей Васильевич Разгуляев, Павел Афанасьевич Семенов и Константин Павлович Гурьянов, капитан Виктор Алексеевич Новиков и многие другие соратники по испанской войне.

С немецко-фашистскими захватчиками на советской земле храбро сражались многие испанские антифашисты. Одни из них громили гитлеровцев в каче-

стве летчиков, пехотинцев и артиллеристов, а другие в составе особых партизанских отрядов в тылу у врага.

За доблесть и отвагу, проявленные в борьбе с немецкими оккупантами, многие испанские друзья были награждены Советским правительством боевыми орденами и медалями. Среди особо отличившихся — Герой Советского Союза Рубен Ибаррури, Франсиско Гульон, Хуакин Гомес, Альфонсо Гарсия Мартин, Хосе Санчес Эрнандес, Исмаель Син, Хуан Хосе Отеро, Леопольдо Маркильяс, Леонардо Гарсия Камара, Антонио Арьяс, Армандо и Эдуардо Виадю и многие другие.

Смертью героев пали, защищая родину социализма, товарищи Рубен Ибаррури, Франсиско Гульон, Хуакин Фейхоа, Хосе Парденяс, Мануэль Сарауса, Энрике Эскударо, Хосе Креспильо, Хусто Родригес, Мануэль Бельда и многие другие испанские побратимы. Память о них будет вечно жить в наших сердцах.

Во время Великой Отечественной войны мне не раз приходилось встречаться с участниками войны в Испании, но одна из них запомнилась надолго.

В июльском сражении под Курском наш 7-й гвардейский танковый корпус наголову разбил одно из танковых соединений немецкой армии, стремительно продвигался вперед, имея задачей окружить орловскую группировку противника. Широкое поле недавней битвы было покрыто трупами немецких солдат, покореженными танками, орудиями и другой военной техникой.

Подойдя к дымящейся громаде новейшего немецкого «королевского тигра», я обратил внимание на распластанные трупы немецких танкистов. На офицерской куртке одного из них рядом с Железным крестом поблескивал редкий орден «За выполнение задания». Такими высокими знаками отличия Гитлер награждал своих мародеров, отличившихся в боях против испанского народа.

«Вот так встреча! Жил собакой, околел псом»,— подумал я и пошел осматривать то, что осталось от некогда грозного «тигра».

В середине июля 1966 года делегация советских ветеранов войны по приглашению друзей-соратников из Германской Демократической Республики приехала в Берлин. На перроне Восточного вокзала нас тепло встретил один из организаторов интербригад в Испании Франц Даллем и интербригадовцы-тельмановцы.

Радостные восклицания:

— Салуд, камарадас! Амиго Фриц! Здравствуйте, дорогие братья! Геноссе Ваня! — неслись по перрону... Объятия...

До глубокой ночи горел свет в окнах отеля «Иоханнихор», где разместились делегации участников национально-революционной войны в Испании из двадцати четырех стран Европы и Америки.

Утром все столичные газеты вышли со статьями, посвященными 30-летней годовщине с начала антифашистской войны испанского народа.

Днем правительство Германской Демократической Республики устроило в честь интербригадовцев прием, на котором ветеран войны в Испании член Политбюро ЦК СЕПГ, заместитель председателя совета министров ГДР Альфред Нойман вручил награжденным, и в том числе членам советской делегации, правительственные награды с барельефом нашего отважного соратника по антифашистской борьбе Ганса Баймлера [1]. Затем участники международной встречи присутствовали при закладке памятника немецким участникам испанской войны, а также при открытии Ганс-Баймлер-Штрассе.

Вечером участники международной встречи собрались у празднично украшенного Дворца молодежи и спорта на Карл-Маркс-Аллее.

---

[1] Ганс Баймлер — один из руководителей Баварской Советской республики, член Центрального Комитета КПГ, депутат рейхстага. В течение 10 лет пробыл в тюремном заключении, подвергаясь истязаниям и издевательствам. Зная, что из Дахау убежать невозможно, он предпочел смерть от пули врага при попытке к бегству мученической гибели в фашистских застенках. Побег удался, и Баймлер направился в Испанию. Верный сын немецкого народа, несгибаемый коммунист Ганс Баймлер — в первых рядах защитников Мадрида. Будучи комиссаром батальона интербригады, он показал образец храбрости и верности интернациональному долгу. Погиб под Мадридом в 1936 году.

Под звуки «Интернационала» и приветствие берлинцев торжественная колонна интернационалистов направилась в ярко освещенный зал. Впереди шли испанские ветераны. С гордо поднятой головой, по-юношески легко шагал бывший командир батальона имени Чапаева, 76-летний швейцарец Отто Бруннер. Затем шли героические защитники Мадрида, доблестные штурмовики теруэльской цитадели и самоотверженные стрелки армии Эбро...

Тельмановцы, гарибальдийцы, домбровчане, линкольновцы, димитровцы, торезовцы и другие представители семи стрелковых и одной танковой интербригад, танкового интерполка, интернациональных авиационных, артиллерийских, медико-санитарных и других подразделений республиканской армии заполнили празднично украшенный зал.

Теперь, спустя тридцать лет, у них не та, былая, выправка, седина в висках и преждевременные морщины на лицах — печать пережитого там, в огненной Испании, когда они смотрели на фашистского врага сквозь прицелы винтовок, пулеметов и орудий. Волевые лица, блеск помолодевших глаз и поднятые вверх, сжатые в кулак натруженные руки лучше всяких слов говорили о неизменной верности пролетарскому интернационализму и готовности этих людей по первому же зову вновь стать под его священные знамена.

Официальную часть международной встречи открыл Франц Даллем. Присутствующие встали и минутой молчания почтили светлую память 7 тысяч иностранных добровольцев, погибших в боях за свободу Испании. Бывший боец интербригады, ныне член Политбюро ЦК СЕПГ, Пауль Фернер сказал:

— На крутых склонах Испании под огнем воздушных пиратов со свастикой боролись немецкие антифашисты, защищая честь немецкого рабочего класса.

В выступлениях ветеранов испанской войны испанца Энрике Листера, русского Павла Батова, американца Иосифа Бранта, поляка Евгения Шира и многих других наряду с воспоминаниями о прошедших событиях сквозила тревога за судьбу мира во всем мире.

Гневно осуждая агрессивные действия американского империализма во Вьетнаме, участники встречи

требовали прекращения наглого вмешательства в дела суверенных государств, увода империалистических войск с чужих территорий.

Берлинская встреча боевых интернациональных побратимов вылилась в грандиозную манифестацию дружбы между народами. Она показала готовность пролетарских интернационалистов из многих стран дать решительный отпор агрессивным силам, мечтающим о мировом господстве.

* *
*

В своих записках я не имел возможности подробно рассказать о всех событиях и боях, в которых активно участвовали наши танкисты. Как я уже писал, кроме упомянутых в книге интернациональных добровольцев самоотверженно сражались на испанской земле многие другие советские люди разных военных специальностей. 220 из них не вернулись на Родину. Они покоятся в испанской земле.

Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство воздали должное подвигу советских интернационалистов, воевавших на стороне республиканской Испании, и наградили многих из них орденами и медалями, а 59 особо отличившихся воинов были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Советский народ почтил память погибших героев, воздвигнув в их честь памятники и назвав их именами школы и улицы в Москве, Ленинграде, Минске, Киеве, Ростове, Горьком, Волгограде, Арзамасе и в других городах страны.

Время не стерло в нашей памяти подвиг героев Испании, он достоин того, чтобы вечно напоминать о благородном мужестве тех, кто отдал жизнь в борьбе с фашизмом на многострадальной испанской земле.

Хотя Испания еще не освобождена и борьба за демократизацию и свободу Испании продолжается в тяжелых условиях франкистской диктатуры, мы верим, что настанет день, когда свободолюбивый испанский народ свергнет кровавый режим и новая, народная Испания вступит на путь мира, демократии и социализма.

СОДЕРЖАНИЕ

Ветров Александр Александрович

ВОЛОНТЕРЫ СВОБОДЫ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *К. И. Аксанов*

Младший редактор *Ю. И. Попов*

Художник *Н. С. Михайлов*

На обложке рисунки художника *Ю. Петрова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *Н. Е. Трояновская*

Подписано в печать с матриц 24 июля 1973 г. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 11,97. Учетно.-изд. л. 11,50. Тираж 100 тыс. экз. А04650. Заказ № 2744. Цена 50 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

50 коп.

ПОЛИТИЗДАТ · 1973